

ВСЕ на
ВСЕ на
ОГОНЁК
№ 9 ФЕВРАЛЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В доме отдыха при заводе имени Дзержинского в Днепродзержинске ежемесячно без отрыва от производства отдыхает 50 рабочих.
На снимке: в столовой дома отдыха.

Фото Н. Козловского

На первой странице обложки: участники агитпробега, посвященного выборам в Верховный Совет СССР, колхозники-чемпионы по лыжам Рязанской области Мария Лобанова и Владимир Платонов.

Фото Б. Кузьмина

На последней странице обложки: члены рыболовецкой артели «Ваал», Пярнумаского уезда, Эстонской ССР, старейший рыбак депутат местного Совета Рауль Лепп и молодой рыбак Иоханн Янсо.

Фото Н. Максимова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 9 (1186)

26 ФЕВРАЛЯ 1950

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

28-й год издания

С огромным воодушевлением встретили трудящиеся Сталинского избирательного округа Москвы весть о согласии товарища И. В. Сталина баллотироваться по этому округу в депутаты Верховного Совета СССР. 18 февраля на Семеновской площади состоялся 150-тысячный митинг трудящихся Сталинского и Бауманского районов столицы, посвященный этому радостному событию.

Фото Дм. Бальтерманца

НЕСОКРУШИМАЯ ДРУЖБА

Максим **РЫЛЬСКИЙ**

«...Вдохновляемая товарищем Сталиным дружба народов СССР является одним из источников могущества нашей социалистической Родины... Голосуя за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, избиратели будут голосовать за то, чтобы народы Советского Союза и впредь были свободными, равноправными, чтобы и дальше росла и крепла нерушимая дружба народов СССР».

Так говорится в обращении ЦК ВКП(б) ко всем избирателям. Так думают миллионы граждан нашей многонациональной страны, которые единой, дружной семьей, тесно сплоченные вокруг коммунистической партии, вокруг великого Сталина, пойдут в день 12 марта на выборы в Верховный Совет СССР.

Дружба народов нашей страны — величайшее завоевание советского государства — еще более окрепла и закалилась в годы Великой Отечественной войны.

После победы над фашистской Германией герой штурма берлинского рейхстага, храбрый советский воин, грузин Мелитон Кантария возвратился на родину и снова занялся обычным своим делом — хлебопашеством. Однако его не удовлетворяли прежние, считавшиеся нормальными урожаи главной в его краях культуры — кукурузы. Он решил добиться большего. Прослышав о знаменитом мастере высоких урожаев украинском колхознике Марке Озерном, он обратился к нему с письмом, в котором просил у своего опытного собрата совета и указаний. Вскоре последовал ответ. Между Кантария и Озерным завязалась переписка, не замедлившая принять дружеский характер.

В этом факте многое представляется характерным: высокая идейность, сила воли, доблесть и стремление к победе одинаково руководят советским человеком на поле битвы и на ниве мирного труда. Советские люди охотно делятся друг с другом своим опытом, своими достижениями, что не противоречит социалистическому соревнованию, а, наоборот, постоянно и неизменно сопутствует ему. Особенно же ярко сказалась в приведенном эпизоде та сила, которая стала одним из главнейших залогов нашей победы в Великой Отечественной войне, та сила, которая изо дня в день ведет нас к все большему расцвету, к высшему счастью, та сила, которая является мощным оружием в борьбе за мир во всем мире. Сила эта — ленинско-сталинская дружба народов. Можно привести сотни примеров этой дружбы. Вот один из них.

Вся история становления, роста и укрепления советской Украины, неотъемлемой части Советского Союза, тесно связана с самой действенной помощью ей в борьбе с иноземными интервентами и врагами народа — помощью со стороны всех народов освобожденной России и в первую очередь великого русского народа. Помощь эта всегда вдохновлялась и окрылялась партией большевиков, вождями трудового человечества Лениным и Сталиным; она осуществлялась под непосредственным руководством великого Сталина.

Украинский народ по праву гордится тем, что в бессмертные дни 1917 года он первый пошел вслед за русским народом по пути Октября. Неразрывная дружба соединяет эти два народа, и в период Великой Отечественной войны дружба эта еще больше окрепла, еще больше углубилась. Благодарное потомство, вспоминая бои за Москву и Сталинград, героическую оборону Ленинграда, грозную бурю на Курской дуге, освобождение Киева и Харькова, победоносное шествие Советской Армии на запад, назовет неисчислимое количество примеров этой прекрасной и благородной дружбы. Без этой дружбы невозможно было бы и воссоединение украинского народа в едином советском украинском государстве.

Ленинско-сталинской называем мы ту дружбу, которая крепкими узами соединяет все народы Советского Союза. Это глубоко справедливо. Царскую Россию В. И. Ленин называл «тюрьмой народов». Дискриминация «мелких» народностей, систематическая травля «инородцев», умышленное возбуждение ненависти одной народности к другой — вот какова была «национальная политика» царской России.

Только Ленин и Сталин, только партия большевиков провозгласили и последовательно провели в жизнь принцип равноправия национальностей, больших и малых, сделали возможными развитие культуры и расцвет социалистического общества в тех отдаленнейших уголках нашей необъятной Родины, которые назывались когда-то глухими и население которых до недавнего времени не имело даже своей письменности. И на этой плодородной почве заколосилась, заиграла всеми цветами радуги культура советских народов, национальная по форме, социалистическая по содержанию.

Все советские люди исполнены глубочайшей благодарности великим Ленину и Сталину за свою счастливую, разумную, красивую жизнь.

Я говорил выше о национальной политике царской России. Было бы, однако, грубейшим поклепом на русский народ отожествлять его с царской Россией. К этому поклепу не раз прибегали националисты разных мастей,— история позором и презрением покрыла их имена.

Не вражда, а дружба с давних пор характеризует отношения русских, украинцев, белоруссов, грузин, узбеков, таджиков. Я не буду обращаться к таким отдаленным временам, как средина XVII века, когда по воле украинского народа свершилось присоединение его к России, спасшее Украину от порабощения султанской Турцией или шляхетской Польшей. Замечу только, что образ вдохновителя и руководителя этого присоединения Богдана Хмельницкого в народном творчестве овеян огромной любовью, а фигура Мазепы, пытавшегося оторгнуть Украину от России, в том же народном творчестве получила всюду резко отрицательную характеристику. А народ — судья справедливый!

Обратимся к временам более поздним. Вспомним дружеские отношения, соединявшие Шевченко с Чернышевским, вспомним, с какой глубокой теплотой и проникновенностью писал о «Кобзаре» Добролюбов, каким горячим стихотворением откликнулся на смерть украинского поэта Некрасов!

А Шевченко, вернувшись из ссылки, упивался герценовским «Колоколом», он называл декабристов «нашими первыми благовестителями свободы», он, по его собственному признанию, «благоговел» перед Гоголем и Щедриным. Не говорю уже о той беспредельной любви, которую питал украинский поэт к творчеству Пушкина и Лермонтова.

Примеров культурного единения передовых людей царской России можно привести очень много. Тут будет, если говорить только о русско-украинских отношениях, и факт перевода (или редактирование перевода) Тургеневым рассказов Марко Вовчок, и настойчивое пропагандирование Иваном Франко произведений русской литературы среди тогдашнего отсталого «галицкого» (западноукраинского) общества, и глубокие творческие связи украинского композитора Лысенко с Римским-Корсаковым и Чайковским, и тесное, подтвержденное многими документами творческое содружество передовых деятелей украинского театра с деятелями МХАТ и Московского Малого, и многое другое. Тут будет, если говорить об отношениях с другими народами, и пристальный интерес Лермонтова к грузинской и азербайджанской литературе, к творчеству этих и других кавказских народов, и образ великого азербайджанца Мирза Фатали Ахундова, так тесно связанного с тем же Лермонтовым, так горько оплакавшего Пушкина. Тут будут и слова замечательного грузинского писателя Церетели, заявившего, что Шевченко при личном свидании с ним научил его, «как надо любить родину».

Да. Но всюду речь идет о дружбе, о взаимовлиянии передовых представителей интеллигенции. Настоящие же глубокие корни пустила дружба народов в почву всей нашей земли, в толщу всех слоев нашего населения лишь в нашу, сталинскую эпоху. Только у нас, только в наше время возможны и даже вошли в быт, вызывая немалое изумление капиталистических соседей, такие явления, как социалистическое соревнование между Украиной и Грузией, между Грузией и Белоруссией. Только у нас возможен беспрерывный обмен творческим опытом в области искусства. Он выражается во взаимном показе достижений театра, музыки, изобразительных искусств и систематически увенчивается декадами национальных культур в Москве.

Я, как литератор, больше говорю о культурном единении. Знаю, однако, что родник этого единения бьет с одинаковой силой во всех областях народной жизни. Я вспоминал о нашем братстве на поле битвы. Но ведь та помощь, какую оказал русский народ республикам в деле восстановления народного хозяйства после временной оккупации фашистскими полчищами, поистине беспримерна! Это была помощь и семенами и хозяйственным оборудованием, одеждой и обувью, строительными материалами, машинами, станками. Она была проникнута подлинной братской любовью. Великое спасибо русскому народу!

Выполняя заветы Владимира Ильича Ленина, советский народ под водительством товарища Сталина успешно решает всемирно-историческую задачу постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Развернувшаяся по всей Советской стране избирательная кампания по выборам в Верховный Совет СССР еще и еще раз показывает всему миру несокрушимое морально-политическое единство всех народов нашей страны, которые дружной, братской семьей идут за великой партией Ленина — Сталина.

В наши дни высочайших подвигов мирного труда нет ни одной области народной жизни, в которой бы не была живой, движущей силой ленинско-сталинская дружба народов. Хлопководы Казахстана и свекловоды Украины, металлурги и горняки Урала, Донбасса, Запорожья и Криворожья, хлеборобы и садоводы Сибири, Полтавщины и Винниччины, виноградари Закавказья и Закарпатской области — разве это не единая семья? И разве это «чувство семьи единой», по выражению Павло Тычины, не наполняет сердце наше трепетной, весенней радостью? Разве можно без глубочайшего волнения слышать песню карпатских лесорубов о Донбассе, которому они дружной своей работой хотят помочь придти к новым завоеваниям?!

Советский Союз — маяк человечества. Ленинско-сталинская дружба народов неудержимым потоком переливается через рубежи стран народной демократии. И вот наши колхозники обмениваются добрососедскими посещениями с крестьянами Польши, Румынии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Албании. Наши зарубежные друзья учатся у нас,— есть чему поучиться! То же происходит и в области культуры. Все честные и мыслящие люди мира ориентируются на советскую литературу, советское искусство, советскую науку — самые передовые в мире.

Люди, бывавшие за границей, знают, какой необычайной популярностью пользуются там, особенно в славянских странах, советские песни. То и дело можешь услышать на улицах польского, болгарского, чешского, словацкого городов «Широка страна моя родная...» Как бы и впрямь люди поют о своей родной стране, когда поют они о Советском Союзе!

Недалек тот час, когда голоса трудящихся всего мира сольются в одной торжествующей, всепобедной песне дружбы. И самым заветным, самым дорогим в этой песне будет слово «Сталин»!

В степи

Давно не было в Астраханской степи такой суровой зимы, как нынешняя. Плотным слоем лежит снег на «черных землях» — зимних пастбищах по правому берегу Волги. Гонимые морозами и буранами, к окраинам станиц и хуторов часто подходят сайгаки — дикие козы,— обычно скрывающиеся от людей в глубине степи.

Но никакие капризы стихии не в силах приостановить огромную работу, которая развернута всюду: в колхозных селах, рыбачьих становищах, на предприятиях области — в связи с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР.

Озеро Баскунчак... На десятки километров тянется этот необычный водоем, заполненный твердыми, как чугун, отложениями соли и крепчайшим соляным раствором — «рапой». Бескрайняя водная равнина свинцово-серого цвета, резко отличная от белой, заснеженной степи. Под ветром она колеблется, рябит волнами. Как бы ни был жесток мороз, не замерзает это мелководье, до предела насыщенное солью.

— К навигации готовимся,— говорит начальник цеха добычи комбината «Бассоль» Дмитрий Васильевич Синьгучов; показав рукой в сторону озера, он поясняет: — В марте, как растают снега, водички прибавится, пойдут наши паровозы в плавание.

Это не оговорка. «Навигацией», как называют на Баскунчаке сезон добычи, здесь открывают не пароходы, а паровозы. По озерному мелководью прокладывают пути для движения солесосов, буксируемых локомотивами.

Дмитрий Васильевич ведет нас в механическую мастерскую. Во дворе, перед цехами, стоят солесосы. С первого взгляда они похожи на обычные товарные вагоны. Но входишь внутрь и поражаешься многообразию сложных устройств, с помощью которых механизирован трудоемкий процесс добычи соли.

Дмитрий Васильевич, старый рабочий Баскунчакских промыслов, помнит времена, когда соль со дна озера добывали вручную. Тысячи людей, стоя по колено в «рапе», долбили по дну кирками и ломами. Изнурительный, каторжный труд их оплачивался нищенски. Ревматизм, неизлечимые «рапные язвы» искалечили, свели в могилу не одно поколение рабочих «соляного промысла».

Картину прошлого — добычу соли вручную — ярко запечатлел на полотне талантливый художник-самоучка А. М. Светличный — один из старожилов Баскунчака. В рабочем клубе, где сейчас расположены избирательный участок и агитпункт, по вечерам полно народа. У картины Светличного, висящей на видном месте, большими группами собирается молодежь. Избиратели с интересом слушают агитатора — старого кадровика Бориса Михайловича Яичницына. О прошлом могут порассказать молодежи и братья Криулины — потомственные баскунчакские жители. Отец их был рабочим на промыслах. Все три брата получили образование при советской власти, стали командирами производства: Иван Филиппович Криулин работает механиком на электростанции, Михаил Филиппович строит новые солесосы, Алексей Филиппович руководит конструкторским бюро «Бассоли».

Судьба Криулиных — не исключение. Учительница местной школы Галина Александровна Батретдинова, инженер-плановик Александр Семенович Шлыков, начальник электростанции Дмитрий Емельянович Белашев — все местные уроженцы, дети рабочих. Получив специальное образование, они возвратились трудиться в родное гнездо.

Рабочие соляных промыслов — машинисты, слесари, монтеры — живут в каменных домах, освещенных электричеством, снабженных водопроводом. Школа-десятилетка, ремесленное училище, больница, амбулатория, магазин, столовая, радио — все это прочно вошло в их быт.

На берегах озера Баскунчак соревнованием в честь предстоящих выборов охвачены все. По-стахановски трудятся механик Н. Злобин, работница У. Файзулина, токарь Г. Сапрыкин и другие передовики производства. С огромным подъемом прошло в комбинате «Бассоль» предвыборное собрание рабочих и служащих, на котором кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР были выдвинуты великий Сталин, его ближайшие соратники, а также председатель исполкома Астраханского областного Совета депутатов трудящихся товарищ Петров.

Агитатор Б. М. Яичницын беседует с молодыми избирателями у картины местного художника-самоучки А. М. Светличного.

Фото Н. Маторина

* * *

Ледяной ветер бьет в лицо, слепит глаза. Снег заметает дорогу. Лошади проваливаются в сугробы, и вознице стоит немалых усилий поднять их и заставить идти. Возница вооружен охотничьим дробовиком, заряженным картечью. Предосторожность эта не излишняя: в пустынной зимней степи рыскают голодные волки.

Глаза устают от белого однообразия пустыни, слезятся от ветра; вдруг на горизонте мелькает темная полоска. Лес!

Лесной остров в море Астраханской степи создан руками советских людей.

Четверть века назад мелиораторы и агрономы с помощью местных крестьян высадили здесь первые саженцы. Живя в палатках и землянках, пионеры борьбы с засухой оберегали молодую поросль, с каждым годом расширяя площадь лесных полос. Ныне Богдинский опорный пункт Института агролесомелиорации занимает площадь в две тысячи гектаров. Высокой стеною деревья ограждают от палящего дыхания суховеев опытные поля, бахчи, фруктовый сад. Даже в самые засушливые годы здесь вызревает хороший урожай.

Два десятка домиков, окруженных деревьями, образуют поселок. Рядом с деревянными домиками, выстроенными в первые годы существования опорного пункта, немало новых каменных жилых зданий. В поселке есть свои школа, клуб, медицинский пункт.

В тесном содружестве работают ученые и практики — мастера земледелия. Директор опорного пункта инженер-лесомелиоратор Федор Михайлович Касьянов пришел в эти места со студенческой скамьи еще в 1927 году. Коренной местный житель Иван Михайлович Никотин двадцать пять лет назад одним из первых крестьян Владимировского района начал помогать ученым в борьбе с засухой. Иван Михайлович — теперь один из лучших в области знатоков лесомелиорации, он успешно руководит опытным хозяйством при опорном пункте.

Огромные пространства заснеженной степи отделяют маленький лесной островок от железной дороги. Но избиратели — работники опорного пункта и члены их семей,— как и все граждане Советской страны, деятельно готовятся к предстоящим выборам в Верховный Совет СССР.

После пронизывающего бурана открытой степи приятно чувствуешь себя в жарко натопленной просторной комнате агитпункта. Агитпункт расположен в первом этаже производственного корпуса. На стенах предвыборные плакаты, лозунги, на столах свежие газеты и журналы, литература к выборной кампании. Каждый вечер после работы приходят сюда избиратели послушать беседы агитаторов.

Научные сотрудники, рабочие говорят и о своих делах: каждому хочется отметить предстоящий всенародный праздник трудовым подарком Родине. Каждому приятно сознавать, что он член коллектива, идущего в первых рядах великого наступления на засуху.

* * *

...Широка Астраханская степь, бескрайни ее просторы. Но везде идет напряженная творческая работа, везде советские люди готовят достойную встречу всенародному торжеству — выборам в Верховный Совет СССР.

С. МОРОЗОВ

Астраханская область.

Директор Богдинского опорного пункта Ф. М. Касьянов измеряет толщину снежного покрова.

Ясный человек

С. КАНЕВСКИЙ

1

Бригадиры, получив наряды, ушли.

В конторе колхоза уже никого нет. Даже Василий Кузьмич — член правления, а по службе секретарь, кассир, телефонист — и он уже дома. Значит, время позднее.

Наконец-то Иван Абрамович Емельянов, председатель колхоза, остался один. Он закурил папиросу и задумчиво прислушался к ритмичному шуму дизеля на электростанции, глухо пробивавшемуся сквозь двойные оконные рамы.

Мягкие, размеренные звуки машины действовали на него успокаивающе, помогая увлечься мыслям, накопленным за долгий рабочий день.

Иван Абрамович готовится к отчетно-выборному собранию: истек очередной срок его полномочий председателя колхоза имени Тимирязева, который он создавал 20 лет назад. Емельянову, вожаку молодого колхоза, надо было тогда проявлять поистине железное упорство большевика, чтобы преодолеть предрассудки и вековую косность.

Даже старикам неловко вспоминать теперь о том времени, когда они наивно возлагали на всевышнего и его угодников обязанности врачей, агрономов и зоотехников.

2

Колхоз настолько ушел вперед, что сравнение с прошлым почти утратило свой смысл. На дубовом столе перед Иваном Абрамовичем аккуратно лежат отчетные документы за 1949 год, которые представил ему главный бухгалтер. Председатель не сомневается ни в одной из цифр. Бухгалтерия колхоза всегда «в ажуре». Ее работа могла бы послужить примером для очень многих, и этим гордится Иван Абрамович.

Председатель легко разобрался в столбцах годового отчета, с которым познакомил его главный бухгалтер. Множество фактов и живых людей возникло в его воображении.

— По балансу на 1 января 1950 года общая стоимость колхозного имущества, движимого и недвижимого, составляет 6 миллионов 32 тысячи рублей.

— В минувшем году колхоз получил 2 миллиона 65 тысяч рублей дохода.

— На строительство, оборудование ферм и прочие капитальные работы израсходовано 536 тысяч рублей.

3

«Право, какими требовательными мы стали»,— подумал Иван Емельянов. Ведь совсем недавно доярки мечтали об электродоильных аппаратах и машинах для приготовления кормов. Купили и только наладили механизмы, а бригадирша-доярка Анастасья Клевова уже настаивает, чтобы на молочной ферме устроили свою лабораторию:

— Нам своя центрифуга и приборы нужны. Мы бьемся за каждую десятую процента жира в молоке, а замерять, Иван Абрамович, нечем.

— Ничего не поделаешь,— согласился Емельянов.— Придется теперь колхозу молочной лабораторией обзавестись.

4

И колхозные плотники жаловались: в мастерской тесно, и моторной дисковой пилы теперь уже недостаточно. Нахлынуло много разнообразной работы.

«Надо будет обсудить на правлении вопрос о плотницко-столярной мастерской,— решил председатель.— А заодно и о колхозном кирпичном заводе». Колхоз объединяет 30 деревенек, раскинутых километров на 12. Правда, все административные и хозяйственные службы сосредоточены на центральной усадьбе в Ясной Поляне. Некогда здесь был пустырь, а теперь — здание правления, клуб, школа, электростанция, магазин, почта, фермы, мастерские, склады.

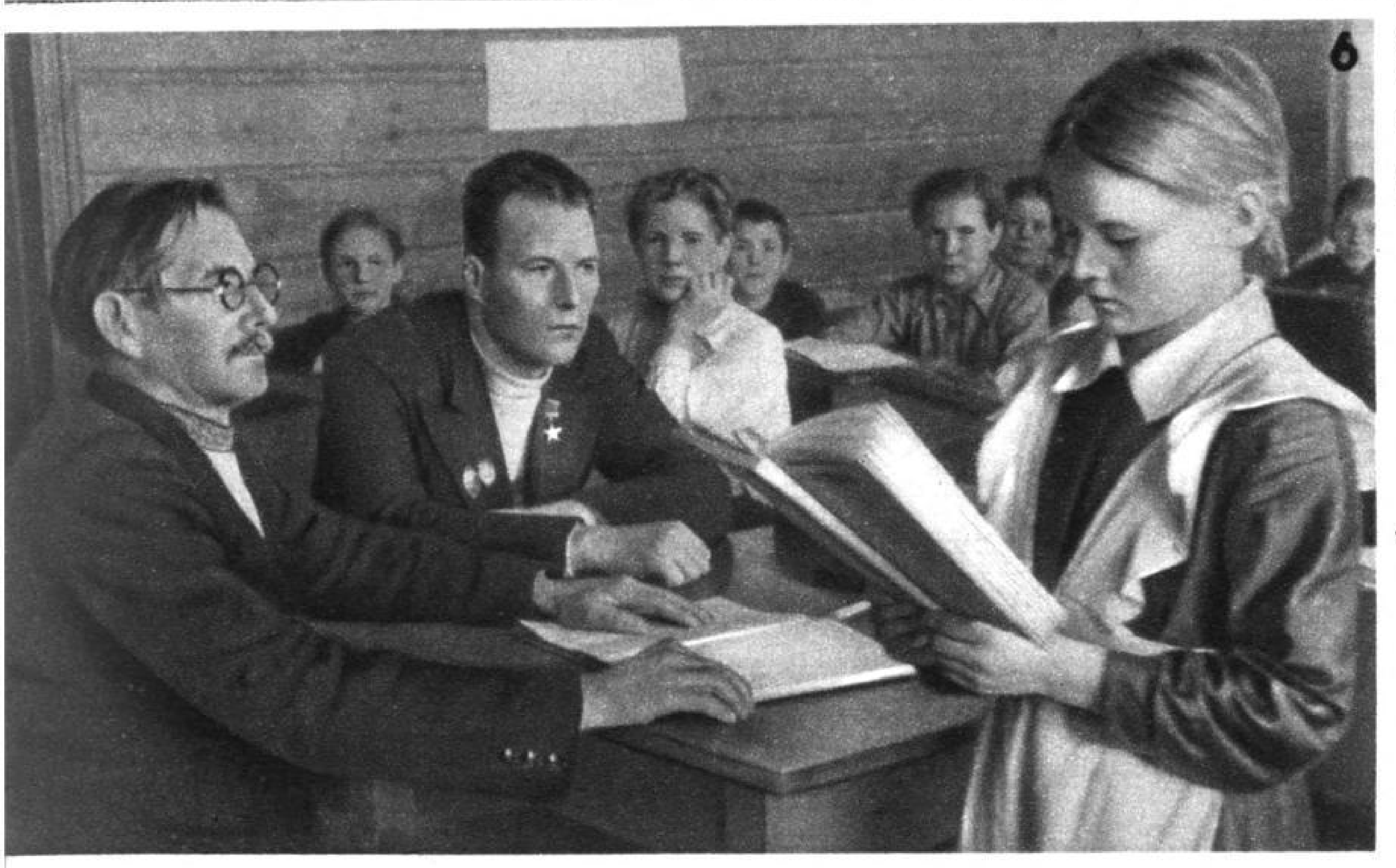
Но сотни жилых домов надо построить здесь заново или свезти сюда, чтобы Ясная Поляна превратилась в сельский социалистический городок. Это дело требует, конечно, не только много денег, но времени и техники. Инженер из области, составитель генерального архитектурного проекта реконструкции колхоза, на общем собрании заявил, что коренная перестройка потребует лет пятнадцати.

— Долго, слишком долго,— ответил Емельянов инженеру.— Нам бы лет за пять. Будем искать способ строить быстрее.

5

Иван Абрамович мечтает о применении новейших технических средств в колхозном строительстве. А деньги тимирязевцы всегда найдут. Одна лишь конеферма племенных рысаков приносит им ежегодно 350—400 тысяч рублей дохода.

Крестьяне из Румынии, приезжавшие в колхоз, рассказывали, что даже у богатых помещиков они не видели такой замечательной фермы.

6

Когда бы ни подумал Иван Абрамович о будущем колхоза, он неизменно ловит себя на том, что мечты его и планы непрерывно ширятся. В колхозе имеется школа-семилетка. Иван Абрамович хочет построить каменное здание для десятилетки с лабораториями, с просторным гимнастическим залом и окружить школу большим фруктовым садом.

7

На следующее утро Иван Абрамович получил вызов из Москвы на совещание по сельскому и колхозному строительству. «Надо ехать»,— обрадовался Емельянов. Вот удобный случай поставить вопрос о механизации строительства в колхозах...

Однако поездка в Москву не состоялась. Началось выдвижение кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, и тимирязевцы на общем собрании единодушно высказались за то, чтобы по их избирательному округу баллотировался Герой Социалистического Труда Иван Абрамович Емельянов.

— Человек он для народа ясный, надежный. С его помощью наш колхоз завоевал ведущее положение,— говорили люди.

Во всех других колхозах инициатива тимирязевцев нашла дружную поддержку.

И эта популярность Емельянова в народе вполне понятна. Она неотделима от заслуженной славы колхоза, которому Иван Абрамович отдает весь свой природный ум и неистощимую энергию. Если кто хочет знать, как выращивать высокие урожаи льна,— идет к тимирязевцам. Если какой-нибудь колхоз намерен обзавестись племенными лошадьми,— обращается к тимирязевцам. Когда понадобилось прочесть для студентов Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева лекцию об образцовой организации и сдельной оплате труда в колхозе, академия попросила об этом Ивана Абрамовича. А сколько запросов по почте получает он отовсюду — из армии и флота, от колхозников и агрономов!

Даже из-за границы пишут ему. Вот пришло из Румынии письмо от крестьянки Стиридоны Андре, которая побывала летом в колхозе имени Тимирязева с делегацией. Пишет Стиридона по-русски, с ошибками, но понятно и трогательно: «Вернувшись в нашу страну со знанием богатых опытов ваших колхозов, я организовала в моей деревне колхоз на 36 семейств, бедных и середняков, имея 190 га земли. В колхоз они привели с собой скот и землеорудия. Желаю, чтобы мое послание, товарищ Емельянов, застало вас в счастливейший момент жизни».

Застало! Емельянов считает доверие и честь, оказанные ему народом,— счастливейшим моментом в своей жизни.

— Я горжусь тобою, Ваня,— сердечно и просто сказала ему жена, вернувшись домой с общего собрания.

Колхоз имени Тимирязева.
Ясная Поляна.
Городецкого района.
Горьковской области.

На заводе «Электросталь» 32 агитационных коллектива. 500 коммунистов и беспартийных активистов ведут агитационную работу среди жителей города. Партком завода систематически организует в помощь агитаторам доклады и лекции. На снимке: агитаторы слушают доклад о международном положении. У карты докладчик — инженер завода «Электросталь» П. Я. Яковлев, действительный член Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

У СТАЛЕВАРОВ

М. МАРИНА

— Так, стало быть, волнуешься, товарищ агитатор?

— Волнуюсь, товарищ секретарь.

— Ну, давай волноваться вместе.

Богатов улыбнулся, встал из-за стола и сел на широкую скамейку рядом с Чекуновым.

— Ты прежде скажи мне: как вообще-то живешь? Как нога?

— Нога что? Нога ходит!.. — Чекунов постучал стальной тросточкой по протезу. — И живу сейчас хорошо.

Совсем рядом деловито и как-то по-свойски мягко гукнул невидимый паровоз. Мимо окна, погромыхивая, замелькали платформы, груженные слитками.

Чекунов встал и шагнул к окну:

— Вот она, дорогая, идет...

Сдвинув прокопченную шапчонку с каштановых волос, он не скоро оторвал глаза от окна, а потом провел по волосам рукой и обернулся к Богатову:

— Пришел к вам, Анисим Федорович, о самом главном разговаривать... Долго собирался — трудно об таком говорить...

На секретаря пристально глядели глубокие черные глаза. Так вот, лицом к лицу, Чекунов гораздо моложе, чем на расстоянии.

— Что же ты, Сережа, волнуешься, когда идешь на участок? Разве ты к чужим идешь?

— Не в этом дело, Анисим Федорыч... Наши заводские сталевары в сорок девятом выплавили стали больше, чем в сорок восьмом. Мы тоже дали готового проката больше, чем в сорок восьмом, так? И вот опубликовали статистику. Вся промышленность всей страны поднялась на двадцать процентов... Ведь если только вдуматься: каждая отрасль, каждый завод, каждый цех, каждый человек устремлены к одной цели. Каждый!.. Если все это себе представить, — Чекунов прислонил палочку к столу и растопырил пальцы обеих рук, будто поднял в воздух что-то большое, круглое, красивое, — если только представить себе!..

А кругом, Анисим Федорыч, — Чекунов кивнул головой на окно, — все вроде обыкновенно, просто. Так же гудят цехи, ходят поезда, идет сталь... Вроде ничего и не случилось.

— Так оно же и не случилось! Это вполне закономерный рост социалистического производства. Мы же с тобой, дружище, в коммунизм вступаем. Еще в «Великом почине» Владимир Ильич Ленин говорил, что коммунизм начинается там, где рабочие самоотверженно заботятся об увеличении производительности труда, о сбережении каждого пуда хлеба, угля, железа для нужд всего общества.

— То-то и оно: пуд железа... А мы к 12 марта дадим сверх плана сотни тонн проката! Вот почему я волнуюсь, вот почему дух захватывает!

Богатов взял Чекунова за локоть и повернул к себе:

— То, что ты переживаешь, Сергей, мне знакомо, близко. Всем нам знакомо и понятно. Только мещанин и обыватель может оставаться сейчас равнодушным. Агитатор...

— Агитатор! В этом-то и все дело: неважнецкий я агитатор, Анисим Федорыч! Хочу людям рассказать много, начинаю чувства в слова переводить, а вместо накаленного слитка получается остывший металл, серый и тяжелый...

— Э, брат! Слова придут, слова — не главное. Самое главное у тебя есть: суть, основу ты берешь правильно, крепко. Добросовестно готовься, подбирай хорошие, красноречивые факты и говори просто, как на сердце лежит, — всегда выйдет хорошо.

...Уже давно затихли шаги Чекунова, а Богатов все стоял у окна, задумавшись. В красном уголке и в комнате цехового партийного бюро пахучая, послеремонтная чистота. Но было здесь что-то не так, как надо. Может быть, это из-за скамеек, больших, металлических, выкрашенных масляной краской? Совсем такие же стоят обычно на скверах и в парках. Может быть, нет уюта, потому что нигде не видно книг? Может быть, цветов нехватает? Может быть...

...После «оперативки» Сергей подошел к Салманову:

— Леша, ты к своим когда идешь?

Тот прикуривал от стального прута, вынутого из печи. Сунув прут обратно в печь, он быстро повернулся к товарищу:

— Нынче.

— Я на завтра беседу замыслил, но у меня партучеба сегодня...

— Ага, и тебе нужно всех сегодня предупредить? Хитро задумано! Ладно уж. Будет обеспечено, товарищ пламенный агитатор.

Погрозив Алексею, Чекунов прошел к своему месту.

...Недалеко будто оно, это место. Но шел до него Чекунов долго. Еще в сороковом — сорок первом году мечтал он стать на прокат. Но прежде пришлось ему пройти через густые белорусские леса, через приволжские степи, мимо пожаров, до которых не доедешь часами, а кажется, что горит в полверсте, через огромное село Заплавное, разделенное речушкой на две части, мимо мохнатых от инея ив, через город, великий город над широкой рекой, содрогающийся от взрывов и рушащихся домов. Перед этим он жил просто и хорошо. Может быть, немного беспечно. Но это понял он уже потом, когда глянул в пустые глазницы смерти, когда думал о жизни длинными ночами на госпитальной койке.

После госпиталя он вернулся сюда, в город Электросталь, где рос, где учился и работал, откуда ушел на войну. По состоянию здоровья его было устроили на «спокойную работу» — заместителя заведующего столовой. Но они не подошли друг к другу: он и «спокойная работа». Он запросился в цех, и его взяли машинистом рольганга. Он пришел сюда, в свой любимый прокатный цех, научившись думать о жизни, проверять все свои поступки, бросать в ход все свои силы...

Будь он поэтом, он обязательно написал бы поэму о своем цехе, о людях, которые создали, приручили, покорили металл, и как он, уже добытый, сваренный, превращенный в слитки, все еще сопротивляется и как люди преодолевают это его упрямство.

Вот исторгается из жерла печи раскаленная чушка. Ее, словно важную персону, катят на железной тележке к стану «600». Она яркая, оранжевая. Металл здесь уже не беснуется, не клокочет, как в сталеплавильной печи в соседнем цехе. Тут он упорствует молча. Но к себе не подпустит близко. При малейшем прикосновении он злобно брызжет жгучими, опаляющими искрами, швыряя их целыми пригоршнями. Но вот чушку сбрасывают к подножию высокого стана. Клещи вальцовщиков тащат ее и заключают в теснейшие объятия валков. Проходя через них, чушка становится брусом, делается все смиреннее, тоньше. В последнем обжиме бока бруса принимают нужную форму: круга, квадрата, шестигранника.

Пройдя через весь стан, брус стал похож на ленту, она уж не такая яркая и огненно-рыжая. Сама, как живая, она послушно бежит по вращающимся валкам рольганга. Беспощадные пилы со скрежетом разрежут ее на куски нужных размеров, и они, сложенные в штабеля на больших или маленьких вагонетках, будут спокойно остывать в сторонке. Они будут терять алый цвет, тускнеть, становиться серыми, и разве только какое-то невидимое волоконышко или соринка, попав на остывающий металл, вызовет на нем еще один,

— Не пойму я, граждане, кто кого теперь агитирует? — говорит Юра, ученик 3-го класса. Иван Андреевич Чумичев обнял внука:
— Все мы, Юра, за нашу советскую жизнь агитаторы.
По другую руку Ивана Андреевича — самый младший его сын, шестиклассник Вова. Он не пропускает ни одной беседы агитатора Сергея Матвеевича Чекунова, сидящего рядом с ним. Дальше по кругу сидит второй сын — слесарь-сборщик Василий Иванович.
Около него — Виктор Огулин, токарь; слева — Алексей Салманов, он из одного цеха с Чекуновым.
Рядом с Салмановым Александра Федоровна, хозяйка дома, супруга старшего сына хозяина, Александра Ивановича, сталевара, знатного стахановца. Дальше сидит Николай Александрович Пискунов, друг старшего Чумичева, тоже пенсионер: он преподает в ремесленном училище прокатное дело.

последний протестующий язычок пламени. А затем он, остывший, будет покорно ждать, когда его еще раз возьмут в работу умелые руки и изготовят из него то, для чего он предназначен.

...У первой смены уже скоро обед, а едва-едва рассвело. Улицы только что примолкли после ребятишек, пробежавших в школу.

У высокого виадука работает женщина в белом фартуке поверх ватника. Когда, проскрежетав скребком по всем ступенькам, она взялась за лопату, внизу, у самой лестницы, остановился автомобиль. Пожилой человек стал подниматься по ступеням.

Поровнявшись с женщиной, приезжий сказал весело:

— Вот как хорошо, что лестница чистится, а то с этакой высоты прокатиться по всем ступенькам... Ого-го!

Человек поднялся на самый верх, но по мосту не пошел. Он положил руки на высокий парапет и подолгу смотрел то в одну, то в другую сторону.

Виадук делает огромный прыжок над территорией завода. От высокого здания заводоуправления он приводит прямо в город, на широкую улицу. В отдалении длинные огромные цехи «Электростали», а сюда ближе — линии железной дороги, складские постройки, будки, трубы. Большой, своеобразный город. Улицы города прямые, по линейке вычерченные. Высокие каменные дома, сады, широкие тротуары...

Женщина уже сбросила лопатой весь лед со ступенек и взялась за совок, а незнакомец все стоял и все смотрел.

Она не раз замечала, что люди, и свои и приезжие, останавливались на виадуке и смотрели на завод и на город. Но этот смотрит, будто дышит — не надышится.

Она щедро бросала на ступеньки золу. Поднявшись до самого верха, сказала:

— Вы бы отошли немного, запылю я вас.

— Сыпь, сыпь, пустяки,— седой махнул рукой. — А что, давно здесь эта улица выросла?

— Горького-то? — женщина отряхнула фартук и выразила полную готовность к разговору. — Лет этак, конечно, больше двадцати.

— Я помню, кажется, вот этот дом, его строили в 1927 году, но кругом тогда дома были деревянные, и тогда это место называли «Карпатами». Осенью или весной сюда из-за грязи было невозможно добираться. А уж про новое вы расскажите, пожалуйста.

— Ну, что же, можно, конечно. Вот глядите сюда: «Агитпункт» написано, видите? Это наш заводской клуб. А чуть подальше — ремесленное. Наш агитатор, конечно, про все объяснил. В городе теперь, считай, тысяча каменных больших домов. За прошлый год почти что двести отстроили...

Внизу прошел паровоз. Под мостом он устрашающе зашипел и выбросил вверх такое густое облако пара, что собеседники потеряли друг друга из вида. Когда пар рассеялся, женщина засмеялась не то от гордости, что такие интересные вещи может сказать приезжему про свой город, не то потому, что за минутную разлуку этот человек показался ей более знакомым.

Мимо шел мальчик лет тринадцати и приостановился. Эту тетеньку он знал хорошо, а седоусого видел впервые, но все-таки сказал:

— Здравствуйте!

— Привет, пионер! Скажи-ка, а кем ты будешь, когда большой вырастешь?

Мальчик пожал плечами и хотел пройти мимо: нельзя же каждому отвечать на такие вопросы,— но, подняв голову и поглядев в глаза седому человеку, он встал рядом с ним и сказал:

— Сталь буду варить.

К ним подошли еще две девочки.

— Это здорово, разумеется, учись, брат, хорошенько, на пятерки, а потом — в Институт стали. Инженером будешь. Инженеры, они, брат, замечательные люди... А как раньше называлось это место, знаете?

— Затишье,— хором ответили ребята.

— То-то и оно, что Затишье. Здесь стояли три дачи чиновника Свешникова, который жил в Богородске, а дачи сдавал. Лес был кругом на много километров. Лоси бегали, волки, лисы. В августе 1916 года купец Второв здесь — вот где сталеплавильный номер первый — завод заложил. Под первый камень он золотые монеты кинул, чтоб дело прибыль приносило. Завод, проще сказать, два цеха: сталелитейный и кузнечно-термический — построил, а больше он ни о чем не думал. Рабочие ютились как попало: летом ночевали в шалашах, зимой жили в бараках.

— А школа тогда была? — спросила одна девочка.

— Одна была, в ней училось восемьдесят пять детей. А теперь сколько в Электростали школ? Ну-ка, школьники?

Ребята, как на уроке, ответили:

— Девять школ, и учится больше десяти тысяч человек.

— Молодцы! Ну,— приезжий поглядел на ручные часы,— мне пора. До свиданья!

— Кто же это такой, тетя? — спросили ребята.

— Фамилии, конечно, не скажу, но сразу видно — свой человек.

...Тихий, тихий вечер. После вчерашних 32 градусов на улице просто теплынь. Улица и сады за оградами полны ребят. Кто на лыжах, кто на коньках, кто с санками. Деревья стоят совсем белые.

Вдоль длинного ряда высоких каменных домов и ровных широких тротуаров, тоже сейчас чисто белых, идут узорные решетки. Они массивные, красивые, как и полагается им быть на центральных улицах города.

...Хорошо идти и видеть звезды!..

...Беседа, как сказал бы секретарь цехпартбюро товарищ Богатов Анисим Федорыч, прошла на высоком идейно-политическом уровне. Агитатора слушали внимательно. И все говорили, все, кто был.

Иван Андреевич Чумичев даже встал, когда говорить начал. Встал, одернул свою аккуратную синюю спецовочку и сказал:

— Сорок восемь лет работаю на производстве. Ну, это известно. Нынче за выслугу лет пенсию назначили. Много видел я за эти долгие годы. Знаю, что такое настоящая справедливость, ну, это известно... Живу я хорошо. Ребят учу кузнечному делу в нашем ремесленном училище.

Вспоминая эту речь, Сергей улыбался. Все, что сказал старик, действительно всем известно, но сказал он так задушевно, что даже не особо словоохотливый Николай Александрович Пискунов тоже в разговор вступил.

Огулин — серьезный парень. Хорошо он рассказал про безработицу в США, про 12 процентов эксплоататоров в Англии, которые забирают себе 60 процентов всего национального дохода.

Ну, и друг Алеша Салманов, как всегда, помог. Он во-время напомнил о жилищном кризисе в Европе, где за квартиру рабочий человек должен отдавать четверть, а то и треть заработка.

И про наши города... Совсем были начисто снесены, а теперь отстраиваются — лучше прежнего. Сталинград, Киев, Минск. И тысячи сел и деревень. А в Англии? Да там в самом Лондоне еще не восстановлены разрушенные бомбежкой дома, будто только месяц назад бомбили.

А когда дед про безработицу начал напоминать, Юра, внук его, слушал, слушал, а потом посмотрел на всех и говорит:

— Не пойму я, граждане, кто кого теперь агитирует? Сегодня на виадуке какой-то седой дяденька вот интересно рассказывал, как завод строился...

...Сергей шел по улице неспеша, пристукивая своей тросточкой.

Две девушки, поровнявшись с ним, вдруг звонко расхохотались. Может быть, они подметили, что парень идет по улице один, улыбается и рукой помахивает. А может быть, просто потому, что девушки отлично поработали, пришли домой, умылись, пообедали, принарядились и теперь бежали в клуб на лекцию или в кино и уже, конечно, после останутся на танцы. А может быть... Мало ли чему могли смеяться девушки в такой вечер!

Сергей поглядел вверх. Над самой головой — пушистые от инея ветки березы, еще выше — крупные, ясные звезды.

...В селе Заплавном были такие же вот мохнатые белые деревья. Что-то там сейчас? Может быть, так же вот идет какой-нибудь агитатор после беседы, и у него между застегнутыми пуговицами пальто, по давней школьной привычке, так же засунута тетрадь, а в ней аккуратно сложен номер «Правды» со статьей «Сталинская забота о всеобщем благосостоянии народа».

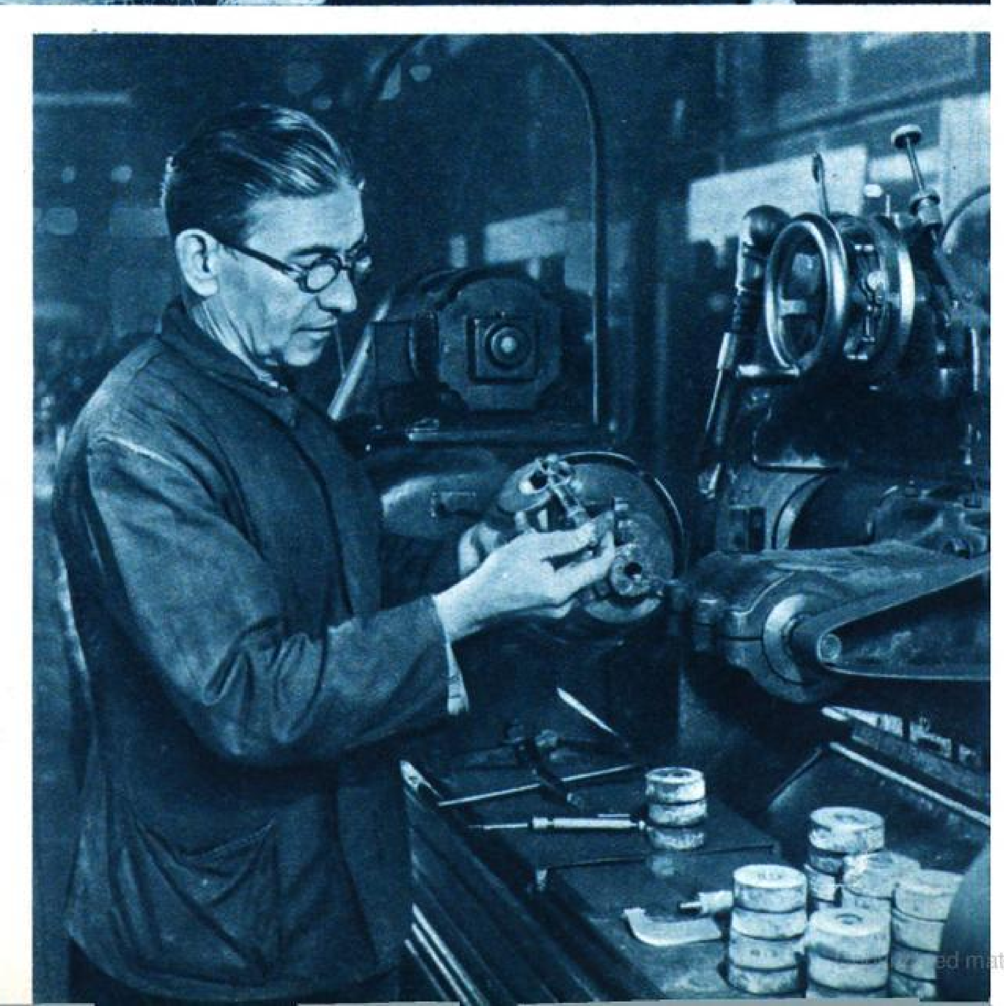
Он идет, и над ним так же мирно и ясно блестят чистые звезды.

В одном РАЙОНЕ

Фотоочерк Н. Козловского и Л. Галинского

К приходу агитатора в квартире Анастасия Григорьевича Чайковского — стахановца завода «Ленинская кузница» — стали собираться соседи. Агитатор Петр Кириллович Нагорный еще накануне сообщил о теме беседы: говорить он собирался о том, какие перемены произошли в Сталинском районе столицы Советской Украины — Киева за четыре года, миновавшие со времени прошлых выборов.

Сам хозяин квартиры, лучший токарь-шлифовальщик ремонтно-механического цеха «Ленинской кузницы», был в это время на работе.

Агитатор рассказывал:

— Бульвар Шевченко, соединившись с Брест-Литовским шоссе, образовал удобную многокилометровую магистраль. Здесь проложены новые троллейбусные маршруты.

Много семейств за последнее время справило новоселье! Недавно переехал в благоустроенную квартиру Николай Трофимович Кальпето — знатный человек «Ленинской кузницы», лауреат Сталинской премии, заместитель начальника одного из ведущих цехов завода.

Со времени прошлых выборов уже около 5 тысяч семейств Сталинского района получили новые квартиры со всеми удобствами.

Выстроена детская больница, оборудованная новейшей аппаратурой.

...То, чего не досказал Петр Нагорный, дополнили слушатели. Долго продолжалась увлекательная беседа о том, как живут сейчас трудящиеся района,— беседа, которую часто можно слышать в любой квартире киевских избирателей.

Открытое письмо

окружным избирательным комиссиям

Мы, нижеподписавшиеся, каждый в отдельности получили телеграммы от различных заводов, колхозов и предвыборных совещаний избирателей различных областей и округов о выдвижении нас в качестве кандидатов в депутаты в Верховный Совет СССР по целому ряду избирательных округов.

Мы приносим свою глубокую благодарность за доверие всем товарищам-избирателям, выставившим наши кандидатуры.

Считаем, однако, нужным заявить, что так как по закону каждый из нас может баллотироваться только в одном из избирательных округов, то мы, как коммунисты и члены ЦК ВКП(б), обратились в ЦК ВКП(б) за указаниями. ЦК ВКП(б) дал нам указание снять свои кандидатуры с других округов и баллотироваться в следующих избирательных округах:

Андреев А. А. — в Совет Союза, Ашхабадский избирательный округ, Туркменская ССР.

Берия Л. П. — в Совет Союза, Тбилисский — Сталинский избирательный округ, Грузинская ССР.

Буденный С. М. — в Совет Союза, Шепетовский избирательный округ, Украинская ССР.

Булганин Н. А. — в Совет Национальностей, Московский городской избирательный округ, г. Москва.

Ворошилов К. Е. — в Совет Союза, Минский городской избирательный округ, Белорусская ССР.

Каганович Л. М. — в Совет Союза, Ташкентский — Ленинский избирательный округ, Узбекская ССР.

Косыгин А. Н. — в Совет Национальностей, Ивановский избирательный округ.

Маленков Г. М. — в Совет Союза, Ленинградский избирательный округ, г. Москва.

Микоян А. И. — в Совет Национальностей, Ереванский — Сталинский избирательный округ, Армянская ССР.

Михайлов Н. А. — в Совет Национальностей, Ставропольский избирательный округ.

Молотов В. М. — в Совет Союза, Молотовский избирательный округ, г. Москва.

Пономаренко П. К. — в Совет Союза, Минский сельский избирательный округ, Белорусская ССР.

Сталин И. В. — в Совет Союза, Сталинский избирательный округ, г. Москва.

Суслов М. А. — в Совет Союза, Саратовский — Ленинский избирательный округ, г. Саратов.

Хрущев Н. С. — в Совет Союза, Калининский избирательный округ, г. Москва.

Шверник Н. М. — в Совет Национальностей, Свердловский избирательный округ.

Шкирятов М. Ф. — в Совет Национальностей, Тульско-Рязанский избирательный округ.

Мы приняли к исполнению эти указания ЦК ВКП(б).

Просим соответствующие избирательные комиссии принять к сведению настоящее заявление и рассматривать его как документ при регистрации кандидатов в депутаты.

АНДРЕЕВ А. А.	**КОСЫГИН А. Н.**	**СТАЛИН И. В.**
БЕРИЯ Л. П.	**МАЛЕНКОВ Г. М.**	**СУСЛОВ М. А.**
БУДЕННЫЙ С. М.	**МИКОЯН А. И.**	**ХРУЩЕВ Н. С.**
БУЛГАНИН Н. А.	**МИХАЙЛОВ Н. А.**	**ШВЕРНИК Н. М.**
ВОРОШИЛОВ К. Е.	**МОЛОТОВ В. М.**	**ШКИРЯТОВ М. Ф.**
КАГАНОВИЧ Л. М.	**ПОНОМАРЕНКО П. К.**	

17 февраля 1950 г.

Отъезд из Москвы Председателя Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики г. Мао Цзе-дуна и Премьера Государственного Административного Совета и Министра Иностранных Дел г. Чжоу Энь-лая.

На снимке (слева направо): г-н Ван Цзя-сян, г-н Чжоу Энь-лай, г-н Мао Цзе-дун, В. М. Молотов, Н. А. Булганин, А. И. Микоян, А. Я. Вышинский и сопровождающие их лица на Ярославском вокзале.

Фото Ф. Кислова

17 февраля из Москвы выехали Председатель Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики г. Мао Цзе-дун и Премьер Государственного Административного Совета и Министр Иностранных Дел г. Чжоу Энь-лай.

Вместе с г. Мао Цзе-дуном и г. Чжоу Энь-лаем выехали проф. Чен Бо-да, г.г. Оу Ян-цин, Ши Чжэ, Е Цзе-лун, Ван Дун-син и другие сопровождающие их лица.

На Ярославском вокзале отъезжающих провожали Заместители Председателя Совета Министров СССР В. М. Молотов, А. И. Микоян, Н. А. Булганин, Министр Иностранных Дел СССР А. Я. Вышинский, Министр Внешней Торговли СССР М. А. Меньшиков, Заместитель Министра Иностранных Дел СССР А. А. Громыко, Посол СССР в Китайской Народной Республике Н. В. Рощин, Председатель Московского Городского Совета М. А. Яснов, Комендант г. Москвы Генерал-лейтенант К. Р. Синилов, и. о. Зав. 1-м Дальневосточным Отделом МИД СССР И. Ф. Курдюков, Зам. Зав. Протокольным Отделом МИД СССР П. А. Бушуев и другие ответственные сотрудники МИД СССР.

Отъезжающих также провожали члены Посольства Китайской Народной Республики в Москве во главе с Послом г. Ван Цзя-сяном, Посол Чехословацкой Республики г. Б. Лаштовичка, Посол Корейской Народно-Демократической Республики г. Дю Ен Ха, Посол Народной Республики Болгарии г-жа С. Благоева, Посол Румынской Народной Республики г. С. Бугич, Посол Венгерской Народной Республики г. А. Собек, Посланник Монгольской Народной Республики г. Н. Идамжаб, Посланник Народной Республики Албании г. В. Натанаили, Глава Дипломатической Миссии Германской Демократической Республики г. Р. Аппельт, Временный Поверенный в Делах Польской Республики г. Я. Замбрович.

При проводах был выстроен почетный караул и были исполнены государственные гимны Китайской Народной Республики и СССР.

Вокзал был украшен китайскими и советскими флагами.

До советско-китайской границы г. Мао Цзе-дуна и г. Чжоу Энь-лая сопровождают Заместитель Министра Иностранных Дел СССР А. И. Лаврентьев и Заведующий Протокольным Отделом МИД СССР Ф. Ф. Молочков.

(ТАСС).

РЕЧЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО НАРОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ г. МАО ЦЗЕ-ДУНА

При отъезде из Москвы Председатель Центрального Народного Правительства Китайской Народной Республики г. Мао Цзе-дун выступил на вокзале перед микрофоном со следующей речью:

Дорогие товарищи и друзья!

Будучи в Москве, я и товарищ Чжоу Энь-лай, а также члены Китайской делегации встречались с Генералиссимусом Сталиным и ответственными товарищами из Советского Правительства. Трудно передать словами то полное взаимопонимание и глубокую дружбу, которые созданы на основе коренных интересов наших великих народов Китая и Советского Союза. Все видят, что сплочение великих китайского и советского народов, закрепленное Договором, является долговечным, нерушимым и непоколебимым. Это сплочение неизбежно повлияет не только на процветание великих держав Китая и Советского Союза, а также на будущность всего человечества и победит к победе справедливости и мира во всем мире.

За время нашего пребывания в СССР мы побывали на ряде заводов и в колхозах. Мы видели огромные успехи рабочих, крестьян и интеллигенции Советского Союза в деле строительства социализма, видели стиль сочетания революционного размаха с деловитостью советского народа, выработанный под руководством товарища Сталина и Всесоюзной Коммунистической Партии большевиков. Это подтверждает убеждение, которое всегда было у китайских коммунистов: опыт экономического, культурного строительства и строительства в других важнейших областях Советского Союза станет примером для строительства нового Китая.

За время пребывания в столице СССР — Москве и в городе рождения Октябрьской революции — Ленинграде мы чувствовали теплое гостеприимство. Покидая Великую Социалистическую столицу, мы искренне выражаем сердечную признательность Генералиссимусу Сталину, Советскому Правительству и советскому народу.

Да здравствует вечная дружба и вечное сотрудничество Китая и Советского Союза!

Да здравствуют народы Советского Союза!

Да здравствует учитель революции во всем мире, лучший друг китайского народа товарищ Сталин!

ВЕЛИКОЕ ЕДИНСТВО

Обращение Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) к избирателям глубоко взволновало мысли и чувства советских людей.

И советские люди испытали необходимость собраться вместе, чтобы ответить партии, ответить Сталину на мудрые, проникновенные слова Обращения. В городах и селах, на заводах и шахтах, в учреждениях и воинских частях состоялись митинги, собрания.

Сколько теплых слов было сказано о большевистской партии, о родном и любимом Сталине! В кругу товарищей люди делились своими сокровенными мыслями, говорили о безграничном доверии к партии Ленина — Сталина.

Обращение Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) еще больше укрепило морально-политическое единство советского народа, заявившего о своей полной поддержке на предстоящих выборах кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

— Товарищ Сталин дал согласие баллотироваться по нашему избирательному округу!

Весть облетела заводы и фабрики, институты и учреждения Сталинского избирательного округа Москвы. 18 февраля трудящиеся Бауманского и Сталинского районов столицы собрались на митинг, посвященный этому радостному событию.

Счастливые, гордые доверием, оказанным великим вождем и учителем, стекались на Семеновскую площадь десятки тысяч людей. По Мееровскому проезду, по Щербаковской, Электрозаводской, Бакунинской улицам шли к площади рабочие, офицеры, студенты, инженеры, ученые. Площадь не вмещала всех собравшихся на митинг — люди плотной массой заполнили прилегающие к ней улицы и переулки. Над колоннами — десятки знамен, сотни портретов того, кого вся страна хотела видеть своим депутатом в верховном органе государства. На алом кумаче транспарантов надписи: «Голосуйте за товарища Сталина!», «Великому Сталину — слава!» Гремят оркестры, в морозном воздухе звенят песни; радость на лицах людей.

Выступают представители трудящихся Сталинского и Бауманского районов. Все ораторы говорят о счастье голосовать за Сталина, призывают стахановским трудом оправдать высокое доверие, оказанное им великим вождем.

— Мы любим его за то, что всю свою жизнь, все свои силы, весь гений своего светлого ума он отдает служению трудовому народу,— говорит ткачиха А. А. Рудакова.— Голосуя за товарища Сталина, мы голосуем за движение нашей страны к коммунизму, за рост культуры и материального благосостояния нашего народа. Голосуя за любимого Сталина, мы голосуем за мир и безопасность народов...

На трибуне рабочий А. И. Лебедев.

— Великий и родной Сталин,— говорит он,— дал согласие баллотироваться в нашем Сталинском избирательном округе. Нет слов, чтобы выразить радость, наполнившую наши сердца. Никто не сделал для народа столько, сколько сделал товарищ Сталин. Вот почему народ назвал своим первым кандидатом в депутаты Верховного Совета великого Сталина. Вот почему мы, избиратели Сталинского округа, сегодня особенно счастливы. Вот почему я, беспартийный рабочий, отдам свой голос за товарища Сталина и горячо призываю к этому всех избирателей. От имени многих тысяч беспартийных избирателей нашего округа я заявляю: мы все, как один, отдадим свои голоса за великого Сталина.

Аплодисменты, возгласы «ура», здравицы в честь товарища Сталина и большевистской партии слились в мощную овацию, когда было прочтено письмо, в котором собравшиеся на митинг благодарят великого Сталина за доверие и честь, обещают отдать свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

А. ЮРОВСКИЙ

ВСЕНАРОДНОЕ ДОВЕРИЕ

В этот день знатный сталевар «Серпа и молота» Иван Васильевич Ерошкин заступал на работу во вторую смену. Еще дома он внимательно прочитал Обращение ЦК коммунистической партии.

— Правильно написано,— мысленно сказал себе Иван Васильевич.— Нет у большевиков интересов выше, чем интересы народа. В этом убедились советские люди.

Сталевар видел строки Обращения, воплощенные в жизнь и у себя в городе, и на своем заводе, и в своей семье. Много стали сварил он, укрепляя мощь социалистической Родины. Высоко вознесло его социалистическое соревнование: он удостоился почетного звания «Лучший сталевар страны». Посмотрит кругом: похорошела, помолодела родная Москва!

Чем дальше читал Иван Васильевич, тем больше захватывал его исторический документ своей правдивостью, теплотой, мудростью. Так может разговаривать с народом только большевистская партия, которая беззаветным служением Родине завоевала безграничное доверие и любовь.

Тогда и решил сталевар-стахановец выступить на цеховом собрании. На завод он пришел раньше обычного. Но, видимо, и товарищи переживали то же самое, потому и они собрались раньше срока.

Митинг был краткий. Сталевары ждали огнедышащие мартены. Слова звучали, как клятва. Произнося их, одни уступали место другим, чтобы каждый мог поговорить в кругу друзей.

Всего несколько фраз сказал и сталевар Ерошкин:

— Я буду голосовать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, потому что уверен в них: они постоят за интересы трудового народа. Я выражаю полное свое доверие нашей коммунистической партии.

Подручный литейщика Михаил Федорович Горбунов взял слово вслед за знатным сталеваром.

— Большевики,— сказал он,— высоко ценят доверие народа и очень дорожат им. Партия оправдывает это доверие. Твердо и уверенно ведет она советский народ к коммунизму.

Во всех цехах «Серпа и молота» собирались люди, чтобы перед работой поговорить об историческом Обращении ЦК партии к народу.

...Сталевары стали на вахту у мартеновских печей.

Я. ЯКОВЛЕВ

ПОЛИТИКА ПАРТИИ — ПОЛИТИКА НАРОДА

...Нарвская застава. Трижды орденоносный Кировский завод. Обращение Центрального Комитета партии слушают по радио сталевары, сборщики тракторов, технологи, лаборанты, конструкторы.

Выступает лауреат Сталинской премии инженер Барам:

— Большевистская партия, возглавляемая товарищем Сталиным, ведет нашу страну от победы к победе. Мы решаем грандиозные задачи на путях строительства коммунизма. Обращение партии вдохновляет на самоотверженный труд. 12 марта блок коммунистов и беспартийных одержит новую победу.

Краткой была речь монтера Скородумова:

— Пусть знает наш родной товарищ Сталин, что все мы, простые советские люди, одобряем сталинскую политику и в день выборов проголосуем за ее новые успехи, за то, чтобы государство наше и впредь было могучим, свободным, сильным и непобедимым.

Смольнинский район. Вторая ГЭС имени ленинградского комсомола, одна из 518 новостроек первой сталинской пятилетки.

— Центральный Комитет партии может не сомневаться в нашем единодушии,— заявил на митинге слесарь Якушев.— Под руководством большевистской партии в 1917 году мы шли на штурм капитализма. По зову партии выступили на защиту Родины и одержали героическую победу в Великой Отечественной войне. Партия Ленина — Сталина приведет нас к победе коммунизма. Политика партии — наша политика, политика народа.

Токарь Михайлов дополнил товарища:

— С гордостью оглядываемся мы на путь, пройденный под руководством товарища Сталина. Нам, ленинградцам, за примерами далеко не ходить: город быстро залечил раны, нанесенные войной, и становится важнейшим центром технического прогресса, крупнейшим культурным центром. Каждый день и каждый час мы чувствуем отеческую заботу Иосифа Виссарионовича о Ленинграде. Большое спасибо родному вождю.

Столь же искренними, патриотическими были выступления ораторов за Невской заставой, на Выборгской стороне, на «Красном треугольнике», «Электросиле», на митинге строителей многоэтажных зданий на Московском шоссе, на многих заводах и фабриках города Ленина.

А. АЛЕКСАНДРОВ

НА УРАЛМАШЕ

— Кто хочет выступить?

Председатель окидывает взглядом рабочих, собравшихся на митинг в красном уголке кузнечного цеха Уралмаша.

К столу медленно подходит коренастый, в опрятном комбинезоне кузнец Тимофей Лукич Олейников. Он долго всматривается в зал, утирает платком лоб и наконец начинает:

— Первый раз я слушал Обращение Центрального Комитета нашей партии позавчера... Его передавали ночью по радио. Вчера я читал Обращение в газете. И вот сегодня прослушал здесь. И чем больше я

В мартеновском цехе завода «Серп и молот». Сталевар В. К. Михайлов проводит беседу, посвященную Обращению Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) к избирателям.

Фото А. Гостева

вникал в простые, доходчивые слова, тем больше мыслей появлялось у меня. То слова о нашей с вами жизни, о том, как мы трудимся, боремся за коммунизм. Вот читаю я в Обращении: «На основе постоянного роста народного хозяйства неуклонно поднимается благосостояние трудящихся нашей страны. С каждым днем жизнь становится все более богатой и зажиточной». Верно, очень верно сказано! Партия, советская власть обеспечивают нам хорошую жизнь. Четыре года минуло со времени прошлых выборов. Пожалуй, не так уж много. А какие за эти годы перемены произошли в моей жизни! Я получил прекрасную квартиру. Старшая дочь, Ирина, пошла учиться в техникум, сынишка Валерий в школе. Сам я тоже учусь.

В обществе я почетный человек, стахановец. Всюду мне уважение и слава. Да и не мне одному. То же самое может сказать и Григорий Михайлович Коваленко, и товарищ Малей, и Кудлаенко, и многие другие.

Рабочий человек отлично понимает, кому он обязан своим счастьем. Родная большевистская партия, Сталин дали нам все, что мы сейчас имеем. И, голосуя за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных, мы голосуем за то, чтобы идти к коммунизму еще быстрее, чтобы страна наша стала еще более могучей, богатой, чтобы людям на советской земле жилось еще лучше... Я беру сейчас на себя новое, повышенное обязательство. Всенародно обещаю ко дню выборов в Верховный Совет СССР выполнить задание на 170 процентов.

...Один за другим подходили к столу рабочие. Кузнеца Олейникова сменил штамповщик Гаммулин. Вслед за ним вышел слесарь Онькин. И самые теплые, душевные слова, самые заветные свои мысли они обращали к большевистской партии, к великому Сталину.

С. БОГОРАД

СЛОВО УКРАИНСКИХ КОЛХОЗНИКОВ

На всю Киевскую область известно село Белицы своими высокими урожаями, богатыми фермами, зажиточной жизнью колхозников.

В этот вечер в просторном клубе, стараясь ничего не упустить, колхозники слушали простые проникновенные слова Обращения ЦК ВКП(б) ко всем избирателям, передававшегося по радио. Далеко за полночь в селе светились огни, в хатах велись взволнованные разговоры о только что услышанном Обращении.

А на следующее утро у правления колхоза имени Жданова снова собрались все жители села. На крыльцо с газетой в руках поднялась местная учительница Нина Андриенко.

— Товарищи! — обратилась она к колхозникам.— Не впервые готовимся мы с вами к выборам, но каждый раз испытываем радостное волнение. Да и как не волноваться? Ведь за что голосовать предстоит! За счастье наше, за коммунизм.

Речь учительницы вызывает горячее одобрение присутствующих.

— С хорошими, правдивыми словами обратилась к народу родная наша большевистская партия, — говорит молодая колхозница Елизавета Василенко. — И про нас в Обращении сказано, товарищи. Добре потрудились мы с вами. Начисто разорили фашисты наш колхоз, а мы прошлым летом сняли такой урожай, какого и до войны не бывало. То ли еще будет! Мое звено в этом году ста тридцатью пудами с гектара не удовольствуется: не меньше ста сорока возьмем! Чтобы еще краше и богаче жизнь стала, с радостью отдадим свои голоса за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных — за народных кандидатов.

После звеньевой выступили заместитель председателя колхоза Петр Сидорович Немченко и председатель сельского совета Филипп Леонтьевич Дубас.

— Старики помнят, — говорит тов. Немченко,— как голодали мы на тощих песках, которые окружали наше село. Каждый бился на своей полоске до кровавого пота, и горькая, безысходная нужда не выходила из наших хат. А теперь, даже после войны, кто скажет, что мы плохо живем? Как и по всей советской Украине, всего у нас вдоволь, и пески наши приносят обильные урожаи. В этом сказалась сила колхозного труда, сила социалистического строя. Большевистская партия вдохнула в нас веру в свои силы, вооружила наукой побеждать природу, привела к культурной, зажиточной жизни. Слово партии, обращенное к народу, нам очень близко, оно поднимает наши силы для еще более производительного труда, для новых побед.

Слова тов. Немченко были подхвачены всеми колхозниками:

— За ридного батька Сталина!

— За коммунизм!

Л. ГАЛИНСКИЙ

К НОВЫМ УСПЕХАМ

Минский станкостроительный завод пережил второе рождение. Эти станки, эти совершенные агрегаты, эти автоматические приспособления — все сделано после войны.

Да разве только одно предприятие было возрождено после войны? Сколько их в Минске! И не только Минск — возрождается вся родная Белоруссия!

Об этом думали все, кто собрался в просторном механическом цехе завода. Это был короткий, но поистине волнующий митинг. Белорусские станкостроители ответили на призыв партии простыми и ясными словами.

— Под знаменем коммунистической партии, под руководством товарища Сталина наш белорусский народ воссоединился в едином социалистическом государстве,— сказал главный конструктор завода тов. Талако. — Наши доверие, любовь отданы родной большевистской партии, товарищу Сталину, кандидатам блока коммунистов и беспартийных.

С горячим словом к друзьям обратился мастер Филимонов.

— Когда я читал сегодня Обращение ЦК ВКП(б),— сказал он,— я прежде всего подумал о нашем заводе, который поднят из пепла и праха. Мы его не только отстроили, но и широко механизировали трудоемкие работы, автоматизировали многочисленные процессы производства. Мы освоили новые марки станков, да еще каких! Партия Ленина — Сталина вела нас к этим успехам.

— В Обращении ЦК партии говорится о дружбе социалистических наций,— сказал лучший строгальщик механического цеха тов. Журавлев. — Это великая дружба. Русский народ помог нам, белоруссам, воссоединить наши земли. Спасибо русским, украинцам, грузинам, казахам, армянам, помогающим возрождать народное хозяйство Белоруссии. За эту нерушимую дружбу народов мы и будем голосовать 12 марта.

Вместе со всеми советскими людьми минчане готовятся к выборам, как к большому всенародному празднику.

— Мы на 19 дней до срока закончим программу первого квартала. Это наше слово — слово литейщиков,— заявил мастер тов. Поляченок.

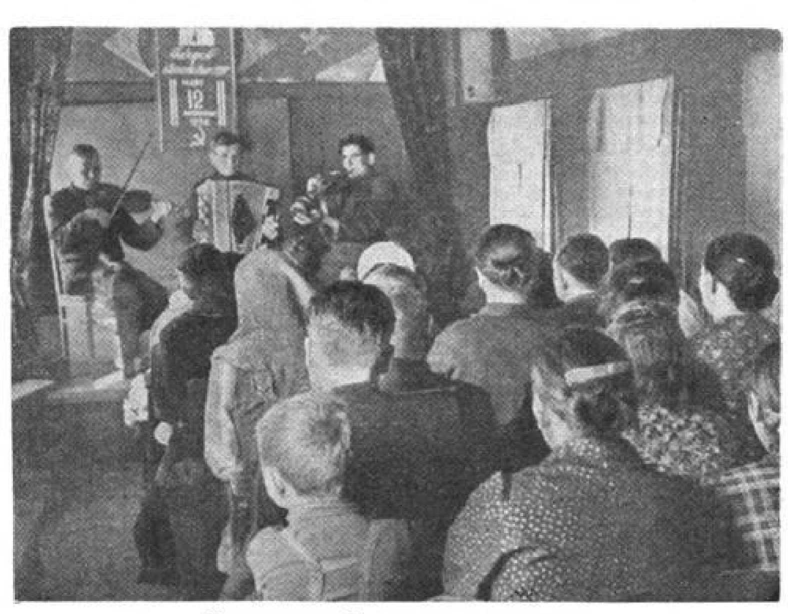
— Механический цех в честь предстоящих выборов в Верховный Совет СССР становится на стахановскую вахту. Лично я обещаю каждый день давать две с половиной нормы,— добавляет строгальщик тов. Журавлев.

— Мы не отстанем от старых мастеров. Вступаем с ними в соревнование,— говорят молодые стахановцы тт. Ерошенок и Уманский.

Так белорусские рабочие отвечают на Обращение партии.

Д. ВЕТРОВ

Агитпоезд на линии

В вагоне-клубе состоялся концерт.

В заснеженной степи приютилась маленькая станция Сотницкая. Поезд за поездом проносится мимо ее белых домиков. Только раз в сутки здесь останавливается пассажирский состав, и то лишь на две минуты.

Когда расцвеченный выборными плакатами и светящимися транспарантами агитпоезд Юго-Восточной железной дороги остановился на запасном пути около станционного дома, об этом событии быстро узнали все население станции и колхозники соседней артели «Пролетарий».

Праздничное настроение охватило всех работников станции. Пришли движенцы, путевые обходчики, ремонтные рабочие, а потом и колхозники. Люди слушали в вагоне-клубе лекцию о Сталинской Конституции, смотрели кинокартину, горячо аплодировали исполнителям концертных номеров. Вагон технической пропаганды заполнили любители техники. В вагоне-читальне нарасхват разбирали новые книги, свежие газеты и журналы.

Коммунисты и комсомольцы станции, сельские учителя и агрономы прослушали инструктивный доклад начальника поезда о работе с избирателями, биографию кандидата Россошанского избирательного округа. Работники поезда помогли выпустить стенную газету, посвященную выборам.

До поздней ночи стоял агитпоезд на путях полустанка. А люди все шли и шли. О поезде сообщили и отдаленным колхозам и железнодорожникам, ремонтирующим путь и насыпь на перегонах. Уже были прослушаны две лекции и три беседы о Конституции, о новой технике транспорта, просмотрены фильмы «Сталинградская битва», «Как закалялась сталь», «Аринка», «Снегоборьба на железных дорогах», короткометражка «На стальных магистралях», прослушаны два концерта.

— Когда-то опять приедете!.. А пока надо набираться про запас, — шутили люди.

На рассвете поезд отправился на следующую станцию, Подгорное.

Так от станции к станции идет по линии агитпоезд. Зориновка, Шелистовка, Гартмашевка, Журавка, Пасеково...

Три недели курсирует агитпоезд. Его коллектив прочитал десятки лекций, провел много бесед, 150 киносеансов, продал множество книг и журналов. К этому надо добавить технические консультации, инструктирование агитаторов, помощь красным уголкам, пополнение станционных библиотечек. Еще большая деятельность предстоит впереди. Поезд побывает на всех полевых станциях Юго-Восточной магистрали, пересекающей четыре области.

В СТОЛИЦЕ СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ

В мощную демонстрацию любви и преданности партии большевиков и великому Сталину вылился митинг на одном из крупнейших предприятий Прибалтики — Рижском электромашиностроительном заводе.

История этого завода — яркий пример преимуществ советского строя перед капиталистическим. Там, где сейчас возвышаются мощные корпуса нового предприятия, был расположен известный в дореволюционной России завод «Проводник».

За все время существования так называемой «независимой» буржуазной Латвии ее правительство так и не смогло восстановить этот завод, оборудование которого было эвакуировано из Риги в годы первой мировой войны. Из года в год корпуса разрушались, превращались в руины. Во время предыдущих выборов в Верховный Совет СССР на этом месте развертывалось новое строительство. Сейчас действующий завод дает продукцию стране.

Выступавший на митинге токарь тов. Десайнис сказал:

— Нет таких дел, которые были бы теперь не под силу великому советскому народу, руководимому большевистской партией. Как много новых заводов выросло за короткое время в одной только Риге! Наша советская Латвия стала республикой с развитой промышленностью, крупным коллективизированным сельским хозяйством. Я от всей души благодарю советскую власть, коммунистическую партию, отца нашего товарища Сталина за счастье и радость, которые они принесли латышскому народу. Все мы единодушно поддержим сталинский блок коммунистов и беспартийных на выборах в верховный орган нашей советской державы. Все мы отдадим голоса за наших кандидатов — лучших сыновей и дочерей советского народа.

Предстоящие выборы — великий для всех нас праздник. Хочется работать все лучше и лучше. Обязуюсь ежедневно выполнять производственные задания не ниже чем на 160 процентов.

Молодой электромонтер тов. Райкис заявил:

— Мне недавно исполнилось 18 лет. В этом году я буду голосовать впервые. Я счастлив, что живу в советском государстве, что смогу отдать свой голос за тех, кто претворяет в жизнь замечательные идеи Ленина и Сталина.

На митингах в Латвийском государственном университете, в Сельскохозяйственной академии, на заводе «ВЭФ» и других предприятиях Риги трудящиеся единодушно выразили готовность отдать голоса кандидатам блока коммунистов и беспартийных.

Е. РАТНЕР

МОЛОДЕЖЬ МИРА ПРОТИВ КОЛОНИАЛЬНОГО ГНЕТА

Недавно молодежь Кубы провела эстафету под лозунгами борьбы за мир и национальную независимость народа. Участники эстафеты пронесли кубинское знамя от крайней восточной точки острова до его столицы Гаваны — через все города и селения страны.

Молодежь поддержали многие тысячи кубинцев. Полиция получила указание разгонять народ, встречающий участников эстафеты, а ее организаторов арестовать. Первое столкновение демонстрантов с полицией произошло у деревни Хигуань. Юноши, принесшие в Хигуань национальное кубинское знамя, были арестованы. Население Хигуани, разогнанное полицией, собралось через некоторое время у деревенской тюрьмы, требуя освобождения организаторов эстафеты. Тогда полицейские власти вызвали войска.

И все же в Хигуани нашлось много смелых юношей и девушек. Они понесли знамя дальше по стране...

В этом эпизоде много символического. Несмотря на жестокие расправы, тюрьмы, расстрелы, движение за мир победно ширится во всех уголках земного шара.

21 февраля демократическая молодежь всех стран при поддержке Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира и Всемирной федерации профсоюзов провела международный день борьбы против колониального режима, за мир, демократию, национальную независимость народов и их лучшее будущее.

В Индии многие руководители молодежного движения заключены в тюрьмы и подвергаются пыткам. Правительство Западной Бенгалии запретило семь молодежных организаций, в том числе федерацию студентов Бенгальской провинции.

Несмотря на усиливающийся террор и массовые аресты, борьба молодежи за мир, против колониального режима принимает все более массовый характер.

В Манипуре (Восточная Индия) создана новая демократическая организация молодежи. В ее уставе сказано: «Мы будем бороться под знаменем Всемирной федерации демократической молодежи за подлинную демократию, за мир». Журнал «Студент», тесно связанный с массами молодых индийцев, пишет: «Молодежь нашей страны никогда не согласится стать пушечным мясом во имя интересов империалистов, она никогда не согласится защищать внутри страны диктатуру капитала, враждебную интересам миллионов трудящихся».

Две тысячи студентов Сайгона (Вьетнам) вышли недавно на улицы города, требуя освобождения своих товарищей, находящихся под арестом с ноября прошлого года. Демонстрация вылилась в бурный протест против предательской политики марионетки франко-американских империалистов Бао Дая. Полиция открыла по демонстрантам огонь из винтовок. В похоронах убитых студентов приняли участие десятки тысяч трудящихся Сайгона.

Во Франции день 21 февраля прошел под знаком борьбы демократической молодежи против грабительской войны во Вьетнаме. Молодые итальянцы, французы, голландцы выступили против переключения своих предприятий с выпуска мирной продукции на военную. Молодые рабочие завода Мортес в Генуе, узнав, что их предприятие переходит на производство оружия, провели демонстрацию протеста. На стенах цехов появился лозунг: «Молодежь будет работать только для мира!».

Против рабского труда молодежи выступила недавно газета «Пуэбло», выходящая в Порто-Рико. На страницах «Пуэбло» были напечатаны заявления нескольких молодых рабочих, бежавших из концентрационного лагеря в штате Нью-Джерси (США). Многие молодые рабочие Порто-Рико были обмануты американскими вербовщиками, которые всячески превозносили «прекрасные условия труда» в Нью-Джерси. Законтрактованные оказались на положении пленников. Заработная плата их не превышала 50 центов в час, включая сверхурочную работу; вместо обещанных удобных коттеджей их поместили в грязные бараки.

«Позор колонизаторам! Долой рабский труд! Да здравствует мир во всем мире!» — с этими лозунгами демократическая молодежь 21 февраля демонстрировала свою решимость всеми силами продолжать свою борьбу.

На митингах и собраниях, проходивших в этот день в нашей стране, советская молодежь выражала горячую солидарность с борющейся молодежью колониальных стран.

Болгарские писатели в Москве

На прошлой неделе по приглашению Союза советских писателей в Москву приехала делегация болгарских писателей. В составе делегации — Младен Исаев, Елизавета Багряна, Никола Фурнаджиев, Крум Велков, Стоян Даскалов, Иван Мартинов.

Руководитель делегации писатель Младен Исаев в беседе с корреспондентом «Огонька» сказал:

— Мы счастливы, что имеем возможность познакомиться с жизнью Москвы. Мы не сомневаемся в том, что посещение заводов, фабрик, школ, институтов, музеев советской столицы обогатит наши знания о советской действительности, многому научит нас.

Другая важная задача нашей делегации — познакомиться с деятельностью Союза советских писателей. В Софии мы с большим интересом следили за ходом последнего, XIII пленума Союза советских писателей.

После освобождения Болгарии наша литература, драматургия, поэзия добились значительных успехов. Мы хотим рассказать нашим советским друзьям о наших успехах и недостатках. Это особенно важно, так как мы намечаем перестройку работы Союза болгарских писателей и надеемся, что и здесь богатейший опыт советских писателей окажет нам неоценимую услугу.

В планы делегации входит посещение Киева и знакомство с работой Союза советских писателей Украины.

На выставке произведений В. Д. Поленова

В. Д. Поленов. РАННИЙ СНЕГ.

Открытая в Москве, в залах Союза советских художников СССР, выставка произведений народного художника республики, академика В. Д. Поленова (1844—1927) показывает творческий путь национального русского художника-реалиста. Картины В. Поленова занимают почетное место в Третьяковской галлерее рядом с произведениями А. Саврасова, Ф. Васильева, И. Левитана, И. Остроухова — вдохновенных певцов русской природы.

На передвижной выставке 1878 года Поленов выступил с небольшой картиной «Московский дворик», прославившей художника и поставившей его в ряды лучших мастеров того времени.

Более трехсот картин, этюдов, зарисовок, собранных на выставке из периферийных музеев, фондов Третьяковской галлереи, коллекций собирателей живописи, дают яркое представление об этом замечательном, тонком художнике-патриоте, беззаветно любившем родную землю.

Сколько настроения, душевной теплоты в каждом его пейзаже, будь то северные места Олонецкой губернии, где прошло детство Поленова, Подмосковье, живописные берега Оки. Незамысловатый пригорок с одинокой сосной, стог сена в предвечерних сумерках, чарующие отсветы голубого неба на снегу — эти этюды овеяны поэзией, полны света и воздуха. Легко, в нежных тонах написаны лучшие его пейзажи: «Золотая осень», «Первый снег», «Заросший пруд».

Совсем другую палитру находит Поленов для живописных пейзажей Палестины, Сирии, Египта, где художник путешествовал в молодости.

Подлинным драматизмом проникнута известная картина Поленова «Больная», находящаяся в постоянной экспозиции Третьяковской галлереи. Эскизы и рисунки к этой картино показаны на выставке.

Выставка произведений художника Поленова раскрывает творческую лабораторию большого мастера и служит школой для молодых живописцев.

Новые вокзалы

Новое здание вокзала в Дергачах.

В Пскове широко раскрылись перед пассажирами двери нового вокзала. Построенный на месте старого, разрушенного во время войны, он выгодно отличается от него. Просторный вестибюль, удобные, вместительные залы ожидания, ресторан и другие помещения красиво и со вкусом отделаны.

Псковский вокзал — один из многих сотен восстановленных в послевоенные годы. Каждый месяц сдается в эксплоатацию несколько вокзалов больших и малых станций. Только в декабре минувшего года их было открыто тридцать семь, а в течение всего года — более ста: в Орле и Белгороде, в Никитовке и Дебальцево, в Белой Церкви и Дергачах, в Лубнах и Арчеде... Так в местах, где шли жестокие бои, стираются следы вражеского нашествия.

Сооружен вокзал в Сталино. Высокие залы, мраморные колонны, полы, покрытые паркетом и метлахской плиткой... В здании вокзала есть кинотеатр и гостиница.

Новые вокзалы не похожи на станционные помещения, построенные до революции. Архитекторы учли вкусы и потребности советских людей. Всюду есть специально оборудованные комнаты для детей. Во многих вокзалах имеются комнаты для транзитников. Здесь, в ожидании пересадки на другой поезд, пассажиры могут хорошо отдохнуть: есть спальни, ванные, читальни. В портновских и сапожных мастерских они могут привести в порядок одежду и обувь.

Залы билетных касс, камеры хранения багажа, выходы на перроны размещены так, чтобы не было встречных людских потоков. Как правило, привокзальные площади покрываются асфальтом и озеленяются.

В нынешнем году строительство вокзалов приобретает еще больший размах: их будет сооружено более 250.

КОРОТКО

РАЙОННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ колхозных кадров организован в сельхозартели «Заветы Ильича», Николаевской области. В нем обучаются председатели колхозов, бригадиры, звеньевые. Лекции читают специалисты сельского хозяйства, научные работники Одесского селекционно - генетического института, Герои Социалистического Труда, которых в этом передовом колхозе десять.

●

«ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» — один из крупнейших национальных памятников русского народа — издает Академия наук СССР. Институт русской литературы подготовил к печати научное издание повести, в котором впервые дается полный перевод с древнерусского языка на современный литературный. Летопись повествует о начале русского государства и является своего рода энциклопедией русской культуры X—XI веков, ярким показателем ее высокого уровня и самобытности.

●

КВАРТИРА-МУЗЕЙ Ш. КАМАЛА — классика татарской литературы, — открытый в Казани, привлекает много посетителей. Музей отражает жизнь, большую общественную и творческую деятельность писателя, скончавшегося в декабре 1942 года.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Арк. ЭРИВАНСКИЙ

Рисунки В. Высоцкого

Они не знают друг друга. Их разделяет Атлантический океан, который порываются теперь переименовать в Американский. Один из них живет в Москве, на Шереметьевской улице, в доме № 87. Другой — в Нью-Йорке, на Уэст, 84-я улица, дом № 163.

Я знаю обоих: с Владимиром Уткиным знаком лично, а о Карлосе Фелиу не так давно подробно писала газета «Дейли уоркер». Оба они рабочие, оба молоды, оба смуглы и черноглазы, и оба женаты. Вот, пожалуй, и все, чем они схожи. А в остальном...

1

В восемнадцать лет кажется, что осенний дождь не моросит, а брызжет по-летнему: весело и звонко. Весь мир представляется разрисованным только в светлые, приятные взгляду тона. Особенно если имеешь работу и лишние центы на яркие книжки, в которых подметальщики улиц в один день становятся миллионерами.

Книжки эти накрепко втемяшивают в голову мысль: счастье в Америке припасено для каждого. Надо лишь не проворонить случая. Схватить удачу прежде, чем это сделает твой ближний. И затем держаться за свой успех бульдожьей, мертвой хваткой.

Карлосу Фелиу не понадобилось изловчаться. В тот год все получали работу. За океаном шла большая война — крупная удача для тех, кто выжимает прибыли из людского горя. Американская промышленность действовала полным ходом. Железные дороги еле управлялись с перевозками. Одни доллары делали другие доллары с быстротой экспресса. И кассир каждую неделю отсчитывал Карлосу за сверхурочные часы шелковистые бумажки с портретом президента Вашингтона.

Изнуряющий труд выматывал и сушил: не давали спины разогнуть. Подгоняли не кнутом, а шелестом долларов. В конце концов, его работа была его собственным маленьким бизнесом: он тоже делал доллары. Правда, не из чужого, а из собственного пота, и долларов этих получалось не так много, как у тех, кто держал в руках не молоток, а акции, но молодой рабочий мог и приодеться, и сберечь кое-что и не отказывал себе в удовольствии зайти с приятелем в угловую аптеку опрокинуть по стаканчику виски. По карману было Карлосу отправиться и в «бурлеск» глазеть на пошловатый скэтчик. Мог он позволить себе попытать счастья в каком-нибудь игорном домике (их немало в Бриджпорте), где выманивают деньги сто одним, обязательно механизированным способом. Любой «автоматический мазурик» устроен так, что наверняка облапошивает партнера.

Как и остальные посетители, Карлос уносил из игорного заведения пустой кошелек. И все же у него были все основания считать, что свою судьбу он оседлал крепко: были сбережения, и была работа. Счастье есть и будет. О кэй! Не обманули, значит, книжки в ярких обложках. Правда, он еще не миллионер. Но и жизнь ведь только начинается.

Так славно было в Америке в дни войны. Значит, еще лучше будет теперь, когда она кончилась. Пора уже обзаводиться семьей, приобретать домишко. Свой собственный! Дом Карлоса Фелиу! Нет, жизнь устроена не так уж скверно.

В мире, окружающем Карлоса, прибавилось розовых красок — товарищи наперебой восхищаются: «Она обворожительна!». Карлос и сам знает, что его невеста красива. Они вместе гуляют и мечтают о том, каким милым и уютным будет их коттэдж.

— Тебе обязательно нужна стиральная машина, — убежденно говорит Карлос. — У меня есть знакомый парень. Он советовал: если поторговаться, они уступают.

— А портьера на окне в нашей столовой будет, знаешь, какая? Бледнорозовая.

В воскресенье Карлос водит свою невесту развлекаться. Они посещают аттракционы. Это главным образом всевозможные механизированные ужасы. Насмотревшись леденящих душу страстей, они с аппетитом едят на ходу колбаски, которые называются у нас сосисками, а в Америке — «горячими собаками», и закусывают жареными каштанами, а скорлупки, по обычаю, швыряют под ноги. Затем сворачивают к аттракциону «гадалка», и Карлос бросает в отверстие никелевую монету. Чучело цыганки, сидящее с картами в руках под стеклянным колпаком на автомате, неизменно пророчит им ту же удачу, что и книжки в ярких обложках. На билетике, который выбрасывает рычаг, напечатано: «Вы родились под счастливой звездой. Ваш покровитель — Сатурн. Он принесет вам богатство. У вас будет много нарядов и негровслуг. Наблюдайте по вечерам Сатурн, и он вознаградит вашу преданность. (Складные карманные телескопы можно приобрести в магазине...)».

На обратном пути Карлос и его невеста невольно читают назойливые рекламные щиты. Они расхваливают все, из чего можно сделать доллары: и «вечные нейлоновые чулки», которые расползаются через неделю, и церковь, где после богослужения устраиваются вскладчину пирушки. Красочные рекламы советуют, предлагают, сулят, убеждают, клянутся и врут, врут, врут. Есть «краска стыда». Но сами ведь краски стыда не имеют.

На огромном плакате белозубые розовощекие американцы и американки. На их лицах тщательно нарисовано райское блаженство. Они наслаждаются благами техники: едут в поезде, который ведет локомотив с дизельной установкой. Новинка!

— Это, должно быть, очень интересно,— говорит невеста Карлоса,— прокатиться в таком поезде.

— Конечно, дорогая. Мы прокатимся. Это реклама железнодорожной компании, у которой я служу. Мы обязательно прокатимся. Это будет наше свадебное путешествие...

2

Сборы на дачу были веселыми. Ехали в дальнюю деревню к родичам. Володя обегал все магазины «Динамо», припасая рыболовные снасти. Отец шутил:

— Маловаты, брат, крючки! На такой разве сом попадется? А в той реке одни сомы, и все — во какие!

Так и застала война отца с сыном на берегу тихой, ленивой речушки, где водились пескарики да уклейки. Отец уехал с первым поездом в Москву. На вокзале сказал:

— Смотри, сынок, за матерью. Береги. Теперь ты в семье старший. Живи честно, по-нашему, по-рабочему. Трудись так, чтоб крепче стояла наша власть.

Нелегкое отрочество выпало на долю городского парнишки, ученика шестого класса «Б». Три года он вместе с матерью помогал колхозникам в полевых работах. Сюда, в деревню, и пришло с фронта траурное извещение о гибели сержанта Уткина в боях за Родину. Володя стал сиротой.

В сорок третьем вернулись в затемненную Москву. Мать снова пошла на фабрику, сына приняли на завод «Калибр».

Через две недели ученика токаря Владимира Уткина допустили к станку, только прежде подставили ящик. С этой подставкой проработал он немало времени, вплоть до того, как стал бригадиром.

Ученичество было далеко позади. А Володя хорошо помнил день, в который запорол он несколько деталей для микрометров. Случай этот можно считать за два: он был первый и последний. Им завершился переход от ребячества к возмужалости. Именно тогда стал он принимать наставления Павла Дмитриевича Вербового, как отцовские. Мастер приучал паренька к делу вразумлением, стараясь передать ему свой опыт. Втолковывая и показывая, как лучше затачивать резец, Павел Дмитриевич каким-нибудь рассказом, к слову пришедшимся, заострял интерес маленького ученика к своей профессии.

Владимир Уткин был уже общепризнанным токарем: вместо сорока успевал обрабатывать до восьмидесяти скоб, и все хорошо. Чтобы крепла советская власть, щедро трудился он во всю свою молодую силу. Коллектив, воспитавший его, распахнул перед ним дверь в большую жизнь, наполненную радостью творчества и стремлением к совершенству. И вот в эту жизнь вошло то, что делает ее еще более красивой и цельной,— вошла любовь.

Соловей прилетел на завод вслед за весной. Спрятавшись где-то меж веток сирени, звонко и смело заливалась пугливая лесная птичка, полюбившая давать свои концерты в самой Москве. Рабочие шутили:

— Точно запел. По графику действует. Сразу видно: с «Калибра» соловей!

В расцветающем саду, который по старой памяти все еще называют заводским двором, соловей свистал про любовь. Может быть, поэтому и разбудили его трели неясную тревогу в володиной душе. А может быть, потому, что слушал он соловья не один. Многие рабочие «Калибра» наведывались в ту сторону двора, где кусты сирени и питомник молодых тополей. Но среди многих он видел только ее — девушку, у которой голубые глаза и светлые кудри над высоким лбом. И ему казалось: она тоже знает, что лишь для них двоих выщелкивает соловей свою серенаду.

— Как ты думаешь, — спросил он ее, — наш заводской соловей из Курска?

— Откуда мне знать? Я ведь не птицевод. Я только сотрудница отдела кадров.

— Вот поэтому и спрашиваю. В анкетах же указывается место рождения.

— Ты смешной. Мы не заводим личные дела на летунов.

Нине очень редко приходилось бывать в цехе микрометров. А с тех пор, как в заводском саду стал петь соловей, знала она все цеховые новости: и то, что инструмент у каждого теперь подобран и лежит как у зубного врача, в чистеньком шкафчике, только не стеклянном; и то, что токари комсомольско-молодежной бригады Уткина дают уже по сто скоб в смену, а в прошлую пятницу широкогрудый степенный Иван Прокопов поставил рекорд: выдал сто десять скоб. Особенно же подробно Нина осведомлена о каждом шаге мастера Николая Российского. Володя рассказывает о нем всюду: в парке, на катке, в кино.

— А вчера он подходит ко мне и спрашивает: «Как считаешь, бригадир, хорошо ты освоил свой

станок?» Я отвечаю: «Конечно. Ведь наладку сам делаю». А он опять спрашивает: «Хорошо знаешь, где, что и зачем в твоем станке вертится, сможешь его исправить?» Я говорю: «Для этого слесаря есть». А он: «Неправильно рассуждаешь. На слесаря надейся, а сам не плошай».

Теперь к нам прикрепят механика цеха. Будем после работы разбирать станки, изучать их. Скоро сами сможем мелкий ремонт делать. Здорово будет! Николай Алексеевич велел мне об этом с ребятами поговорить. Вот я и опоздал немного. Ты не сердись!..

Пока было лишь воинственное стремление с честью послужить заводу, молодые токари старались проворнее работать теми одиннадцатью инструментами, которые в свое время инженеры определили как обязательные для обработки скобы. Сколько было инструментов, столько было и операций. Но теперь знания заострили профессиональное зрение: в кружке шесть токарей бригады Уткина получили начатки технического образования. Они критическими глазами взглянули на дело рук своих. Это была творческая критика: ясно, слишком много инструментов, как бы их сократить?

Хоть скоба микрометра — и вовсе не плодовое дерево, но есть на ней «яблочки», которые к тому же сами не растут. Нина по рассказам Володи хорошо знала, что делать эти два отверстия — «яблочка», «висящие» на общей невидимой оси, замысловато и кропотливо. Комсомольцы сказали: «А если для начала попробовать разом и центровать и сверлить? Все одной операцией меньше». И мастер Николай Алексеевич Российский и технолог цеха Мария Ивановна Каренцова помогли им создать сверло, годное для двоякой цели. С него и началось. А дошло до того, что оказалось достаточным только семь инструментов. Конечно, описать все это проще и быстрее, чем сделать. Тем не менее стали «яблочки», большое и малое, «вырастать» на скобе, если и не сами, то уж намного скорее, чем прежде, и точно на своем месте.

Каждый из шести токарей комсомольско-молодежной бригады уже готовил не меньше чем по 140 скоб.

Тогда и появился в бригаде, к удовольствию цеховой администрации, первый «безработный». Фамилии он еще не имел. Просто пятеро уже давали больше деталей, чем с них спрашивали. Значит, шестой стал лишним.

Под «увольнение» попал Иван Прокопов, попал за то, что был самым опытным и умелым.

Костюмы не растут вместе с детьми. Так бывает и на производстве: образуется «узкое место», которое сдерживает успех, растущий не по дням, а по часовому графику. В цехе микрометров таким местом оказался участок, где делали тонкую вещицу под наименованием «нониусный барабан». Сюда, к станку-полуавтомату, и перевели первого «безработного» — Ивана Прокопова.

Тем временем бригада Уткина отыскала еще способ повысить производительность (у Нины пропали из-за этого билеты на новую кинокартину). Прежде станок два часа бездействовал, пока токарь вручную делал окончательную развертку. Комсомольцы придумали, как совместить эту операцию с другими.

Администрация цеха сразу прикинула, кого из ребят перевести на «узкое место». И они остались вчетвером: сосредоточенный Николай Крылов, лейтенант запаса, у которого на праздничном костюме два ордена Красной звезды, шустрый и прыткий Олег Гуков, недавний «ремесленник», убежденный футболист и хоккеист, веселая и добрая Клава Куренкова, пышноволосая девушка с твердой рукой опытного токаря, и сам бригадир Владимир Уткин.

О них писали в газетах. Их хвалили на собраниях. И групповой портрет бригады висел на доске почета. Нине он определенно нравился, несмотря на то что фотограф запечатлел на переднем плане почему-то станок, а люди служили ему как бы фоном.

3

Летний короткий и освежающий дождик кажется унылым и противным, если в желудке пусто, как и в кармане, и ноги болят от бесплодных шатаний, а впереди никакого просвета.

Беда пришла нежданно-негаданно. Мастер сказал: «Хэллоу, Карлос, напрасно ты надеваешь свой комбинезон». Пояснений не требовалось. Все рухнуло разом — и надежды и мечты о собственном домике.

Жена утешала:

— Видишь, я прекрасно обхожусь без стиральной машины. У меня крепкие руки. И нечего тебе удручаться!

«У меня тоже крепкие руки, — думал Карлос. — За семь лет я получил настоящую профессию. Не может быть, чтобы не нашлось в Бриджпорте дела для моих рук. Нужно только быть энергичнее».

Они еще верили, что наступит день, когда Карлос снова поймает свое счастье, обещанное в книжках с яркими обложками. И в поисках его он с исправностью часовой стрелки обходил ежедневно знакомой дорогой все агентства по найму рабочей силы. Только рекламы он больше не читал. И когда попадался ему плакат с бело-розовыми пассажирами дизельного поезда, Карлос стискивал кулаки и бормотал проклятия. Вместе с ним по тому же маршруту брели сотни обнищавших. И всем им во всех местах говорили одно и то же: «Пока нет ничего. Наведайтесь завтра».

Конец бывает всему. Настал он и для сбережений и для поисков. Подгоняемый отчаянием, Карлос зачислился в армию сроком на один год. «Только на один год», — утешал он себя. Это был выход, и не самый плохой.

— Нет, жить еще можно, — сказал Карлос, прощаясь с женой. — Я буду на всем готовом. И мне еще будут платить. А на железной дороге новые увольнения. Из-за этого проклятого дизеля вышвырнули на улицу еще несколько тысяч. Хорошо, что я прежде их успел наняться в армию... В конце концов, через год будет легче работу найти. Об этом все газеты пишут. Мы тогда и коттэджем обзаведемся.

— Конечно. А занавеси на окна я ведь и сама могу сшить.

— И они будут бледнорозовые.

4

Уткин, конечно, волновался. Он боялся опоздать, а вышло, что приехал задолго до заседания коллегии. Сидя в дальнем углу приемной, он еще раз просмотрел свои тезисы, уже дважды переписанные набело и называющиеся «Как моя бригада борется за экономию». И теперь он мог бы почитать: рядом на столике было несколько журналов. Но, помимо воли, в памяти снова и снова возникали события последних месяцев.

Началось с того, что Иван Прокопов сказал своему бывшему бригадиру:

— Знаешь, Владимир, мне приснился сон, будто я снова делаю скобы, только на совершенно новом станке.

Уткин ответил:

— Редкий случай. Надо сообщить в Академию наук: мы с тобой видели один и тот же сон.

И это было понятно: теперь все упиралось в станок. Как бы ни увеличивали производительность четыре токаря, еще уменьшить свою бригаду они не могли: есть четыре вида скоб микрометра и для каждого — свой узко специализированный станок. Значит, нужны четыре станка и четыре токаря. Только новый, специальный агрегат может помочь комсомольцам осуществить задуманное: сделать так, чтобы один токарь мог выполнять всю ту работу, которую еще не так давно выполняли шесть человек.

Мастер Российский сказал:

— Прав, бригадир. Мысль верная, — и улыбнулся: — Ты даришь заводу трех токарей! Нужно заручиться поддержкой дирекции. Я постараюсь.

Вечером Уткина позвали в партком завода. Парторг долго беседовал с комсомольцем, а под конец сообщил:

— Мы уже тут обменялись мнениями. Вам будет помогать инженер-конструктор Овечкин.

— Вернее, мы ему будем помогать.

— Можно и так сказать. Не в формулировке дело. Главное — довести его до конца.

Борис Михайлович Овечкин, человек, привыкший к точности, подсчитал: на совместную с комсомольцами работу по изготовлению станка затрачено 226 часов. Это были вечерние часы, выкроенные после трудового дня и из воскресного отдыха. Они собирались в техническом отделе, где к чертежным доскам прикреплены лампочки на очень длинных, эластичных ножках, всегда напоминавшие Владимиру ландыши с их голыми гибкими стебельками. Собравшись, они вместе листали техническую литературу, советовались, нередко, случалось, спорили, а инженер, иллюстрируя свои решения, быстро набрасывал твердым карандашом шпиндели в разрезе, контуры барабанов и зажимов.

Каждый вносил что-нибудь свое. Прокопов не соглашался с инженером и доказал, что надо сделать шесть шпинделей — шестой для мерительного инструмента. Уткин хотел, чтобы зажим для развертывания был обязательно автоматическим. В защиту своего предложения он произнес даже небольшую речь и развернул перед товарищами довольно толстую книгу, «Основы теории проектирования станков-автоматов».

— Вы ее взяли в нашей библиотеке? — поинтересовался инженер.

— Нет. Жена подарила. У нас на днях была годовщина одного семейного события.

Не все формулы в этой книжке были ему понятны. Но она натолкнула его на верную мысль... И вот чертежи почти готовы: инженер Овечкин заканчивает последний лист. Когда этот станок будет сделан, он один заменит 9 револьверных и станет выщелкивать скобы, как белка орешки. Агрегат сам закрепляет детали, обрабатывает их одновременно пятью инструментами и даже измеряет. Станок еще в чертежах, а Уткин представляет его уже стоящим в цехе. И кажется он ему самым замечательным на свете. Станок и в самом деле хорош, так сказали эксперты...

А приемная между тем наполнялась народом. Собравшиеся, видно, познакомились давно и коротко: они были прекрасно осведомлены о том, как у каждого идут дела, и если спрашивали: «Что нового?», — то больше по привычке.

Неожиданно раздался громкий голос:

— Товарищ Уткин здесь? Министр вас просит к себе.

5

Репортер «Дейли уоркер» не сообщает, в какое время дня посетил он Карлоса Фелиу в доме № 163 по 84-й улице Нью-Йорка. Эта неточность не имеет принципиального значения: и днем и ночью за окном его комнатушки тяжело дышит все тот же огромный город ошеломляющей роскоши толстосумов и ужасающей убогости нищих. Рядом с Уолл-стритом китайский квартал: узенькие улочки, небольшие серенькие домики. По соседству с банками, набитыми золотом, улица Баури, известная своими жалкими ночлежками, а по-американски: «отелями для бездомных». В центральной части — Гарлем, негритянский квартал: черное и

белое не смешивается на палитре американской «демократии».

Это ведь особая демократия, та самая, которую Ленин называл демократией для богатых и имущих. Ее законы под пятьюдесятью различными предлогами преграждают американским гражданам путь к урнам. Зато право голоса получают «мертвые души», не имеющие, как известно, собственного мнения, и... домашние животные, которым тоже все равно, чей кандидат ухватится за кресло сенатора: в списки избирателей шарлатаны из буржуазных партий вносят фамилии давно умерших и даже имена пожарных лошадей. Здесь лишены возможности избирать правительство миллионы тех, кто кочует в поисках работы, кто остался неграмотным, кто не в состоянии внести избирательный налог. А политические шельмы (по-американски, «боссы») покупают голоса, как жевательную резинку, выколачивают лишний бюллетень для кандидата, за которого платят дельцы с Уолл-стрита.

На пепельницах, термометрах, часах, салфетках, открытках-сувенирах, которыми торгуют на любом ньюйоркском перекрестке, прейскурант местных красот: мосты, тоннели, небоскребы, статуя Свободы. Но не видны: разваливающиеся дома на окраине Манхэттэна — центральной части Нью-Йорка, той части, где небоскребы и статуя Свободы; биржи труда, осаждаемые сотнями тысяч голодных; откормленные полицейские, которые ночью будят (ударами резиновых дубинок) тех, кто уснул в парке, постелив на скамье измятые листы «Таймса» с великосветской хроникой о приемах и доходах деловых людей.

Карлос Фелиу и его жена спят пока в своей комнатке, на окне которой нет ни бледнорозовой, ни другой занавески. Они переехали в Нью-Йорк шесть месяцев назад, когда Карлос демобилизовался из армии. Расчет был прост: этот город больше Бриджпорта,— значит, и работы здесь больше. Прост был расчет, но неверен: чем больше американский город, тем больше в нем безработных.

В клетушке, вмещающей только кровать и два стула, нет больше места для надежды, которую подогревали книжки в ярких переплетах. Нет и денег. Ни на книжки, ни на хлеб. Есть только отчаяние. Глубокое и горестное, безысходное отчаяние.

Утром, уходя на поиски работы, Карлос отдал жене последнюю десятицентовую монетку. Это было все, что осталось от доллара, который он занял у товарища, «попавшего в такую же передрягу, как и я», сказал Фелиу репортеру.

Бедняк может положиться только на бедняка. Но у этого товарища двое детей, и Карлос не решился вторично обратиться к нему за займом.

Теперь у него нет буквально ни гроша. Пособия по безработице ему не полагается. Жестокие законы оберегают бюджет государства монополий.

На десять центов, которые оставил Карлос жене, можно купить только чашку кофе.

Они уже давно живут одной чашкой кофе и небольшой миской жидкого супа в день, а зачастую вынуждены обходиться и без этого. Смуглый, донельзя худой, с темными, глубоко запавшими глазами, Карлос за последние месяцы потерял в весе около 10 килограммов. Систематическое недоедание совершенно изменило внешность его жены, еще недавно такой красивой, жизнерадостной женщины. Голод заострил ее лицо, обтянул и высушил потемневшую кожу, погасил блеск молодых глаз. И все эти беды и мучения свалились на них только за то, что инженеры задумали ставить на локомотивы дизели, которым не нужны ни водокачки, ни угольные станции, ни столько обслуживающего персонала, как паровому котлу.

Развиваясь, капиталистическая техника одним дает доллары. И эти молятся на нее. Другим она несет горе и страдания. И они проклинают ее. Дизель начал: он лишил Карлоса работы. Американская действительность продолжила: она лишает его права на жизнь. И вот обессилевший молодой рабочий борется «частным образом» один на один с голодной смертью в некоронованной столице Соединенных Штатов Нью-Йорке, который в тамошних справочниках называется «чудесным современным городом».

Отчаяние сломило естественное отвращение рабочего человека к милостыне. Фелиу решился на последний шаг и незадолго до встречи с репортером обратился в городское управление помощи нищим. Но в его протянутую руку положили камень.

— Мне было очень, очень трудно пойти к ним. Ведь они называют бродягами рабочих, лишенных работы,— сказал Фелиу репортеру.— Помещение настолько забито просителями, что буквально негде упасть яблоку. Ожидая своей очереди, я пробыл там полдня. За это время четверо потеряли сознание. Из-за недоедания... Мне там сказали, что я смогу получить от них помощь только через семь недель. Вы понимаете, что значит голодному ждать семь недель, пока ему дадут кусок хлеба!

«Внезапно молодой рабочий замолк,— рассказывает сотрудник «Дейли уоркер»,— и закрыл лицо руками. Когда, наконец, он отнял их, глаза его были влажны от слез.

— Скоро родится ребенок. А зачем? — спросил он.— Я не в состоянии прокормить даже самого себя».

6

К дому № 87 на Шереметьевской улице я подошел в 7 часов вечера. Мой приход вызвал легкий переполох: женская фигура в пальто, но без шляпки юркнула в соседнюю комнату; мать Владимира Уткина поспешно захлопнула дверцу шкафа и принялась сметать крошки, которых не было на чистой скатерти, а сам хозяин, помогая мне раздеться, сказал весело:

— Спасибо, выручили. А то они меня совсем замучили. Складку ей в ателье какую-то не такую сделали. Так они с матерью битый час примеряли шубу и все меня донимали.

Когда мы сели и закурили, я спросил, что слышно о новом станке.

— Вы разве не знаете? С ним немножко обидно получилось. Мы ведь обязательство брали, что сами и детали будем в нерабочее время делать. А в министерстве передумали. Заказали станок по чертежам товарища Овечкина на другом заводе, на специализированном. Так быстрее будет и лучше, хотя нам и хотелось самим довести дело до конца. Теперь вот ждем не дождемся, когда его сделают...

— А кто из вашей бригады останется на нем работать? Решили уже?

— Нет. Думаю, из наших ребят никого не оставят. Смысла нет. Работа ведь будет очень простая: поставить скобу да снять. Вернее, научат кого-нибудь из новеньких. А нас переведут на другие операции, где токари нужны получше.

— Если рассудить, так сказать, отвлеченно, то выходит, что вы сами себя лишаете работы.

— Конечно. Ребята уже шутили: если бы мы в Америке о таком заикнулись, нас бы другие рабочие, очень просто, взяли бы и побили. А вернее, никому из нас это не пришло бы в голову. Кто же себе враг?

Пришла Нина и позвала нас пить чай. Уткин сказал:

— Читали сегодняшнюю «Правду»? В Америке уже несколько миллионов безработных. А будет еще больше.

Нина вздохнула:

— И у всех у них дети. Как это, наверное, ужасно — быть безработным! Я даже представить себе не могу.

— Хватит вам,— сказала мать Владимира,— садитесь чай пить, а то варенье скиснет.

Из-за такого варенья стоило поспешить. Оно было очень вкусным. Особенно малиновое. И, затевая приличествующий случаю разговор, я спросил, как бывалый гость:

— Почем малину брали?

— Ни почем,— сообщила Нина.— Сами собирали. И крыжовник сами. Мы прошлым летом в Киндякове дачу снимали и нынче тоже туда поедем. Теперь только туда будем ездить. Местность очень красивая: у речки маленькая деревенька, сосновый лес, в лесу озеро... Вы теперь из крыжовника попробуйте. Мы на всю зиму наварили,— она улыбнулась.— И гостей учли.

Хозяин сразу увлекся воспоминаниями:

— Речушка там маленькая, ключевая, а рыбы много. Интересное, между прочим, занятие — рыбная ловля! Отдохнули лучше, чем на курорте. Мне путевку бесплатную давали на Кавказ и дорогу оплачивали, я отказался: не больной. Так стоимость путевки мне наличными выдали. Больше двух тысяч получил. Я четыре килограмма на даче набоал, а жена — все восемь.

— Да, верно, я раздобрела очень. А сынок наш как поправился! Такой стал толстун, упругий, не ущипнешь!.. Если б вы знали, какой он у меня ласковый! Как девочка!

Отец согласился:

— Способный парень. Все машины знает. Где «эмка», где «Победа»!

Восторженное умиление, понятное и простительное и отцам и матерям, не могло в данном случае дурно повлиять на самомнение малыша. Он ничего не слышал. Он спал в своей кроватке недалеко от окна, до полу занавешенного голубоватым тюлем.

А за окном лежал красивый добрый город без биржи труда, без управления помощи нищим; веселый город, в котором не продаются ни улыбки, ни голоса избирателей; деловой центр, где не бывает крахов и который кризис обходит за тридевять земель. Опрятная зима накинула белые пушистые чехлы на все кровли его домов, на памятники великим согражданам, на стильную «мебель» улиц: стеклянные кабины регулировщиков, скамьи в полоску и шпалеры лип, еще осенью стриженных под бобрик. А их светлости — высокие московские фонари — рассыпали по снежному великолепию сияющие блестки, чтобы ярче сверкал самый человечный город на земле.

Быт и нравы за рубежом

ВМЕСТО ПЕНСИИ

Служащий Вильям Моден безупречно проработал 44 года в американской корпорации «Дженерал милс корпорейшн». Когда он состарился, его выбросили из конторы фирмы. Старый служащий, естественно, возбудил перед фирмой вопрос о пенсии. Дело тянулось долго и, наконец, получило свое «разрешение»: вместо пенсии или единовременного вознаграждения президент корпорации Лесли Перрин преподнес Модену... фотографию, на которой были засняты в полном составе члены правления корпорации.

Об этом факте сообщает американская газета «Сент пол диспетч». Тщетно было бы искать хотя бы малейшую нотку возмущения в этой репортерской заметке, составленной в духе описания «забавного случая».

ЮРКА ИЗ ЛЕБЕДЯНИ

Рассказ

И. МЕТТЕР

Два дня пролетели, заполненные непривычными делами и новыми впечатлениями.

На медицинской комиссии взвесили, обмерили, выслушали, просветили рентгеном. Потом выдали обмундирование: целую кучу вещей, новеньких, пахнущих мануфактурой и кожей; и названия были серьезные, совсем «взрослые»: бушлат, гимнастерка, парадная форма,— и даже обыкновенные штаны назывались брюками.

Из бани повели строем, в ногу. Юрка все время обдергивал на себе гимнастерку и старался четко стучать по булыжнику училищного двора ногами, обутыми в толстокожие форменные ботинки.

Это было похоже на какую-то новую, интересную игру.

Потом всех построили в большом зале, и перед строем встал человек, про которого сказали, что он старший мастер, и начал делать перекличку. Надо было отвечать: «Есть!» Юрка очень волновался, как это он тоже крикнет: «Есть!»,— когда до него дойдет очередь.

Ему все нравилось. Он готов был дружить с любым мальчиком, находившимся в этом зале, и даже улыбнулся тому верзиле, который, стоя позади, больно ущипнул его во время переклички.

Старший мастер произнес, наконец, фамилию «Власов», Юрка чужим голосом выкрикнул: «Есть!»,— и у него было такое ощущение, будто он сейчас обратился ко всем с большой речью.

«Я здесь! Это я, Юрка Власов, из Лебедяни, приехал сюда работать и учиться. Я даю вам слово, что буду стараться...»

Много еще разных горячих и сбивчивых мыслей бродило в его голове, но Юрка не успел их додумать, потому что вышел директор и начал говорить тихим голосом.

Виктор Петрович тоже волновался. Не в первый раз он выходил перед строем ребят в начале нового учебного года, и каждый раз хотелось ему найти особенные слова, которые запали бы им в душу.

И каждый раз, глядя на шестьсот стриженных мальчишеских голов, Виктор Петрович думал об их будущей судьбе.

Директор поздравил вновь принятых с поступлением, сказал им о чести ремесленного училища, напомнил о дисциплине и пожелал успеха.

И, как всегда с ним бывало, он считал, что говорил сухо, плохо, не сказал самого главного.

Ну, а Юрке казалось, что лучшей речи он не слышал в жизни! Его лично поздравляли, ему лично желали успеха, и он лично должен был поддерживать честь ремесленного училища.

Вечером Юрка сидел уже в своем общежитии, в своей комнате с ребятами из своей группы. Они еще немного дичились друг дружки и сидели чинно на кроватях.

В длинном коридоре шумно бегали второклассники, жившие в этом же этаже, иногда они заглядывали в комнату, рассматривая новичков.

Юрку уже предупредили, что среди второклассников попадаются отчаянные парни, которым ничего не стоит сорвать с новичка фуражку или, походя, смазать его по затылку. Один из них и ущипнул Юрку на перекличке.

Чтобы смягчить этот извечный закон школьного «гостеприимства», в 28-м ремесленном воспитатели поступали так: в комнату, где помещались пять — шесть новичков, вселяли одного второклассника. Он не мог бы их обидеть, даже если б захотел.

В юркиной комнате шестую кровать занимал второклассник Вася Андронов. Он уже работал три дня в неделю на заводе, имел третий разряд и, по правде говоря, был не слишком доволен, что его поместили с новичками.

Уж очень они на него пялили глаза, и в их присутствии надо было изо всех сил стараться не ударить лицом в грязь. Они-то сами наверняка будут здорово тянуться, и теперь Васе придется, небось, пришивать подворотничок раза два в неделю. И чуть что, воспитательница Ольга Николаевна будет говорить:

— Андронов, ты должен показывать пример!

И, как на зло, в его комнату поместили каких-то слишком аккуратных ребят. Они и перед сном будут мыться...

Юркина постель была рядом. Он с уважением смотрел на Андронова, который с полчаса назад вернулся с завода (второклассники уже начали практику). Потемневшая от пота и машинного масла рабочая гимнастерка не топорщилась на Андронове, как на Юрке, а плотно облегала его маленькую фигуру. И, когда Вася вошел в комнату, он таким великолепным жестом швырнул на тумбочку засаленную фуражку, так по-взрослому провел темной рукой по своим русым волосам, что Юрка показался себе совершенным сосунком. В довершение всего Андронов вынул из кармана газету и принялся читать ее.

— Что-нибудь интересное? — вежливо спросил Юрка.

— Кое-что есть,— ответил Вася.— Хочешь половину?

Он аккуратно разорвал газету пополам и протянул Юрке.

В это время в комнату вошла воспитательница.

— Ребята, выбирайте старосту комнаты... Андронов! — в ужасе всплеснула она руками.— Ты почему сидишь в грязной гимнастерке на кровати? Покажи руки. Сейчас же помыться до пояса и переодеться. Ты должен показывать пример, Андронов!

Вася нехотя пошел в умывалку, а потом, вернувшись, тихо сказал Юрке, что вообще Ольга Николаевна — женщина не вредная, но этим мытьем может довести человека до крайности.

Начали выбирать старосту. Трудное это дело, когда еще не знаешь друг друга. Иногда в таких случаях ребята руководствуются внешним видом: староста должен быть покрупнее и посильнее всех остальных.

Выбрали Петра Фунтикова. Он был на голову выше товарищей, шире в плечах, румяный, плотный, смущенно улыбающийся горьковчанин.

У себя в деревне в свободное от школы время Фунтиков работал в поле, косил, копал, помогал кузнецу. Закончив шесть классов, сказал родителям, что поедет в ремесленное. Ему устроили проводы с песнями и музыкой; отец, выпив, показывал на Петра односельчанам и говорил значительным шепотом, как величайший секрет:

— Едет! В Москву!

Его выбрали старостой комнаты единогласно. И как только выбрали, он решил, что должен сразу же что-нибудь сделать, а то неловко сидеть сложа руки. Он встал на табурет и подвинтил репродуктор, чтобы говорил яснее, затем спросил у Васи Андронова:

— Подъем в котором часу?

— В шесть тридцать.

— Не проспим?

— Разбудят.

Васе было забавно наблюдать волнение новичков. И чего волноваться? Дадут им с завтрашнего дня часов по двадцать на изготовление первого молотка, а работы там часа на четыре. Да и за двадцать еще кое-кто запорет! Зато по теории они, пожалуй, покрепче его. Он пришел после четвертого класса, а новички, говорят, все с шести — семиклассным образованием. Вон староста, какой парнище!.. Нет, ребята, как будто, ничего: жить с ними, наверно, можно будет. Конечно, неопытные, робеют по началу. Подбодрить их, что ли?

— Ну, староста,— поднялся Вася,— теперь ты хозяин: давай знакомь нас.

Он первый протянул руку сначала Юрке, а потом всем остальным.

— Вам кого в мастера-то дали? — небрежно спросил он.

— Ильина,— ответил Юрка.

— Матвея Григорьевича? Ничего мужик. Настойчивый.

— А строгий?

— Это конечно. С вами иначе нельзя...— Почувствовав, что он немножко перехватил, Вася поправился: — Он ведь за вас отвечает. Он и в мастерских, и в столовую будет водить, и сюда, в общежитие, придет. Ну вроде отца. С ним поладите... Он сам в сорок третьем ремесленное окончил.

Вася поговорил об их мастере, рассказал, что в первом классе будет день теории, день практики: на теории скучновато. Кормят сытно, курить не разрешается; в театры и музеи водят даром. Денег в первом классе маловато, а во втором он прилично зарабатывает. От старшего мастера будет влетать, а вообще жаловаться нельзя: учит здорово, кое-кто из прошлогоднего выпуска уже скоростники, и их портреты в газетах печатались...

— А сейчас давайте спать,— неожиданно закончил Вася.— А то верно проспите.

— Может, закусим перед сном? — спросил Юрка, оглядывая всех.— Я тут тетке гостинцы вез, а она в командировку уехала.

Он вынул из тумбочки пакет и передал Пете Фунтикову.

— На, дели. Ты староста.

За едой разговорились.

Оказалось, что все шестеро рыбаки. Обсудили, кто любит донку, кто перемет, а кто просто удочку с поплавком; похвалили окуня за то, что хорошо берет, обругали плотву за то, что обманывает и капризничает.

Потом Сеня Ворончук спросил Фунтикова:

— На трудодень сколько у вас вышло?

— Три двести.

— Ничего,— одобрил Сеня.— А у нас в этом году рожь хорошая. Два восемьсот дали авансом.

Поговорили немного и о скотине. У Фунтикова в колхозе на скотном дворе стоял бык «Кузьмич», отличник района, с кольцом в носу. А летом купили для фермы чистокровного калининского хряка, у него такие уши, что глаз не видно...

Но все это было пустяком по сравнению с тем, что хотелось рассказать Сене Ворончуку о своем селе на Полтавщине.

— У нас, во-первых, гуси...

Юрке было не так уж интересно выслушивать про гусей, и поэтому он сказал, что в совхозе «Агроном», где работает его мать, восемнадцать сортов яблок, самые вкусные называются «суслепер».

Вася Андронов посмеялся над таким смешным названием, но, когда Юрка протянул ему яблоко, охотно взял и съел...

В комнате уже становилось шумно, мальчики, торопясь, перебивали друг друга и говорили по двое сразу:

— А вот у нас...

— А вот у меня...

— А вот я знаю один случай...

От шума проснулся задремавший было Сережа Типкин и сразу, с места в карьер, сказал, что в их детдом в прошлом году приезжал живой артист Черкасов:

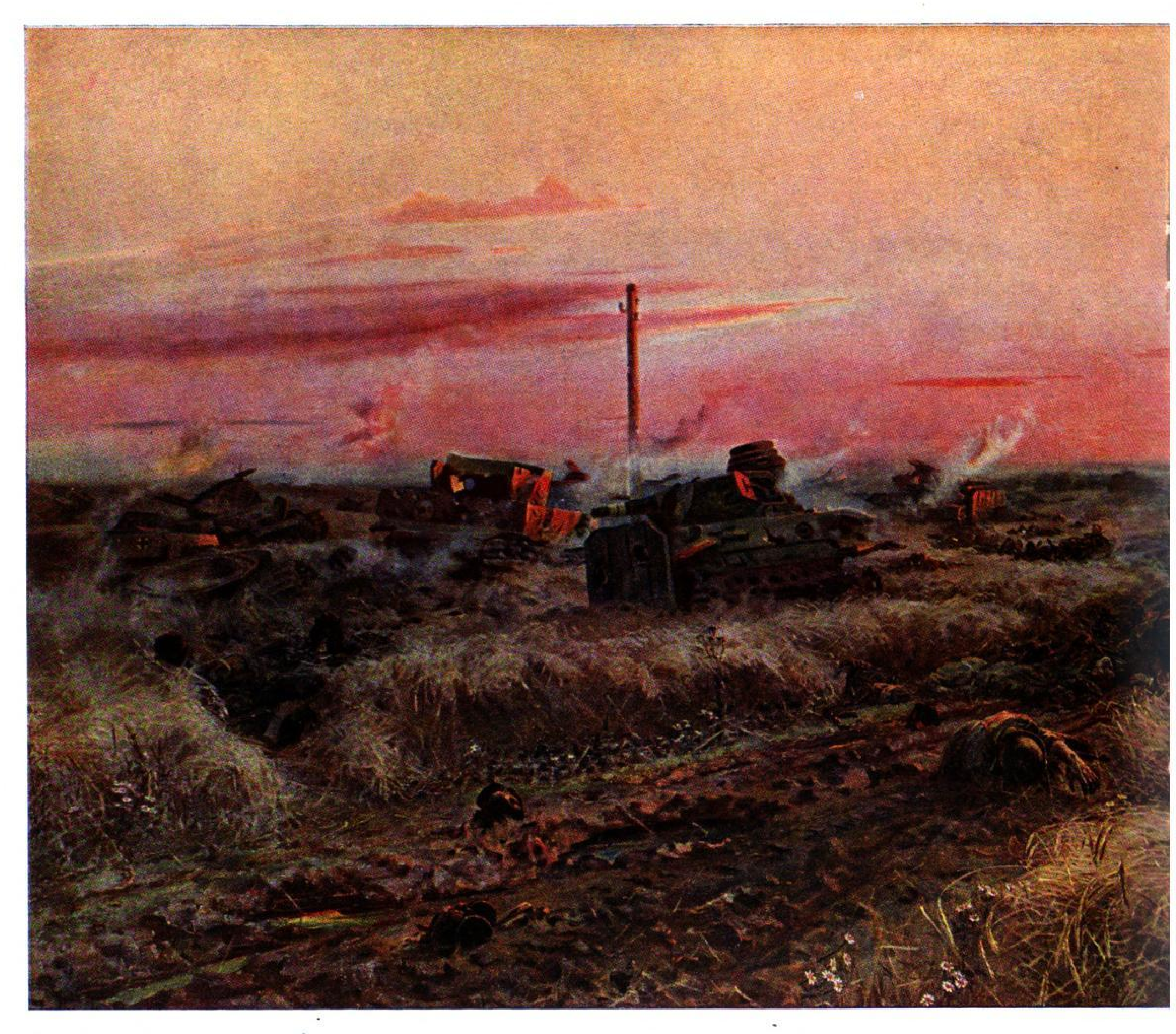
— Вот так я стоял, а вот так он...

Через полчаса, на самом интересном месте, прозвучал отбой. Вася Андронов показал, как складывать новую одежду, чтобы она не мялась.

Погасили свет.

Сережа заснул сразу: за свою жизнь в детдоме он привык к общежитию. Поворочался немного в постели Петя Фунтиков, вспоминая, как приятно поваляться на сене. Потосковал в темноте Сеня Ворончук... А Юрка подумал, что мать уже давно спит в Лебедяни, и, чтобы больше об этом сейчас не думать, натянул одеяло на голову и, решив считать до ста, заснул на семидесяти четырех.

Спокойной ночи, ребята!

П. А. Кривоногов.

«Огонек». 1950.

НА КУРСКОЙ ДУГЕ.

автор страдает натурализмом и символизмом

создает пацифистическое настроение у зрителя.

ДВА СОЛДАТА

БЫЛЬ

Константин СИМОНОВ

Рисунки В. Климашина

В этой истории, вернее, в этих двух историях, ничего не придумано. Их рассказали мне два молодых китайских солдата в ноябре прошлого года во время наступления войск Народно-освободительной армии в Южном Китае на столицу провинции Гуанси — Гуйлинь.

Солдат и младший командный состав Народно-освободительной армии можно разделить на две основные категории. С одной стороны, это молодые крестьяне, добровольно пошедшие в армию, главным образом после проведения в их районах земельной реформы. С другой стороны, это бывшие гоминдановские солдаты, попавшие в плен, добровольно сдавшиеся или восставшие и перешедшие в ряды Народно-освободительной армии. Обе эти категории составляют подавляющее большинство ее рядового и младшего командного состава.

Я расскажу здесь историю двух солдат, двух героев, награжденных за мужество высшим орденом Народно-освободительной армии — орденом Мао Цзе-дуна: историю маньчжурского крестьянина товарища Пу Фын-гана и историю бывшего гоминдановского солдата товарища Чан Дэ-ю.

1

Товарищ Пу Фын-ган, заместитель командира отделения 367-го полка 123-й дивизии, встретился со мной на привале в маленькой придорожной деревеньке на гуйлинском шоссе. Он вошел в полуразрушенный крестьянский дом, где мы расположились, поздоровался, как старый знакомый, снял автомат и, аккуратно прислонив его к стенке, сел рядом со мной на низенькую деревянную скамеечку, положив руки на колени. Это был невысокий, крепкий деревенский парень с широким, пышащим здоровьем лицом, весь подобранный, основательный, серьезный, несмотря на молодость, редко улыбающийся и совсем не смеющийся. В свои 19 лет он на вид казался значительно старше; это был один из тех людей, которым одинаково можно дать 25 лет и тогда, когда им еще 18, и тогда, когда им уже за 30.

В тех местах своего рассказа, где, описывая боевые действия, ему было необходимо не только объяснять, но и показывать руками, как все происходило, он жестикулировал по-особенному, сдержанно, как бы в половинную силу, только энергично двигая кистями рук, но так и не отрывая локтей от колен.

Вот короткая, но поучительная история его жизни. Он родился в Маньчжурии, в пограничном с Кореей Андуньском уезде, в бедной крестьянской семье. Отец его был батраком, мать — батрачкой и прислугой. Он сам работал батраком у помещика, пас коров, а в период полевых работ вручную ковырял землю мотыгой. Когда гаолян стоил на рынке дешево, помещик кормил его сам, а когда цены на гаолян поднимались, платил за работу деньгами.

В 1946 году войска Народно-освободительной армии провели в этих местах земельную реформу. Семья Пу Фын-гана, совершенно не имевшая земли, получила пять му, и отец сказал Пу Фын-гану (ему было 16 лет), что в их уезде Народно-освободительная армия производит набор в местные вспомогательные отряды.

— Ты старший сын,— сказал отец. — Иди туда от нашей семьи. Надо защищать землю, которую мы получили.

Пу Фын-ган пошел в местный отряд. Там он прослужил год. Гоминдановцы снова вторглись в уезд, отобрали у крестьян землю и все помещичье добро, розданное во время реформы. Заодно отбирали и то, что искони принадлежало крестьянам,— словом, отбирали все, что хотели.

Когда гоминдановцам пришлось отступить из уезда и Пу Фын-ган вернулся, он попросил разрешения на день сходить домой. Увидав, как разорен дом, он решил, что состоять в местном отряде теперь мало, надо идти в армию.

Его сначала не хотели брать, потому что ему было только 17 лет, но он настаивал, и его приняли в тот полк, где он служит и сейчас. Он хотел сразу воевать, но ему не повезло: рота, в которую он попал, то оставалась в резерве, то стояла в тылу, то строила мосты и ремонтировала дороги. Так он провел больше полугода, очень огорченный тем, что ему не приходилось воевать, в то время как он пошел в армию именно для того, чтобы воевать. Ему никак не удавалось отомстить гоминдановцам за то, что они отняли последнее имущество у его семьи, и, главное, за то, что они хотели снова отнять самую землю. Тогда, терпеливо ожидая, он поклялся, что в первом же бою совершит подвиг и тем отомстит за свою семью, о которой он каждый день вспоминал, служа в армии. Он ждал этого до тех пор, пока их полк вместе с другими не попал на Ташанские оборонительные позиции.

Там началось первое сражение, в котором Пу Фын-ган принимал участие, и там же он совершил подвиги, сделавшие его имя известным в армии.

Перед боем представитель их отделения, ходивший на делегатское собрание, рассказал о том, что хорошая защита Ташанских позиций позволит взять находящийся в тылу город Цзиньчжоу и это, в свою очередь, обеспечит полное освобождение Маньчжурии от гоминдановцев — они больше никогда туда не вернутся.

Пу Фын-ган внимательно слушал. Он знал, что бывает с крестьянами, получившими землю, когда возвращаются гоминдановцы. Товарищ спросил, есть ли у солдат решимость написать обязательства перед боем.

— Есть,— первым в отделении ответил Пу Фын-ган.

Он был неграмотен, знал в то время всего несколько иероглифов и, попросив товарища помочь, продиктовал свои пять обязательств: «1) Если будет маленькая рана, не выходить из строя; если будет большая, не стонать. 2) Если не будет хватать еды, в первую очередь давать ее товарищам. 3) Оставаться на позициях до смерти, а если будет ранен товарищ, вынести его из-под огня и возвратиться на позиции. 4) При наступлении идти первым, при отступлении — последним. 5) Отомстить за своих родителей».

Товарищ написал обязательство. Пу Фын-ган приложил к нему палец, и оно было отдано политруку. Это было вечером. Ночью их отделение строило дзот на окраине деревни. Перед деревней были поле, маленькая речка и снова поле.

А утром начался семидневный бой на Ташанских позициях. В первый же день их дивизию бомбили с воздуха и обстреливали из орудий. У командира взвода оторвало ногу, командира отделения ранило в грудь. Среди солдат взвода было много убитых и раненых. Но противник отступил. Всю ночь перед позицией стонали брошенные гоминдановцами раненые. А на второй день боев, после десяти атак, гоминдановцы ворвались в деревню.

Пу Фын-ган сначала стрелял, потом бросал гранаты. Наконец у него остался один патрон. Его самого ушибло стенкой дзота, когда в дзот попал снаряд. Заместитель командира отделения был убит, и Пу Фын-ган вдруг сказал:

— Теперь слушайте меня!

И его стали слушать.

Под его командой солдаты отступили за каменную ограду двора и там отбивались еще час. Потом пришла помощь. Они убили гоминдановцев, пробравшихся в деревню, захватили их оружие и снова заняли позицию в дзоте. К этому времени Пу Фын-ган командовал уже остатками двух отделений, а всего в этих двух отделениях, считая его самого, было три человека. Они сидели втроем в своем старом дзоте. Ночью им принесли еду. Но они не могли есть. Из двадцати человек их осталось всего трое, и им было так тяжело, что не хотелось есть. Ночью они не спали, и Пу Фын-ган сказал товарищам:

— Нас от двух отделений осталось трое. Давайте дальше будем все вместе: или останемся все живыми или все погибнем.

Ему было особенно тяжело потому, что из другого отделения было все-таки двое, а из его остался в живых он один.

После этого Пу Фын-ган еще четыре дня просидел в своем дзоте под бомбежкой и артиллерийским обстрелом, отбивая вместе с товарищами по шесть, по восемь, по десять атак в день.

На седьмой день наступило затишье, но перед позициями, где сидел Пу Фын-ган, между ними и речкой, остались две роты гоминдановцев, которые пробрались через проволочные заграждения ночью и сейчас, когда гоминдановские части выдохлись и прекратили наступление, не знали, что делать.

Командир роты приказал трем пулеметчикам, у которых вчера гоминдановцы отняли пулемет, пойти вперед и достать себе пулемет. Они выбежали из окопов навстречу гоминдановцам, и все трое одновременно были сражены пулеметной очередью.

Увидев, что товарищи остались лежать на поле, и помня свое обязательство, написанное перед боем, Пу Фын-ган вместе с командиром взвода вылез из окопа и пополз к стрелявшим гоминдановским пулеметчикам, чтобы убить их и потом вытащить товарищей. Командир взвода пополз справа, его заметили и убили. Пу Фын-ган пополз слева. Его не заметили. Он добрался до первого гоминдановского пулеметчика и застрелил его сзади из винтовки. Потом он подполз ко второму пулемету. Гоминдановцы, лежавшие у этого пулемета, испугались и сдались. Пу Фын-ган заставил их тащить пулемет и вернулся вместе с ними в окопы. По дороге он увидел, что трое товарищей, ради которых он вылез из окопа, были убиты.

Сдав пленных, Пу Фын-ган с тремя бойцами опять пополз брать в плен других гоминдановцев. Он вошел во вкус этого дела. Товарищи его были вскоре ранены. Пу Фын-ган тоже был ранен в ногу и в лицо, но пополз дальше.

— Цзиньчжоу уже взят! — кричал он гоминдановцам (это была правда). — Сдавайтесь, с вами ничего плохого не случится! (Это тоже была правда.)

Он вернулся в окоп вместе с десятью пленными и двумя пулеметами. Таким образом, он взял за этот день уже четыре пулемета. В окопе сидел командир батальона. Он сказал:

— Хорошо, что ты привел десять гоминдановцев. Но вон впереди лежат две роты, и мы хотим, чтобы они сдались. Тому, кто пойдет и распропагандирует их, мы это запишем как подвиг.

Пополз один товарищ, но погиб. Пополз другой и тоже погиб. Больше никто не решался. Тогда Пу Фын-ган подошел к командиру батальона и сказал, что поползет сам. Кругом него рвались мины, его засыпало землей. Сначала он добрался до ближайшего окопа. Там, спрятавшись, сидели два гоминдановца. Они были совершенно растерянны и ничего не соображали от страха. Пу Фын-ган ударил одного из них прикладом по голове и объяснил им обоим, почему им нужно сдаваться.

— Цзиньчжоу уже взят! Вы уже ничем ему не поможете, сдавайтесь! — кричал он, заставляя их громко повторять за собой каждое слово. — Сдавайтесь, вам ничего плохого не будет!

Вскоре он заметил, как лежавшие невдалеке гоминдановские солдаты стали спорить между собой и через несколько минут остатки двух рот начали подниматься с земли и, подняв руки, пошли сдаваться в плен. Пу Фын-ган шел сзади них.

Это был последний, седьмой день боев на Ташанских позициях. Пу Фын-ган вернулся в окоп усталый. Ему было странно, что кругом тишина, а кроме того казалось, что в его жизни что-то переменилось. И, конечно, он был прав. Семь дней назад он, крестьянский юноша, давший обязательство защитить свою землю и отомстить за своих родителей, впервые выстрелил в упор из винтовки. А сейчас, через семь дней, он стал старым солдатом, пережившим смерть почти всех своих товарищей и нашедшим в себе волю скомандовать оставшимся в живых: «Теперь слушайте меня!».

Когда Пу Фын-ган вернулся в окоп, один из товарищей сказал ему, что в политотделе полка говорили о нем как о человеке, заслужившем орден Мао Цзе-дуна. Товарищ, который рассказал это Пу Фын-гану, совершил уже два больших подвига, а для того, чтобы получить орден Мао Цзе-дуна, нужно было совершить их три.

— У тебя уже есть три подвига,— сказал он Пу Фын-гану. — Разве ты об этом не знаешь?

— Нет, не знаю,— искренно ответил Пу Фын-ган.

В самом деле, он не знал. Он чувствовал в эту минуту только невероятную усталость после семи дней боев и хотел спать.

Через два месяца, перед началом похода на Пекин, было созвано батальонное собрание; на нем Пу Фын-гану вручили орден Мао Цзе-дуна. Он забыл, что тогда говорил командир батальона, потому что сильно волновался. Когда Пу Фын-гану повесили на грудь орден, он выступил вперед и сказал:

— Вот мне повесили на грудь орден Мао Цзе-дуна, но у меня еще много недостатков, и я буду воевать лучше, чтобы исправить свои недостатки.

Утром они пошли в поход. Он в это время еще страдал от полученных ран, но не хотел отправиться в госпиталь и ехал позади своей части на телеге.

В походе Пу Фын-гана приняли в партию. На заседании ячейки товарищи долго говорили о нем. О его достоинствах, о том, что он смелый человек, что показывает пример другим в бою и помогает им, не боясь трудностей. О его недостатках: что он замкнут, необщителен, не критикует других и слишком самолюбив. Так, оценив достоинства и недостатки, его приняли в партию.

После этого Пу Фын-ган был в боях под Калганом, прошел через весь Северный и Центральный Китай и сейчас вместе со своим 367-м Ташанским полком шел на Гуйлинь. Все это время он каждую свободную минуту учился. Он не хотел больше прикладывать палец, подписывая обязательство перед боями. Он хотел писать сам. Он учил иероглифы медленно и упорно, как все, что он делал. Два иероглифа в день. Два иероглифа, но твердо: в понедельник — два, во вторник — два, в среду — два... Два в день, четырнадцать в неделю, шестьдесят в месяц. Сейчас он еще не может писать, но уже начинает читать. Еще через год (365 дней,— значит, 730 иероглифов) он начнет читать газеты.

После Ташанского боя он получил письмо от родителей. Они просили его хорошо воевать и после окончательной победы революции вернуться домой.

Пу Фын-ган не ответил на это письмо, может быть, по своей природной замкнутости, а может быть, из-за самолюбия: сам он написать еще не мог, а просить товарищей не хотел. Вместо него письмо родителям написало командование части. В этом письме сообщалось о подвигах Пу Фын-гана.

Такова короткая история заместителя командира отделения 367-го полка 123-й дивизии товарища Пу Фын-гана, 1930 года рождения, из крестьян, члена коммунистической партии Китая.

2

Осенью 1948 года, в дни последних боев за освобождение Маньчжурии, когда товарищ Пу Фын-ган совершал свои подвиги на Ташанских позициях, там же, в Южной Маньчжурии, под Цзиньчжоу, произошло важное событие, в корне изменившее жизнь другого солдата, товарища Чан Дэ-ю: он сдался в плен.

Товарищ Чан Дэ-ю, заместитель командира взвода 404-го полка 135-й дивизии, живой, подвижной южанин, рассказывал мне свою жизнь с такой откровенной прямотой, с такой горячностью, что мне оставалось только следить за его оживлением — то счастливым, то гневным — лицом и успевать записывать то, что он говорил мне.

Если не считать некоторых сокращений, я привожу этот рассказ слово в слово, так, как я его услышал, сидя с товарищем Чан Дэ-ю в помещичьем доме, занятом расквартированными в нем войсками Народно-освободительной армии, в селе Хуантупу, в Южной Хунани:

— Я родился в Гуандуне в семье бедняка и, когда мне было 14 лет, поступил учеником на папиросную фабричку. Меня заставила работать жизнь: нам нечего было есть. Мать, отец, три брата, сестра, племянник — и на всех два му земли. Когда умер отец, у нас не было денег на гроб. Мать заняла их у помещика, но на долг каждый месяц нарастали проценты, а мы все не могли и не могли его отдать. Через два года помещик отобрал у нас два му земли и две из трех комнат хижины. Он сделал это не через суд. Он просто пришел и спросил:

— Есть деньги?

Мы сказали:

— Нет.

— Хорошо,— сказал он и отобрал у нас землю и комнаты.

После этого наша семья разбрелась, чтобы не умереть с голоду. Старшего брата поймали гоминдановцы и взяли в солдаты. Другие два брата ушли, и я о них ничего больше не знаю. Сестра умерла с голоду. Мать стала нищей.

Помещика звали Цао Ин. Он поселил в наших двух комнатах своих батраков, в третьей жила мать; днем она побиралась, а ночью возвращалась.

Сначала, когда мы разорились, я был носильщиком: носил табак из деревни в город, на табачную фабрику. Потом однажды мать мне сказала:

— Уходи отсюда, иначе все равно ты здесь умрешь с голода.

И я ушел в город. На папиросной фабрике мы работали с пяти утра до десяти вечера. Три раза в день нам давали жидкую рисовую кашу. Не думайте, что это рис! Рис — это совсем другое дело! Рис ел сам хозяин. На еду нам давали времени столько, сколько нужно, чтобы съесть миску каши. Но мы старались есть дольше, чтобы отдохнуть. Кроме этой жидкой каши, мы ничего не получали: ни еды, ни денег, только один раз в год — одежду.

Хозяина звали Лю Джао. Магазин, где он продавал свои папиросы, назывался «Производительность и прибыль». Мы помогали хозяину сеять и убирать урожай с его двадцати му земли. Дней отдыха у нас не было.

Так я работал два с половиной года, а потом не выдержал и вернулся домой. Мать все еще нищенствовала. Я снова стал носить табак в город, за три четверти монеты в день. В тот день, когда я не ходил в город, я не ел. Кроме того было много предлогов, чтобы нам не платить или по крайней мере не доплачивать. Принесешь табак, а тебе говорят:

— В табаке песок, ты его по дороге насыпал в табак.

И вычитают треть поденной платы за каждый фунт песку. А мы не насыпали песок, он попадал в корзину вместе с корнями табака, и на двадцать пять килограммов его попадало много.

Не было сил больше терпеть. Я пришел к матери и сказал:

— Мне надо отсюда уходить.

Но мать на этот раз не хотела меня отпускать: ей было жалко расставаться со мной, с последним из ее детей. Но я все-таки ушел. Я решил, что если я здесь, дома, потерял лицо, потому что не могу прокормить свою мать, то пусть я лучше буду бедствовать вдали от дома (китайское выражение «мянзы» — «потерять лицо» — трудно в точности перевести; примерно это значит: покрыть себя позором, потерять честь).

Я ушел в провинцию Фуцзянь вместе с бродячими торговцами. До этого я много дней подряд таскал табак, старался меньше есть и скопил несколько монет на дорогу. Два года я работал в Фуцзяни, в уездном городе Пиньхо. Работал слугой у хозяина маленького ресторанчика, таскал воду, колол дрова, носил тяжести.

Через два года ко мне пришел начальник участка:

— Ты гуандунец?

— Да.

— Но ты живешь в провинции Фуцзянь? Дай мне твои документы! Где они?

— У меня нет документов,— сказал я.

Это он и сам знал.

— Ну, что же,— сказал он.— Раз у тебя нет документов, тебе придется идти в армию.

И открыл дверь. За дверью стояли солдаты. Так меня взяли в гоминдановскую армию. Так брали многих. Вербовщик приходил к начальнику участка: «Доставь мне за две недели столько-то человек». И тот должен был доставить, скажем, десять человек или заплатить большую сумму за каждого недоставленного. Получив такое приказание, начальник участка шел к богатому человеку и требовал, чтобы тот отдал в армию сына. Тот откупался. Начальник участка шел к другому, к третьему богатому человеку. Каждый из них откупался. Все эти деньги он клал себе в карман, а сам ловил таких бедняков, как я, столько, сколько ему нужно,— десять, значит десять,— и сдавал их вербовщику.

Солдаты стояли за дверьми. Они вошли, связали мне руки веревкой и повели через город. Меня привели в большой дом с решетками на окнах, с железными воротами, как в тюрьме. Этот дом назывался управлением дивизионного округа.

Я мог немножко писать, потому что год учился в начальной школе. Поэтому я написал письмо к матери и ухитрился передать его на улицу. Мать получила письмо, ей его прочли. Она была больна, ей было больше пятидесяти лет, но она за день прошла девяносто ли, чтобы со мной проститься.

Здание дивизионного управления было построено четырехугольником, с большим двором внутри. По этому двору мы гуляли. Нас было там около тысячи человек. Мать сквозь железные ворота стала кричать и через товарищей подозвала меня к воротам. Мы говорили с ней через решетку.

— Не ходи в армию,— сказала она мне.

— Ничего не поделаешь, мама,— ответил я,— меня уже поймали. Если я буду убит, то ничего не поделаешь, а если я останусь жив, то я отомщу.

Мать простилась со мной и пошла просить помощи у хозяина ресторанчика, где я работал. Но хозяин сказал, что он не может помочь, и послал ее к начальнику участка. Она пришла к начальнику участка и попросила его освободить меня, но он ее избил. Тогда она осталась в городе, жила на улице и нищенствовала, ожидая, когда нас будут отправлять из города. Она хотела еще раз меня увидеть. Когда нас погнали из города по шоссе, то там, где кончалась последняя городская улица, около дороги, стояла моя мать и плакала. Она смотрела на меня, но не подходила, боясь, чтобы ее снова не избили.

Это было в 1943 году. Поход был очень тяжелый. У меня ничего не было: ни одежды, ни денег. Я шел в лохмотьях, босиком, скованный кандалами за руку с соседом. Мы вместе ели, вместе спали на земле, вообще, все, что приходится делать человеку, делали вместе, потому что нас никогда не расковывали.

У некоторых новобранцев были деньги, но командир роты отобрал их на хранение. На все эти деньги он купил сахар, потому что в уезде Пиньхо, откуда мы вышли, был дешевый сахар, а в уезде Лян-Нан, куда мы шли, сахар был дорогой. Командир роты заставлял тех же самых

новобранцев, отдавших ему деньги, на которые он купил сахар, нести этот сахар. С тех, кто нес сахар, чтобы им было удобнее нести, снимали наручники и только связывали им попарно руки веревкой. С выгодой продав в уезде Лян-Нан сахар, командир роты понемногу — раз в пять дней — выдавал деньги тем, у кого он их взял; понемногу, чтобы они, получив всю сумму, не попытались бежать.

Первый раз в походе мы были десять дней. Нас привели в лагерь и два месяца учили строю. Неспособных и слабых избивали. Иногда насмерть.

Однажды ночью в бараке один из новобранцев сошел с ума и стал кричать: «Скорей бежим отсюда!». Охрана за окнами начала стрелять. Потом пришел командир роты и приказал дать каждому из нас по два удара бамбуковым коромыслом. Того, кто сошел с ума, вечером расстреляли.

Потом нас отправили в новый поход в провинцию Чжэцзян. Мы были скованы по-двое кандалами, так что бежать можно было только вдвоем. Товарищи сговаривались попарно, разбивали кандалы камнями или постепенно перетирали их и бежали. По ночам нас запирали и ставили вокруг часовых. Но некоторые делали подкопы или дыры в стенах и все-таки бежали. Если кто-нибудь бежал, то все остальные, спавшие в этом помещении, утром получали по три удара бамбуковым коромыслом.

На роту в двести человек полагалось в день немного рису и 15 килограммов овощей, самых плохих и дешевых. Масла и соли не выдавалось. Половину того, что отпускалось на наше питание, командир роты клал к себе в карман.

48 дней мы шли по страшной жаре. Дорога была так раскалена, что у всех на ногах были гнойные пузыри. В начале похода нас в колонне было 1438 человек. К концу осталось 1028. Несколько десятков бежало, несколько десятков было расстреляно. Если кто-нибудь по дороге просил отпустить его домой или протестовал, то его сразу же отводили в сторону и на глазах у всех стреляли ему в затылок из маузера.

Все мы, без исключения, болели дизентерией; от нее умерло более 300 человек.

В конце концов мы пришли в город, где стояла дивизия, в которую мы должны были влиться. Перед тем, как сдать нас в дивизию, командир роты запретил нам — в ответ на предстоящий вопрос, здоровы ли мы,— отвечать, что мы больны дизентерией.

— Если кто-нибудь скажет, что он болен, то его не возьмут в дивизию и вернут мне,— заявил командир роты,— и тогда он пожалеет об этом.

Командиру роты нужно было сдать нас по счету как можно больше. И вот с нас сняли кандалы, и мы из новобранцев превратились в солдат.

Вскоре мы уже в составе дивизии двинулись в дальнейший поход. Теперь мы сами начали грабить. Мы грабили население. Отнять у крестьянина еду, туфли или кусок материи — все это нам разрешалось. Теперь мы были без кандалов, и надо было нас удерживать от бегства, хотя бежать было все равно трудно: сняв с нас кандалы, за нами продолжали наблюдать день и ночь.

И вот после такого воспитания мы должны были по призыву генералиссимуса Чан Кай-ши выполнять свой патриотический долг и героически воевать с японцами.

При каждой встрече с японцами наши начальники, которые сами вовсе не хотели всерьез воевать, давали приказ отступать — и мы отступали. Пока мы отступали, наши начальники оставляли сзади одну роту, чтобы она немного постреляла по японцам. После этого наш командир докладывал своему начальнику, что мы дрались. Его спрашивали: «Как дрались?». Он отвечал: «Удачно, с малыми потерями». Ему говорили, что это очень хорошо.

Когда мы воевали с японцами, мы всегда отступали. Я не помню ни одного случая, чтобы мы наступали. Но зато, когда мы в 1945 году напали на коммунистов, то у нас сразу были организованы заградительные отряды; офицеры наводили порядок и шли сзади нас с пулеметами.

Мы сражались с коммунистами в провинции Цзянси. Сначала мы наступали, но потом коммунисты разбили нашу дивизию.

(Здесь мне приходится сделать пропуск в рассказе товарища Чан Дэ-ю. Этот рассказ о боях с коммунистами изобиловал многими подробностями, но в нем было необыкновенно трудно понять, кто на кого наступал, кто победил и кто был разбит, потому что товарищ Чан Дэ-ю сейчас рассказывал об этом с точки зрения солдата Народно-освободительной армии, в то время как тогда он был гоминдановским солдатом, и эти два «я» в рассказе постоянно путались. Он говорил, что «наши войска,— имея в виду коммунистические войска,— разбили их войска», то есть гоминдановские войска, но «мы бежали,— имея в виду гоминдановские войска,— от них»,— имея в виду коммунистические войска. По общему же смыслу рассказа обстановка складывалась неблагополучно для гоминдановцев.)

— В перерывах между боями с коммунистами мы часто подолгу стояли на одном месте и строили укрепленные районы. В это время мы грабили окрестное население, забирали все, вплоть до лопат и мотыг. Мы говорили, что забираем лопаты и мотыги для того, чтобы рыть окопы, а на самом деле мы их брали в одной деревне, а в соседней продавали их и покупали себе на вырученные деньги сигареты.

Нас часто посылали собирать крестьян на оборонительные работы. Большинство из нас охотно выполняло эти поручения, потому что благодаря им мы могли досыта поесть. Нам было официально разрешено грабить население, с одним только условием: если ты ловил курицу для себя, ты должен был вторую курицу поймать для командира взвода. Наш командир взвода за эти два месяца съел 78 кур, это мы точно подсчитали. Но мало того, что мы отнимали кур, уток и поросят: мы еще приходили в дома и заставляли крестьян на их же очагах варить для нас этих кур. Женщины, в особенности старухи, плакали, и солдаты за это их слегка поколачивали.

Сейчас я задаю себе вопрос: «Что же я думал тогда, что я чувствовал?». Ведь я бедный человек и знаю, что такое бедность. Мне часто бывало жалко людей, которых мы грабили, было тяжело смотреть на них. Я старался меньше заниматься грабежами. Командир взвода заметил это и издевался надо мной.

— Ты жалеешь их, потому что ты беден. Но ведь потому-то ты и попал в армию, что ты беден,— говорил он.— А раз попал,— значит, грабь и ешь. Неужели ты до того глуп, что даже не умеешь обеспечить едой свой собственный желудок? Ешь, пока жив! — смеялся он; это была его любимая поговорка.

А население кругом плакало и с каждым днем все больше и больше ненавидело нас. Но мы вынуждены были грабить его, потому что нам нечего было есть. Нас самих грабили наши офицеры. Командир нашего полка воровал так: он получал жалованье всего полка и клал его на месяц в банк, а солдатам выдавал на месяц позже. И так каждый месяц. У него в банке все время лежало жалованье полка, и таким образом он из года в год получал средний банковский процент со всего жалованья, выдаваемого на полк. Это тогда, когда деньги еще не падали, а когда они стали падать, то его заработки повысились: он получал разницу в курсах за месяц. Потом наше жалованье переходило в руки командира роты; командир роты из каждых ста китайских бумажных долларов ежемесячно брал себе двадцать под предлогом покупки для нас мыла, зубного порошка, средств дезинфекции и прочего, но я не помню, чтобы это было куплено хоть раз. Потом остаток нашего жалованья поступал к командиру взвода. Командир взвода задерживал жалованье до тех пор, пока солдаты не соглашались сыграть с ним в «маджан» (азартная китайская игра). Он играл с нами на наши же деньги. Если он проигрывал, то жалованье попадало нам целиком; если он выигрывал, то большая часть жалованья оставалась у него.

Кроме того наши офицеры приписывали людей. Это была «законная» приписка, нормы которой были установлены для всей армии. Всем офицерам заведомо разрешалось показывать по денежным, продовольственным и вещевым ведомостям лишнее количество солдат против имевшегося фактически: командир взвода имел право показать одного лишнего человека, командир роты — трех человек, командир батальона — семь человек. Но если показывали сверх того, то надо было или скрывать или делиться со старшим начальником.

В нашей роте было время, когда командир, кроме трех «законных», приписывал больше двадцати незаконных солдат, всех с придуманными именами и фамилиями. Как-то вечером командир роты узнал, что завтра приедет инспектор проверять личный состав. Об этом ему сказали приятели из штаба полка. Тогда он послал нас ночью в соседнюю деревню, и мы насильно согнали двадцать молодых крестьян. Командир роты за ночь обмундировал их (у него было лишнее обмундирование, так как он нам его недодавал) и заставил каждого крестьянина запомнить имя, показанное в ведомостях, и откликаться на него. Таким образом, утренний инспекторский смотр прошел благополучно.

В конце 1947 года нас отправили в Маньчжурию, погрузили на три больших новых американских парохода, плывших под китайским флагом. Нас отправили в город Цзиньчжоу. Там нас согнали на аэродром и по целым дням обучали обращению с оружием. На аэродром приехал командующий армии генерал Ван Тин-хан. Он выстроил нашу дивизию и целый час читал нам очень хвастливый доклад о том, что наша армия скоро разгромит всех красных. А через неделю под Цзиньчжоу нас окружили коммунисты. Генерал Ван Тин-хан переоделся в крестьянское платье и удрал.

А у нас началась паника. Мы не знали, куда деваться и что делать. Наша рота пыталась бежать в горы, но нас по дороге перехватили коммунисты и стали издали кричать:

— Сдавайте оружие! Мы вас не убьем!

Мы пошли им навстречу. Некоторые из нас стали говорить:

— Вот видите, красные стоят на виду, они нас все равно убьют, давайте, пока не поздно, сами стрелять по ним.

Но я и другие солдаты сказали:

— Нет, давайте сложим оружие!

И мы сложили оружие. Нам навстречу шли бойцы Народно-освободительной армии. Так я сдался в плен.

Я прерву здесь рассказ товарища Чан Дэ-ю и не буду пересказывать всех подвигов, совершенных им впоследствии.

Попав в Народно-освободительную армию после всех пережитых им мытарств, до глубины души потрясенный всем тем новым и необыкновенным для него, с чем он встретился у коммунистов, он быстро стал не только сознательным бойцом, но и страстным пропагандистом среди сдававшихся в плен гоминдановских солдат.

Выдающиеся подвиги, совершенные им в первых же боях при штурме Тяньцзиня, подвиги, после которых он стал коммунистом, были для него только естественным выражением того классового чувства, того неистребимого гнева, который, так же как и Пу Фын-гана, вел его в бой против помещиков, угнетателей, против всех этих кровопийц Цзо Инов и Лю Джао, чьи имена он навсегда запомнил с юности.

Я пропускаю весь наш долгий разговор с ним об этом и привожу только самый конец его, не выходящий у меня из памяти.

Уже прощаясь с товарищем Чан Дэ-ю, я сказал ему:

— Большая часть провинции Гуандун свободна. Вы не пробовали узнать, что с вашей матерью?

— А разве я не сказал вам? — ответил он.— Она умерла еще в феврале 1947 года. Я ведь говорил вам, она была нищей. Так вот она умерла. Все это произошло очень просто. Она заболела, осталась дома и не могла идти за подаянием. Поэтому через три или четыре дня она умерла с голода. Я это узнал из письма. Я послал в деревню письмо и получил ответ от соседей. Денег на гроб не было. Соседи оторвали от забора несколько старых досок, сбили из них ящик и похоронили ее.

Я обещал матери, что отомщу. Я, в общем, сдержал свое обещание. Правда, у меня осталось еще одно маленькое желание: мне хотелось бы встретиться с тем начальником участка, который сначала взял меня в армию, а потом избил мою мать. Мне хотелось бы встретиться с ним и сказать ему несколько слов.

Камчатские гейзеры

И. И. ЛАГУНОВ,
кандидат биологических наук

Фото автора

...Ранним утром наш отряд отправился в путь. Мы двигались среди зарослей полярной ивы, карликовой березы, голубицы, черники и оленьего моха. Пройдя несколько километров, мы вышли к краю глубокой — около 400 метров — долины реки Гейзерной, на всем протяжении как бы врезанной в плоскогорье. С обрыва перед нами открылась прекрасная панорама вулкана Кихпинич, а внизу клубились облачка гейзеров — пароводяных вулканов.

Посредине долины по каменистому ложу, извиваясь змейкой, с шумом пробивалась быстрая речка. Слева на разной высоте виднелось несколько площадок, откуда вырывались струи горячей воды и пара. Чувствовался легкий запах сероводорода, иногда, во время извержения, слышался негромкий гул. Все это в сочетании с богатой растительностью походило на чудесный горный парк, украшенный естественными гигантскими фонтанами.

Гейзеры разбросаны группами и по одиночке и, как правило, окружены мелкими горячими источниками. Их особенно много на площадке главного гейзера «Великан», где, точно на фантастической кухонной плите, всегда что-нибудь кипит и клокочет.

Грифон — устье большого гейзера, напоминающее неглубокий колодец,— пуст между извержениями. Только на самом дне бурлит горячая вода да вьется прозрачная дымка. Все живое, попавшее туда, немедленно погибает.

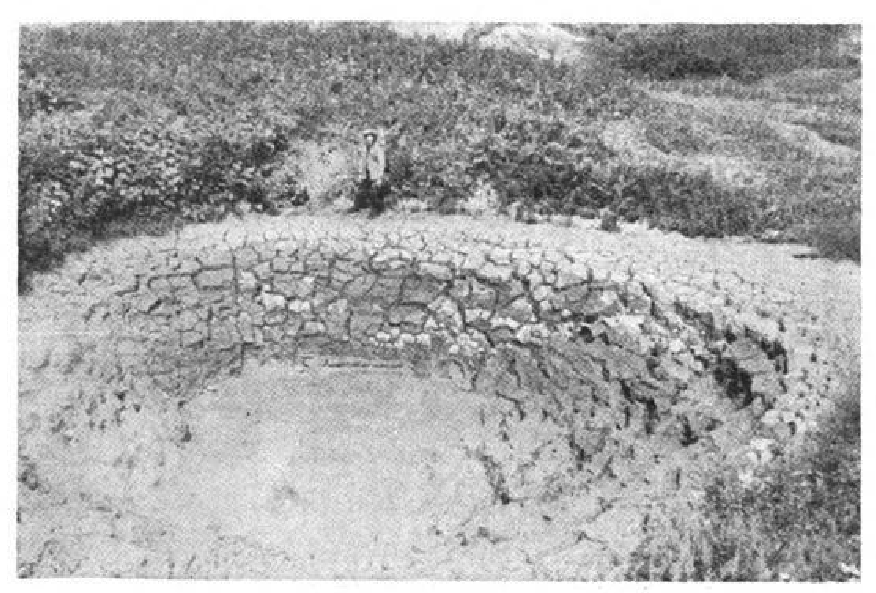
На один из крошечных, постоянно бьющих источников мы поставили варить кашу в котелке. Через полчаса ее можно было «подавать к столу». В гейзере «Ванна», откуда мы брали кипяток для заварки чая (конечно, в период покоя), за час мы сварили пудовый кусок мяса горного барана.

В долине насчитывается десяток крупных гейзеров и значительное число мелких. Каждый из них «работает» самостоятельно, без какой-либо видимой связи с другими. Извержение длится от 30 секунд до 12 минут. Различна у каждого продолжительность затишья — от 8 минут до 5 с половиной часов, причем некоторые действуют, как заведенные, с точностью часового механизма.

Гейзер «Великан» выбрасывает горячую струю на высоту 10—15-этажного дома, другие — пониже. Перед самым извержением мы измеряли температуру воды, она оказалась равной 98 градусам, при выбросе она, вероятно, еще выше. Вода совершенно прозрачна, лишена запаха, по вкусу, правда, уступает речной, но вполне пригодна для питья.

Долина не знает покоя: одно извержение следует за другим. Гейзеры и горячие источники изливают столько крутого кипятка, что температура в нижнем течении реки повышается на 5 градусов.

Есть здесь и грязевые котлы. Они выбрасывают горячую глину, которая под воздействием воды и газов пробивается из недр земли.

Клокочущий грязевой котел, наполненный горячей жидкой глиной.

Диаметр отверстия котла равен примерно 5 метрам, глубина — до 2 метров.

Наше внимание привлекли несколько теплых озерков, где можно купаться, держась за веревку. Это старые грязевые котлы, заполненные талой снеговой водой.

Камчатские гейзеры, открытые в 1941 году геологом Т. Н. Устиновой, — редчайшее явление природы.

Что можно сказать об их использовании?

Прежде всего живописный Кроноцкий заповедник, где они находятся, со временем станет излюбленным местом, куда устремится поток туристов и любителей природы. Кроме того горячая вода источников обладает целебными свойствами. Недалек день, когда на Камчатке возникнет курорт «Гейзерный».

В долине можно устроить также парники и оранжереи для выращивания овощей и фруктов.

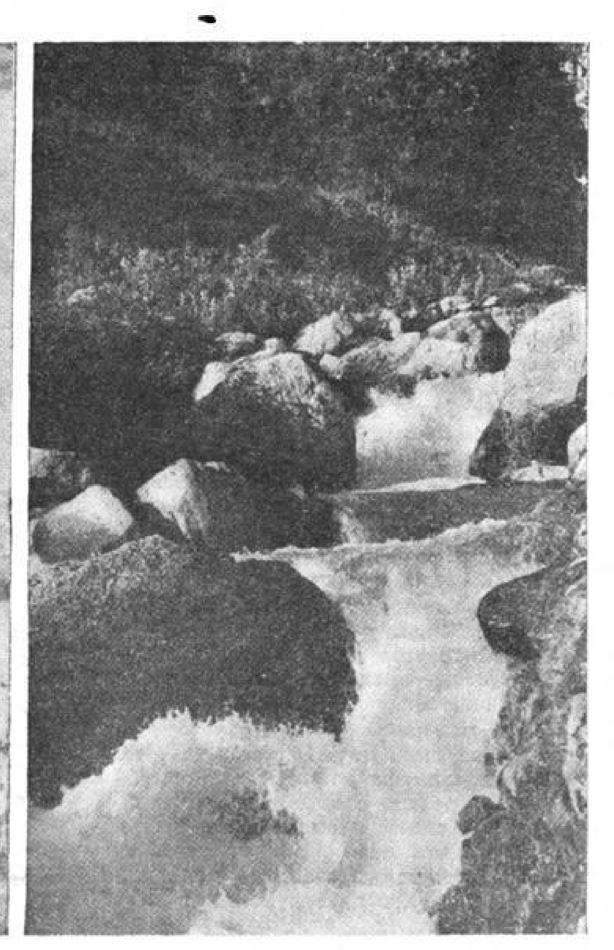
Камчатка.
Кроноцкий заповедник.

Извержение гейзера «Великан».

Устье гейзера «Великан» в период покоя.

Река Гейзерная, куда стекают гейзерные воды.

СТАРЫЙ МАСТЕР

Георгий СОКОЛОВ

— Дедушка! Какой я тебе дедушка? Тоже сообразил! Дедушки на печах лежат, старые кости греют.

Не любит Иван Емельянович Перевозный, когда его называют дедушкой. Правда, ему шестьдесят пять лет. Но что из этого?

Он среднего роста, с бодрой выправкой, сухощавый. Гладко выбритое лицо с бронзовым отливом. Такие лица бывают у людей, имеющих дело с огнем. Светлые брови, сдвинутые к переносью, голубые глаза, всегда прищуренные, словно их хозяин постоянно усмехается, трудовые, нестарческие морщины на лбу.

В выходной день Иван Емельянович надевает костюм, к борту которого прикреплен эмалевый значок «Ударник метростроя». Молодые рабочие с удивлением спрашивают его:

— Разве вы работали на метро?

Иван Емельянович с гордостью отвечает:

— Я его строил.

Он вправе так говорить. Высококачественный новороссийский цемент шел на наиболее важные стройки сталинских пятилеток: на Днепрострой, Магнитострой, на сооружение заводов Сталинграда, тоннелей и станций московского метро. А Иван Емельянович был лучшим мастером обжига на новороссийском заводе «Пролетарий». Сорок лет жизни он отдал цементу. Сколько за это время он выжег клинкера? Разве сочтешь? Новороссийский цемент славится по всей стране своим высоким качеством. В этом большая заслуга и Ивана Емельяновича. Вот почему строители московских подземных дворцов наградили его значком «Ударник метростроя». Получил он благодарность и от управления Днепростроя.

Во время войны Иван Емельянович был эвакуирован в Кемеровскую область и там готовил для цементной промышленности молодые кадры. Часто он говорил ученикам школы ФЗО о производственной гордости цементника:

— Цементник — участник всех сталинских строек. Гордитесь, ребята, профессией цементника, любите ее!

Многие ученики Перевозного стали отличными специалистами, знатными людьми. Борис Свиридов, мастер обжига, — теперь директор цементного завода. Пивнев стал мастером, Чалдаров — инженером, Николаев, Гаркуша, Рябов — обжигальщики первой руки. Да разве всех упомнишь? Сотни людей учились у Перевозного.

...В тот день Иван Емельянович, как всегда, пришел в цех на полчаса раньше. Он проверил состояние печи, ее нагрузку, узнал, какого качества подается сырье и уголь.

— Как будто все в порядке, — сказал он и кивнул сменному мастеру Гаркуше:— Можешь идти отдыхать, Илья. План выполнил?

Гаркуша — бывший ученик Ивана Емельяновича и к своему учителю попрежнему относится с почтением.

— Часовая производительность выдерживается, — ответил он.

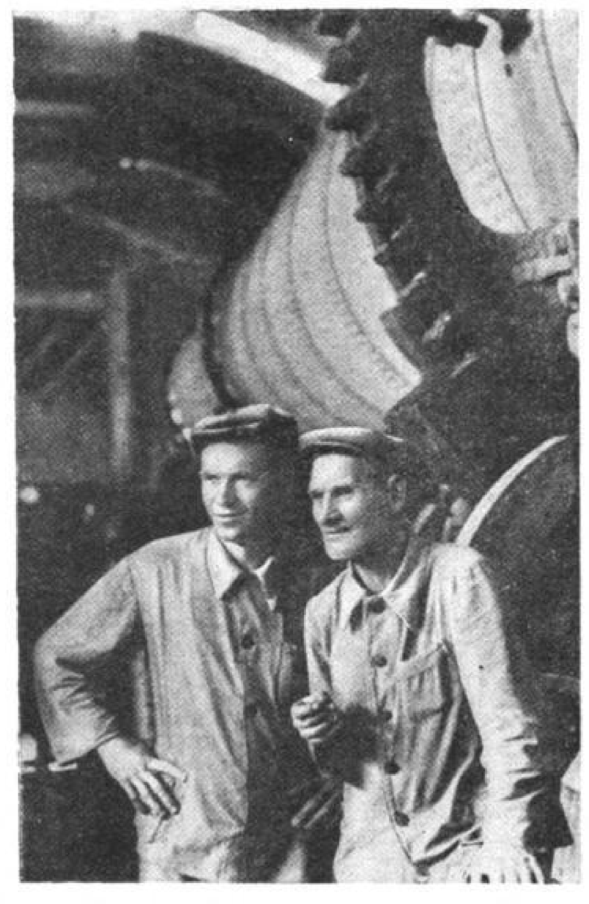
К Перевозному подошел молодой обжигальщик Бейда.

— Что-то моя печь капризничает, — развел он руками, — факел то короче, то длиннее. Уголь виноват.

— А эта печь на каком угле работает?— указал на свою печь Перевозный. — На таком же. А почему факел хороший? Погоди, подойду, разберемся, в чем дело.

Приняв смену и убедившись в нормальной работе своей печи, Иван Емельянович подошел к печи Бейды и заглянул в «глазок». Потом, проверив форсуночный вентилятор, воскликнул:

— Говорил я тебе: следи за воздухом, регулируй тягу. При чем тут уголь? Мало даешь

И. Е. Перевозный (справа) и мастер смены Новороссийского цементного завода И. В. Гаркуша у вращающихся печей.
Фото В. Хломова (фотохроника ТАСС)

воздуха, уголь не сгорает, поэтому и факел колеблется. Запомни: всякий раз, когда увеличиваешь подачу топлива, увеличивай подачу воздуха и наоборот. Ясно?

— Ясно, — смущенно отозвался Бейда. — Так я и делаю. Но, похоже, на этот раз плохо рассчитал...

Бейда — подшефный старого обжигальщика. Во время смены и после нее Перевозный посвящает Бейду в тайны мастерства. Парень понятливый, но опыта у него еще мало. Не один Бейда обращается за советом к старому мастеру. Иван Емельянович готов каждого рабочего обучить сложному делу обжига клинкера.

Плавно скользят по роликам печи, делая за минуту полный оборот, шелестят скреперы, перебрасывая продукцию в клинкерный склад и к бункерам цементных мельниц.

До конца смены Иван Емельянович не отходит от «глазка», то удлиняя, то укорачивая огненный факел.

Отличного качества идет клинкер.

...Во время зимних ветров старый мастер заболел и после этого уже не смог как следует поправиться. Пришлось оставить цех. Перейти бы ему теперь на пенсию и доживать свой век в покое. Но неугомонный характер у человека. Не захотел он расставаться с производством, работает кладовщиком в электроцехе.

В кладовой тихо, светло. На полках аккуратно разложены электрические приборы. Ивану Емельяновичу скучно на такой работе. Душой он там, в цехе вращающихся печей. Не раз за смену зайдет он в родной цех посмотреть, как орудуют у печей его бывшие ученики.

На заводе произошли необыкновенные события. И начались они именно в цехе вращающихся печей.

Смена мастера коммуниста Ильи Гаркуши — обжигальщики, шламовщица, смазчики, скреперщики, мельники угольных печей — взяла обязательство быть сменой отличного качества, выпускать только высококачественный клинкер.

Патриотический почин Александра Чутких нашел горячих сторонников в цехах цементного завода.

Взяв это обязательство, Гаркуша задумался: как лучше его выполнить?

А старый мастер, прослышав о новостях, был уже в цехе:

— Слух прошел, Илья, — за качество бой начал? Расскажи.

Гаркуша рассказал о взятых обязательствах. Иван Емельянович просиял:

— Вот это — дело! За высокую марку нашего цемента!

Гаркуша вздохнул:

— Видишь ли, какое дело, Иван Емельянович: работай хоть еще лучше, но если цех сырого помола дает шлам повышенной влажности и грубого помола, то качество клинкера не поднять. Ты же сам знаешь это.

— Парторганизация поддержит,— с уверенностью заявил старик. — Надо, чтобы в борьбу включилась не только твоя смена и смены других мастеров вращающихся печей, но и цех сырого помола. Пойдем-ка к секретарю партбюро.

Совет старого мастера был дельный. На следующий день смена Гаркуши обратилась с призывом ко всем рабочим завода поддержать ее почин в борьбе за отличное качество цемента. Призыв нашел отклик и на карьере, и на шахтных печах, и в цехах сухого и сырого помола, и у электриков, слесарей и токарей. Разгорелось соревнование на звание завода отличного качества.

«За марку «500!» — это марка цемента высшего качества — такой лозунг появился всюду.

— Ну и заварил ты дело! — с уважением говорил Перевозный Гаркуше.

Старик теперь особенно часто стал забегать на «вращалки». Подойдет к Бейде, Маковецкому, Рябову — они его выученики, — выспрашивает, советует.

Как-то Маковецкий шутливо сказал:

— Не лежит у тебя, Иван Емельянович, душа к складской работе. Тянет, вижу, сюда.

— Не лежит, — вздохнул Перевозный. — Поеду на курорт, подлечусь, силенок наберу, а потом обратно в цех.

...Иван Емельянович вернулся домой поздно. Он был весел необычайно.

— Какие дела Илья в цехе навел! — радостно говорил он жене. — Вот настоящий цементник! Моя закваска!

Обрадовали так старика цифры, сообщенные директором на партийном собрании. Вот уже который месяц завод выпускает цемент только высших марок — «450» и «500».

А кто начал? Илья Гаркуша, выученик Ивана Емельяновича.

И еще было чему радоваться. Давно вынашивал Иван Емельянович предложение об увеличении числа оборотов печи. Сам он не успел претворить этот замысел в жизнь. Это сделал инженер Минаков.

Сегодня Иван Емельянович был в цехе и смотрел, как работает печь на увеличенных оборотах. Отлично работает: и производительность поднялась и качество клинкера хорошее.

Поужинав, Иван Емельянович садится за письменный стол, вынимает из стола пачку писем и задумывается.

Что им ответить, морским орлам? Три сына у Ивана Емельяновича. Все трое моряки. У отца есть основание ими гордиться. Он бережно хранит газету, в которой напечатана статья «Братья-патриоты», о том, как три брата Перевозных дрались с немецкими фашистами.

Александр приглашает отца и мать переехать к нему. Николай и Владимир зовут к себе. Это заманчиво. Скучно без детей, и мать тоскует. Все же, что ни говори, старость, пора бы и на покой. Жил бы со старухой у одного из сыновей, цветы сажал, с удочкой сидел бы на берегу...

Иван Емельянович задумывается. А потом начинает писать ответы сыновьям: «Приезжайте, сыны, в отпуск, славно погуляете в родном городе, но к себе не переманивайте. А ежели так случится, что кого из вас переведут по службе в Новороссийск, тогда и заживем вместе...»

Хороший материал!

Жизнь великого сатирика

«Зрелище жизни великого человека есть всегда прекрасное зрелище»—эти слова Белинского вспоминаются, когда читаешь новую биографическую книгу о Салтыкове-Щедрине, написанную С. Макашиным. Автор поставил своей задачей подробно и достоверно описать жизнь писателя «очень трудную, мужественную и внутренне драматичную». Он стремился создать творческую и общественную биографию Щедрина — одного из крупнейших представителей не только русской, но и мировой сатирической литературы.

Эта сложная задача удачно решена С. Макашиным. Его работа, охватывающая пока только первое тридцатилетие жизни Салтыкова-Щедрина, является по существу первой научной биографией сатирика.

Характеристика первых лет жизни писателя в прежних биографических очерках основывалась главным образом на художественном материале «Пошехонской старины». С. Макашин впервые использует подлинные факты и документы семейного архива Салтыковых, позволяющие ему нарисовать яркую картину крепостной усадьбы с ее материальным бытом и социальными отношениями, питавшими собою первые жизненные впечатления будущего сурового обличителя крепостнического общества.

Обычно биографы Салтыкова-Щедрина ограничивались простым упоминанием о тех учебных заведениях, в которых воспитывался будущий сатирик. С. Макашин, внимательно изучив архивы Московского дворянского института и Царскосельского лицея, знакомит нас с умственными интересами юного Салтыкова, с кругом его товарищей, подробно рассказывает о педагогах и наставниках, об учебных программах института и лицея. Автор анализирует первые стихотворные опыты Салтыкова, в 13—14 лет мечтавшего о поприще поэта.

Салтыков-лицеист с жадным интересом читал журналы, где печатались статьи Белинского, оказывавшие громадное влияние на умы передовой молодежи. Рассматривая роль великого критика в идейном развитии Салтыкова, автор с полным основанием делает вывод, что статьи Белинского были «школой идей, сформировавшей решающие черты идеологического и писательского облика будущего сатирика». Ненависть к деспотизму и социальной несправедливости, горячее желание счастья и свободы родному народу, учение об общественном назначении литературы и взгляд на писателя как на учителя жизни, обличителя и судью «ложных и неразумных основ общественности, искажающей человека», утверждение реалистического искусства — все эти черты революционно - демократического мировоззрения Белинского страстно усваивались Салтыковым. Именно Белинский привлек его внимание к идеям социализма и способствовал его сближению с передовыми кружками 40-х годов.

Выяснение идейных исканий Салтыкова, подробностей его общения с передовыми людьми того времени, изучение ранних повестей — «Противоречия» и «Запутанное дело», — послуживших причиной ссылки молодого писателя в Вятку, составляют содержание центральной главы книги, озаглавленной «В Петербурге сороковых годов». Широко используя архивные материалы следствия и суда по делу петрашевцев, привлекая неизвестные и забытые мемуары, дневники и другие документы эпохи, автор воссоздает красочную картину идейной жизни русского общества в период наивысшего подъема демократического движения 40-х годов, когда в русской литературе заблистали имена Белинского, Некрасова, Герцена.

К этому времени относится и расцвет деятельности Петрашевского, «незабвенного друга и учителя» Салтыкова. Молодые люди, собиравшиеся в кружке Петрашевского, обсуждали вопрос о борьбе с крепостным строем, изучали теории утопических социалистов и напряженно прислушивались к отдаленному грому революционной грозы в Западной Европе.

В эти бурные годы Салтыков, окончив курс наук в «школе идей» Белинского и Петрашевского, осознал себя как писатель и выступил с первыми произведениями, наделавшими «большого шума», по позднейшему свидетельству Чернышевского. Революционная острота повести «Запутанное дело» перепугала литературных реакционеров. «Тут ничего больше не доказывается, как необходимость гильотины для всех богатых и знатных», — писал в одном из писем встревоженный Плетнев. Сам Николай I обнаружил в раннем произведении Салтыкова «вредное направление и стремление к распространению революционных идей». Коронованный жандарм не прощал подобных стремлений. Автор повести был арестован, а спустя несколько дней жандармская тройка уже везла его в далекую Вятку, в бессрочную ссылку.

Исключительно интересна и свежа по материалу и последняя глава книги. Она рассказывает о семилетнем пребывании Салтыкова в вятском захолустье, о его службе и общественной деятельности под жандармским надзором.

Глубокий анализ обширных архивных материалов, до сих пор не привлекавшихся к исследованию, помог С. Макашину разоблачить лживую легенду о мнимом превращении сатирика в провинциального обывателя, якобы примирившегося с затхлым миром вятского чиновничества. Не обходя колебаний Салтыкова, не скрывая политической незрелости и противоречий его мировоззрения, исследователь рисует убедительный и яркий портрет писателя, напряженно изучавшего жизнь народа.

Годы ссылки затормозили, но отнюдь не остановили идейное развитие Салтыкова, не заставили его сойти с пути, на который он вступил в юности. Именно этим объясняется тот факт, что по возвращении из ссылки писатель сразу выступил со своими знаменитыми «Губернскими очерками». Материал для них был накоплен во время «вятского плена», когда писатель лицом к лицу столкнулся с мрачной действительностью и приобрел громадный жизненный опыт. Достаточно упомянуть о том, что во время командировки по делу о раскольниках ему пришлось исколесить на лошадях по Вятской и соседним с нею губерниям около семи тысяч верст.

Перед читателем книги Макашина вырастает подлинный и прекрасный образ замечательного человека и писателя, со всей сложностью его натуры, со всем богатством и глубиной его исканий. Автор последовательно показывает, как и почему «пошехонский дворянин» Салтыков превратился в великого революционно-демократического писателя Щедрина.

Одно из главных достоинств работы С. Макашина состоит в том, что он не увлекается описанием биографических фактов, а прежде всего стремится вскрыть их идейную сущность, их значение. Этому методу автор остается верен и в тех случаях, когда речь идет о семейной и личной жизни писателя, которая под пером иных литературоведов и биографов нередко предстает в отрыве от общественной практики и даже противопоставляется ей.

Для С. Макашина характерны также тщательность работы над источниками, уменье выбрать в необозримом море архивных материалов только самое важное, самое существенное. Его работе свойственна и научная добросовестность. Следует указать только одну неточность, допущенную автором: он ссылается на письмо Добролюбова к Турчанинову от 11 августа 1856 года, якобы подтверждающее, что повесть «Запутанное дело» продолжала «возбуждать острый политический интерес» в 50-х годах и даже ставилась «выше сочинений Герцена». В действительности письмо Добролюбова такого смысла не содержит.

Новая работа о Щедрине как бы подводит итог всему предшествующему изучению жизни и творчества сатирика. Пересматривая прежние точки зрения, указывая ошибки, допущенные исследователями вследствие неразработанности щедринской биографии, автор вводит в нее множество новых фактов и наблюдений современников. Его книга, увлекательно написанная, говорит об успехах советского литературоведения. Знакомство с нею принесет пользу самым широким кругам читателей.

В. ЖДАНОВ

С. Макашин. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН. Биография. Том 1. Гослитиздат. 1949. Стр. 512. Цена 10 р. 50 к.

Испанский народ борется

Около одиннадцати лет тому назад международная реакция задушила испанскую республику. Опираясь на фашистские дивизии и авиацию Гитлера и Муссолини, на поддержку империалистов Европы и США, генерал Франко сломил сопротивление последних республиканских отрядов, преданных своим же собственным правительством, и вступил в Мадрид. В стране воцарился режим, о котором Долорес Ибаррури писала, что это «чудовищная смесь гитлеризма и иезуитизма, гитлеризма и инквизиции».

Что с тех пор происходит в Испании? Как живет страна под фашистским игом?

Американская буржуазная пресса часто сообщает о якобы начавшемся «полевении» Франко. Мадридский корреспондент «Ассошиэйтед Пресс» Де Витт-Маккензи договорился даже до утверждения, что Франко стремится установить в Испании не более и не менее, как... «подлинную демократию».

Эта грубая, беспардонная ложь преследует очень прозрачные политические цели. Американский империализм отводит фашистской Испании значительную роль в войне, которую США готовят против СССР и стран народной демократии. Зная, как ненавистен режим Франко народам всего мира, буржуазная пресса изо всех сил старается подмалевать его под цвет «подлинной демократии».

Но из самой Испании, где 25 миллионов человек томятся в жесточайшей фашистской неволе, из глубокого подполья, куда загнано все передовое и прогрессивное, доносится голос правды о подлинной жизни народа, о том, что он не покорился генералу Франко и продолжает вести героическую борьбу за свое освобождение.

Таким голосом правды является, в частности, мужественная книга испанского революционера Х. Искарая «Борьба продолжается». Искарай — редактор центрального органа компартии Испании — «Мундо Обреро». В своей книге он описывает жизненный путь одного из строителей испанской республики, делившего в течение последних десяти лет судьбу многих передовых людей своей страны. По этой правдивой повести можно судить о том, что происходило и происходит теперь в самой гуще народных масс и в испанском подполье.

Герой книги — Роса — вырос в бедной крестьянской семье в Астурии, ушел на металлургический завод, стал литейщиком и в тридцатых годах вступил в ряды испанской компартии. Когда, с благословения и при поддержке международного империализма, в Испании вспыхнул генеральский мятеж, Роса сражался на многочисленных фронтах гражданской войны.

Республиканская армия была предана. Один из последних уцелевших отрядов ее был окружен в порту Аликанте, у входа в который стояли наготове фашистские миноносцы. Франкистские молодчики погнали в концлагерь тысячи бойцов. Вместе со всеми шагал и Роса: «...дорога была длинная, и на всем ее протяжении Роса видел ужас, который воцарился в Испании, уже не принадлежавшей испанцам».

Из концлагеря, где его ждал неминуемый расстрел, Роса удалось бежать. Он перебрался во Францию, а затем в Латинскую Америку. Здесь, в захудалом городишке экзотической республики Сан-Доминго, собралась группа испанских политэмигрантов, спасшихся от фашистского террора. Горек был хлеб изгнания. Беженцев нещадно эксплоатировали, они голодали, страдали от суровых условий полудикой жизни.

Роса и здесь подавал всем пример. Он упорно трудился, учился, поддерживал волю и бодрость в своих товарищах, напоминал им о далекой родине и о предстоящей борьбе за ее освобождение. Коммунист Роса, заброшенный реакцией в эти девственные, первобытные леса, помогал неграм-крестьянам, которые жили в условиях почти неприкрытого рабства, нес в их среду свет революционной правды.

В Европе в это время разгоралась жестокая борьба с фашизмом. Советские армии громили гитлеровские орды, и по всему миру разносилась весть о приближающемся освобождении.

Партия поручает Роса возвратиться на родину.

Роса целиком уходит в подпольную борьбу, организует забастовки, помогает партизанским отрядам, пишет воззвания, мобилизует все мужественное и передовое в испанском народе для свержения фашистского гнета. В родной Астурии он поднимает широкое движение против Франко.

В Астурию для подавления партизанского движения были брошены отряды фалангистов, полицейских, жандармов, крупные военные силы. За голову Роса обещали большую награду. Его преследовали по пятам и, наконец, настигли. За несколько часов до ареста Роса писал партийному руководству: «Я недалеко от Хихона, с револьвером в руке. Положение критическое. Нас преследуют со всех сторон. Тем не менее мы продолжаем борьбу. Я на своем посту во главе партийной организации, я буду верно служить до смерти».

Это обещание Роса сдержал. Схваченный фалангистами, он стойко вынес чудовищные пытки. Один из палачей, устав избивать Росу, крикнул:

«— Из чего сделаны эти коммунисты? Как только они переступают этот порог, они становятся немыми!

— Что же, мы можем ответить на это. Нас выковали революционные идеи, идеи Маркса, Ленина, Сталина — путеводная звезда мира».

Яркая книжка Х. Искарая — правдивый рассказ, свидетельствующий не только о недавнем героическом прошлом народа Испании, но и о нынешней ожесточенной борьбе народных масс против ненавистной фашистской диктатуры.

Народ Испании не покорился. Он борется за свободу. У него много таких героев, как коммунист Роса.

Б. ЧЕРНЯК

Х. Искарай, БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Перевод с испанского. Издательство иностранной литературы. 1949. Стр. 134. Цена 3 р. 50 к.

Коротко о новых книгах

Данило Самойлович. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. Издательство Академии медицинских наук СССР. 1949. Стр. 313. Цена 11 р. 80 к.

Для широкого круга читателей книга интересна тем, что восстанавливает забытый облик одного из наиболее выдающихся деятелей отечественной медицины — русского ученого-патриота и подлинного новатора науки. Врачей она знакомит с произведениями ученого, представлявшими до сих пор библиографическую редкость.

КАЛЕНДАРЬ ПРИРОДЫ. 1950. Всероссийское общество охраны природы. Стр. 64. Цена 3 руб.

Календарь природы на 1950 год продолжает календари, изданные Всероссийским обществом охраны природы в прошлые годы. Он содержит краткие научные очерки о природных богатствах нашей Родины, о наиболее интересных явлениях природы, сезонных изменениях в жизни растений и животных и другие полезные сведения. В нем опубликованы также краткие биографии некоторых наиболее видных наших ученых-естествоиспытателей.

ВО СЛАВУ РОДНОЙ НАУКИ

Владимир КЕДРОВ

Большая аудитория Энергетического института имени Г. М. Кржижановского Академии наук СССР. Ряды круто поднимающегося вверх амфитеатра и боковые балконы заполнены народом: академики, доктора и кандидаты наук, рабочие и служащие... Дружный коллектив, спаянный творческим трудом. Сотни людей собрались в этот час для того, чтобы назвать своего кандидата в депутаты Верховного Совета СССР.

...На трибуне член-корреспондент Академии наук З. Ф. Чуханов. Он вдохновенно говорит о роли советской науки в борьбе за построение коммунизма, о значении нашей передовой науки для всего мирового прогресса. Ученый предлагает выдвинуть кандидатом в депутаты верховного органа власти страны преданного патриота родины — академика Сергея Ивановича Вавилова. Бурные аплодисменты покрывают его слова.

* * *

В своей популярной статье «Природа света» Сергей Иванович Вавилов писал: «В русском языке слово «свет», кроме обозначения зрительного ощущения, является одновременно синонимом мира. Мы говорим «весь свет»... Такая двусмысленность не случайна. Свет — мир, потому что без света мир почти неощутим, свет оживляет мир, делает понятным пространство и все, в нем находящееся».

Однажды, в вечерний час, когда Сергей Иванович начал депутатский прием, к нему ввели полуслепого инвалида. Больного осматривали крупные специалисты, лечили в клиниках, и все же его зрение ухудшалось. В отчаянии он пошел к Вавилову, как избиратель к своему депутату. Он пришел, сел на стул и сказал просто:

— Спасите мне зрение!

Вавилов взволновался. Просьба была необычной. Он много помогал людям, пользуясь для этого своими депутатскими правами. Но тут...

— Вы мой депутат! Спасите мне зрение!.. Я верю, что вы поможете мне!..

И Сергей Иванович Вавилов позаботился, чтобы больной немедленно был перевезен в Одессу, в клинику профессора Филатова, и внимательно, как близкий, родной, следил за лечением. Трудно передать, что испытал депутат Вавилов, когда через несколько месяцев к нему вошел совершенно неузнаваемый, радостно возбужденный человек и со слезами на зрячих глазах стал благодарить за помощь.

...Идет депутатский прием. В приемной врачи местной больницы, домохозяйки из большого дома на Донской улице, учащиеся вечернего техникума, рабочие карбюраторного завода... Прием затягивается до позднего вечера. Сразу же пишутся письма, даются указания. Вавилов связывается по телефону с райсоветом, с исполкомом Московского Совета, с руководителями предприятий, с главками и министерствами, со всеми, от кого зависит разрешение предложения или просьбы его избирателя. В этом сказывается активная, действенная натура Вавилова!

Но первостепенным своим долгом перед избирателями, перед народом, Сергей Иванович считает свой труд ученого, свою деятельность главы Академии наук СССР. Он всегда помнит слова, произнесенные И. В. Сталиным перед избирателями 9 февраля 1946 года:

«Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны».

Дело чести советских ученых — оправдать надежды, осуществить предначертания великого Сталина, ведущего страну к коммунизму.

Обращаясь к своим избирателям, академик С. И. Вавилов говорил:

— Перед учеными Советского Союза, перед академиями, университетами, институтами и лабораториями стала новая задача и несравненно более важная, чем во все предыдущие времена. Советская наука должна в кратчайший срок дать народу, его городам, его промышленности, его полям такие научные результаты, такие средства техники, которые позволили бы продолжать великое дело строительства социалистического общества с максимальным использованием естественных богатств и с полным спокойствием и уверенностью в том, что никто не посмеет нарушить эту созидательную работу.

Над осуществлением этой замечательной программы Сергей Иванович Вавилов трудится не покладая рук.

* * *

День академика Вавилова начинается рано. Чуть забрезжит московский зимний рассвет, а Сергей Иванович уже полон мыслей, забот, планов на предстоящий день. Утренние часы, как правило, академик Вавилов отдает целиком своему любимому делу — физике, точнее — оптике. Наука требует неустанного внимания, безраздельного, преданного служения. И поэтому, когда Сергей Иванович входит в свою лабораторию, он плотно прикрывает за собой дверь, оставляя за ее порогом все, что может помешать углубленной, сосредоточенной работе ученого.

Сфера научных исследований Сергея Ивановича Вавилова чрезвычайно многообразна, тонка и сложна. Проблемы, над которыми он в течение тридцати пяти лет трудится и которые успешно разрешает, составляют глубочайшие «тайны природы».

Оптика — учение о световых явлениях, о природе света. Оптика — это маяки на побережьях морей, указывающие путь кораблям, это мощные телескопы и рефракторы, приближающие к нам бесконечно далекие миры. Оптика — это глаза армии и флота: перископы подводных лодок, прожекторы, стереотрубы, прицелы для стрельбы и бомбометания, дальномеры, аэрофотоаппаратура... Оптическая наука вооружает человеческий глаз, предельно обостряет его зоркость, помогая ему проникнуть в «тайны вселенной», раскрыть и распознать мир во всем его многообразии — от величайших космических образований до атомов и микроорганизмов.

Большая энергия, исследовательский дар Сергея Ивановича Вавилова позволили ему взяться за решение таких проблем, которые до него были не по плечу многим известным ученым. Усовершенствование светящихся составов, создание ламп дневного света, труды, подтверждающие квантовую природу света, открытие новой замечательной главы в науке — оптики «сверхсветовых» скоростей... Можно без преувеличения сказать, что ни одно научное открытие, ни одно изобретение и усовершенствование в области света, лучистой энергии не прошло мимо рук и внимания Сергея Ивановича Вавилова.

...В разгар контрнаступления в Галиции в 1915 году на фронт прибыло известие о присуждении рядовому 6-й саперной бригады Сергею Вавилову золотой медали Общества любителей естествознания. Медаль была присуждена за оригинальную работу по фотохимии; это был его первый опубликованный научный труд. За год до этого Вавилов блестяще окончил Московский университет. Ему предложили остаться при университете и готовиться к профессорской деятельности.

Для молодого, одаренного физика это было исполнением желаний, свершением надежды, реализацией мечты. Но честный, глубоко принципиальный Вавилов не может забыть, что три года назад его любимый учитель выдающийся русский физик Петр Николаевич Лебедев демонстративно покинул Московский университет, сняв с себя звание профессора. Это он сделал в знак протеста против реакционной политики тогдашнего царского министра просвещения Кассо. И молодой ученый без колебаний отвергает лестное для него предложение.

Отклонив все привилегии и льготы, Вавилов уходит в солдаты. И вместо тихого кабинета ученого — окутанная дымом пожарищ Галиция, громовые раскаты орудий в предгорьях Карпат, кровопролитные бои под Варшавой, трудный, полный опасностей и лишений ратный путь!.. Но путь этот для него был куда легче, чем путь нравственных компромиссов и моральных уступок, который в то время вел к профессорской кафедре, ибо Сергей Вавилов всегда, с юной поры, был человеком принципиальным, стойким.

И с того времени, на протяжении тридцати пяти лет, Сергей Иванович Вавилов находится «на переднем крае» передовой науки, «той науки, которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой» (СТАЛИН).

* * *

Вечер еще не наступил, но дневной свет уже померк, и небо над Нескучным садом стало фиолетовым. Сумерки... Между стволов вековых лип легким дымком вьется поземка. Должно быть, за городом, в полях лютует сейчас буйная метель!..

В стороне от шумной магистрали, как бы врезавшись в массив Нескучного, обметанное со всех сторон пышными белыми сугробами высится стройное здание дворца. На старинных воротах надпись — «Академия наук СССР».

В кабинете президента горит настольная лампа, бросая из-под абажура мягкий свет на дубовые панели стен, на большой портрет Сталина, на портреты Ломоносова, Менделеева, Сеченова, Лобачевского...

Опершись одной рукой на край стола, президент выслушивает очередного посетителя. У Вавилова слегка утомленный вид, чуть припухшие веки. Но взгляд ясный, острый, пытливый. Это глаза человека, много видевшего, много знающего и, вместе с тем, очень молодого,— скорее глаза студента, чем академика. Когда лицо его озаряется веселой улыбкой, от всего облика веет жизнерадостностью, энергией.

Кто только не перебывал в кабинете президента! Океанографы с Сахалина, астрономы из Пулкова, гидроэнергетики с берегов Днепра, археологи, вернувшиеся из пустыни Гоби, сейсмологи с вершин Памира, ученые разных степеней и званий, люди самых различных возрастов и национальностей... Через огромную сеть своих филиалов, при помощи республиканских академий Академия наук СССР руководит десятками тысяч специалистов, занятых научно-исследовательской работой в различных отраслях знаний.

— Отовсюду к нам приезжают: из Бухареста, Праги, Варшавы, Будапешта, из Пекина,— словом, «все флаги в гости...»,— с улыбкой говорит Сергей Иванович. — Просят помочь организовать, наладить научную работу в их странах. Берут за образец нашу Академию. Мы всегда рады помочь, делимся опытом, показываем — смотрите!.. Для друзей у нас всегда двери открыты.

Рассказывая о принципах руководства советской наукой, академик Вавилов говорит:

— Академия — не просто дирижер, только организующий научные учреждения. Ее роль можно сравнить с положением первой скрипки в оркестре, одновременно дирижирующей и играющей.

И нам хочется добавить к этим словам, что «первая скрипка» доверена большому, талантливому и вдохновенному мастеру.

* * *

Сергей Иванович Вавилов снова выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета Союза ССР. Имя своего кандидата тысячи и тысячи избирателей произносят с большим уважением и любовью. И депутат-академик отвечает на эти искренние чувства народа самоотверженным, вдохновенным трудом, вкладывая в него и свой ум, и свой талант, и свое благородное сердце.

На снимке: президент Академии наук СССР Сергей Иванович Вавилов.

Фото В. Евграфова.

Кавголово — излюбленное место тренировок и соревнований ленинградских лыжников. Фото Л. Зиверта

Опера В ТАЛЛИНЕ

Сцена бала из оперы «Берег бурь».

Первая опера Чайковского на сюжет Пушкина «Евгений Онегин» была скромно названа автором «лирическими сценами». Но ее появление в оперном театре превратилось в событие выдающееся.

В музыке «Евгения Онегина», художественно совершенной, органически слитой с пушкинскими образами, глубоко воплотились реалистические принципы творчества великого композитора.

Правдивое изображение картин русской жизни и душевных переживаний героев, глубокое проникновение в мир простых и прекрасных человеческих чувств сделали «Евгения Онегина» наиболее популярной русской оперой, пользующейся неувядаемой славой. «Это одно из тех редких произведений искусства, которые так неотъемлемо входят в жизнь... что становятся сами жизненным неизбежным фактом... всегда дорогим и ласково греющим душу»,— писал об этой опере Б. В. Асафьев.

Постановка оперы «Евгений Онегин», требующей выразительных средств для передачи богатого внутреннего мира человеческих чувств, представляет значительные трудности. Чайковский писал, что для исполнения «Евгения Онегина» ему нужны не только хорошие певцы, а «певцы, которые вместе с тем будут просто, но хорошо играть».

Осуществляя постановку оперы «Евгений Онегин», творческий коллектив государственного театра оперы и балета «Эстония» постарался воплотить особенности музыкального стиля «лирических сцен» Чайковского.

Вдумчивая режиссерская работа заслуженного артиста РСФСР А. Виннера сказалась и в общей композиции спектакля и в отдельных сценах, отличающихся простотой и ясностью. Во многом помогли режиссеру удачные декорации художника А. Пеека.

Артистка М. Коданипорк хорошо исполнила партию Татьяны, создав обаятельный образ. Особенно удалась артистке «сцена письма».

Сильное впечатление производит в роли Онегина заслуженный артист Эстонской ССР Т. Куузик. В его исполнении под холодной сдержанностью светского фата чувствуется умный и богато одаренный человек, способный на искреннее чувство.

Ленского играет заслуженный артист Эстонской ССР М. Тарас. Хорошая вокальная школа и музыкально-драматическая выразительность помогли артисту создать искренний образ пламенно влюбленного поэта-романтика. Запоминается артист О. Раукас в роли Гремина.

Постановка «Евгения Онегина» показала, что театр «Эстония» обладает незаурядными вокальными силами, хорошими хором и оркестром.

Событием в музыкально-театральной жизни Эстонии была также постановка новой оперы Г. Эрнесакса — «Берег бурь» (режиссер Э. Уули, дирижер К. Раудсепп), показанной на недавно состоявшемся смотре эстонской музыки.

В основу сюжета оперы положены события, происходившие в начале прошлого столетия на острове Хийумаа,— народное восстание против немецкого феодала графа Унгру. Граф, жестокий угнетатель эстонского народа, собрал несметные богатства, злодейски используя предоставленный ему надзор за маяками побережья. Он грабил суда, которые терпели крушения, идя на свет ложных маяков, зажигаемых слугами Унгру.

На одном из таких кораблей, разбившихся о подводную скалу, находился бывший крепостной графа, штурман Леемет. Очутившись после гибели корабля на острове Хийумаа и убедившись в преступлениях графа, Леемет начинает против него борьбу.

Единомышленником Леемета становится начальник местной береговой охраны русский офицер Петров. Унгру пытается сделать Петрова своим соучастником, но честный и благородный офицер отвергает это предложение.

Снова приказывает граф зажечь ложный маяк, но с помощью дочери надзирателя маяка Маал, невесты Леемета, преступный замысел был раскрыт и сорван. Слуги графа схватывают Маал, и, когда Петров бросается к ней на помощь, Унгру убивает его.

Народ во главе с Лееметом поднимает восстание и сбрасывает графа со скалы в море.

Музыка оперы «Берег бурь» отличается образностью и мелодичностью. Богатая сюжетная канва позволила композитору использовать народные песни и танцевальные мелодии. Чудесны хоры и пляски, красочны массовые сцены, особенно сцена в корчме, проникнутая юмором и весельем.

Поэтична вторая картина оперы — встреча Маал со своим возлюбленным Лееметом. Народный хоровод, сопровождаемый играми и песнями, лирический дуэт Маал и Леемета, превосходный хор крестьян оставляют в этой сцене сильное впечатление.

Бесспорные достоинства оперы «Берег бурь» не могут, однако, заслонить серьезных недостатков музыкальной драматургии оперы и ее либретто, написанного поэтом Ю. Шмуулем. Создав сильный образ жестокого графа Унгру, авторы оперы не смогли противопоставить ему такой же сильный положительный образ Леемета. В опере Леемет не показан как герой, поднимающий народ на борьбу. Отсюда неудача финала, в котором естественно было бы ожидать наибольшей выразительности и в музыке и в исполнении.

Из отдельных участников спектакля «Берег бурь» следует назвать артиста В. Вейката, блестяще справившегося с ролью графа Унгру.

Трогательна заслуженная артистка ЭССР О. Лунд в партии молодой эстонской девушки Маал.

Образ Леемета, мало удавшийся авторам оперы, недостаточно убедителен в исполнении заслуженного артиста Эстонской ССР М. Тараса. Столь же слабо обрисован авторами образ Петрова, не убедительный поэтому и в спектакле, несмотря на хорошие вокальные и сценические данные артиста Г. Талеша.

Артисты А. Пярн (содержатель корчмы) и заслуженный артист Эстонской ССР К. Отс (Сааре Юхан) создали в эпизодических ролях яркие образы.

Коллектив театра «Эстония» работает много и плодотворно. Только за последние два года театр осуществил свыше десяти новых постановок, в том числе такие значительные, как «Пиковая дама» и «Лебединое озеро» П. Чайковского, «Русалка» А. Даргомыжского, «Калевипоэг» Э. Каппа, «Лауренсия» А. Крейна и другие.

Последние его постановки — «Берег бурь» и особенно «Евгений Онегин» — показывают бесспорный рост театра, добившегося новых серьезных успехов.

Е. ВАРВАЦИ

Сцена письма из оперы «Евгений Онегин». Татьяна — солистка Государственного театра оперы и балета «Эстония» М. Коданипорк.

Сцена дуэли. Ленский — заслуженный артист Эстонской ССР М. Тарас. Онегин — заслуженный артист Эстонской ССР Т. Куузик.

ТАИНСТВЕННЫЕ СТРОИТЕЛИ

Бобриха-мать бережно несет своего детеныша.

Фото Н. Боханова.

Было время, когда в лиственных лесах нашей страны от Мурмана до Кавказа, от Волыни и Белоруссии до Сибири и Казахстана водилось много бобров. Этот пушной зверь — создатель удивительных плотин и каналов, запруд и жилищ — с давних времен поражал воображение человека. В старину даже ходили легенды, будто существа, умеющие так искусно строить, — это заколдованный злыми чарами народ, «бобровый народ».

Люди видели возведенные бобрами замечательные строения, но никому не удалось быть свидетелем того, как эти сооружения создаются. Трудолюбивый «бобровый народ» работает только в ночное время, под надежным покровом темноты.

Бобр, обитавший во многих лесах России, считался вторым после соболя пушным зверем и хищнически истреблялся. Немногие уцелевшие в глуши уральских (на реках Конде и Сосьве), белорусских и воронежских лесов бобры с первых же лет советской власти были взяты государством под охрану. Не случись этого, лесные строители оказались бы в нашей стране полностью истребленными.

Сейчас в Советском Союзе насчитываются тысячи бобров. Основное их обиталище — Воронежский заповедник. Здесь живут в естественных условиях сотни бобров. В этом же заповеднике советские ученые первые в мире стали разводить бобров в неволе (на ферме), изучать их биологию, жизнь и повадки. На помощь науке и здесь пришло кино, которое фиксирует на пленку незаметные и трудно поддающиеся наблюдению явления природы, делая их доступными созерцанию миллионов людей.

Одним из известных советских киномастеров, специализировавшихся в раскрытии тайн природы,

Кора осиновой ветки — любимое блюдо бобра.

по праву считается лауреат Сталинской премии Александр Згуриди. Сейчас Московская студия научно-популярных фильмов выпустила его новую работу — цветной фильм «Лесная быль». Эта киноповесть о бобрах — первый смелый и удачный показ на экране многообразной жизни лесных строителей на протяжении четырех времен года.

...Зима. Вблизи берега реки высится сооружение, похожее на запорошенную снегом копну сена. Это хатка бобра. Свои поселения бобры сооружают в гуще леса и обязательно у воды. Выход из хатки всегда скрыт глубоко под водой, чтобы хищники не могли пробраться в жилье.

Но вот в подземную нору бобра заглянул объектив кинокамеры и открыл нам то, чего никто не видел до сих пор. На экране возникает «комната» домика, построенного из веток, скрепленных илом. Жилища бобров прочны, содержатся в чистоте, и живут в них хозяева по многу лет.

Зимой в таком убежище можно найти отца, мать и потомство — однолетних и двухлетних бобрят.

Пришло лето. В хатке осталась лишь мать с малышами. Отец-бобр и подросшие дети переселились во временные норы. Молодняк, достигший двухлетнего возраста, осенью покинет отчий кров, чтобы обзавестись собственными семьями, соорудить новые поселения с жилищами и плотинами.

На экране возникает целая система плотин. Самая большая из них достигает 70 метров в длину и полутора метров в высоту. Плотины необходимы бобрам, чтобы поддерживать нужный уровень воды, скрывающий вход в их жилища.

Взрослые бобры по ночам усердно работают. С весны до зимы они заделывают течи в плотинах, укрепляя их срезанными деревьями, ветками и илом, который достают со дна реки.

Мы видим на экране, с какой удивительной быстротой подгрызают бобры своими сильными резцами стволы многолетних деревьев, как быстро отделяют ветки и разгрызают ствол на части.

В фильме «Лесная быль» развертывается волнующая история трех маленьких бобрят, оторвавшихся от родного жилья и ушедших из-под материнского надзора.

За игрой бобрят под водой следила огромная щука. Она подстерегла маленького бобренка, и он оказался в пасти подводного хищника. Двое других спасающихся бобрят, удаляясь от родного жилья, потеряли направление и поплыли вниз по реке.

Все, что пришлось пережить крошечным путешественникам в неведомом для них мире, проходит на экране. Вот возник лесной пожар. Обезумевшие бобрята, выбиваясь из сил, мчатся вперед. Один из них изнемог и присел. Спустя мгновение он превратился в горящий факел. Другой бобренок продолжал идти вперед, и это спасло его. Он очутился на берегу и увидел канал, прорытый бобрами. Малыш плюхнулся в воду. Сразу прошла усталость. Он поплыл к реке и там встретился с матерью.

Так заканчивается цветная киноповесть, созданная А. Згуриди совместно с операторами Н. Юрушкиной и П. Уточкиным.

Но как удалось заснять бобров? Ведь они выходят из своих нор лишь по ночам и работают исключительно в темноте, а для съемок нужен яркий свет, которого бобры боятся.

Режиссеру и помогавшим ему научным работникам пришлось заняться переустройством уклада жизни героев будущего фильма.

Бобров, привыкших работать и питаться ночью, перевели на дневное питание. Чтобы достичь нужных результатов, оставляли их на ночь без пищи. Все, что могло послужить им кормом, убиралось прочь. Проголодавшиеся животные тщетно искали по ночам корма. А по утрам вблизи их хатки появлялись свежие ветки осины (любимое блюдо бобров).

На пятые сутки изрядно проголодавшиеся бобры изменили своей привычке. Они вышли из хатки днем и с жадностью принялись обгрызать воткнутые в землю ветки. Операторы поспешили заснять их. Но был жаркий солнечный день, и один из бобров получил тепловой удар.

Опасаясь за судьбу остальных «актеров», киноработники решили вести съемки рано утром и перед закатом солнца, когда лучи не бывают такими палящими.

Постепенно бобры научились именно в эти часы принимать пищу и работать: подгрызать деревья, разделывать и сплавлять их по своим каналам, чинить плотины, ремонтировать запруды и жилища. Все это удалось фиксировать на кинопленке.

Даже малыши-бобрята стали сниматься днем. Вслед за ними выходила встревоженная их отсутствием бобриха. И это позволило операторам произвести редчайшие съемки. Мы видим на экране, как бобриха вытаскивает из воды на сушу своего детеныша и несет его, придерживая передними лапами.

Чтобы показать подводную жизнь бобров, киноработники соорудили из металла и стекла огромный аквариум — в нем свободно могло бы плавать несколько человек.

Художники Н. Миронович и Н. Щеголева оборудовали дно бассейна так, чтобы оно похоже было на речное. Запустили туда различную рыбу, уложили под корягой любимую пищу бобров. Но бобры решительно не хотели идти в воду. Бассейн пугал их.

Киноработники пошли на хитрость: над бассейном высоко на сваях они соорудили как бы второй этаж. Из него вел удобный ход

Плотина, сооруженная бобрами; вдали — хатка бобра.

в бассейн. В поисках пищи бобры стали ночью нырять в аквариум, на дне которого находили корм. Когда зверьки привыкли к бассейну, их прекратили кормить ночью, и осиновые ветки стали появляться на дне лишь только днем. Бобрам опять пришлось изменить своим привычкам.

Заснять то, что происходит в воде, можно лишь при очень ярком свете. Поэтому бобрам начали давать корм в аквариуме исключительно при свете прожекторов. Умные животные примирились и с этим неудобством, а киноработникам удалось запечатлеть ныряющих бобров, их подводную работу, добывание пищи со дна и, наконец, сцену похищения огромной щукой маленького бобренка.

Надолго запомнятся и многие другие эпизоды, показанные в «Лесной были»: схватка волка с бобром, сцены наводнения, лесного пожара.

Ровно год киноработники в содружестве с учеными — профессором П. А. Петряевым, сотрудниками Воронежского заповедника В. Криницким, Л. Лавровым, В. Поярковым, Б. Белявской, а также Е. Шубиным — создавали увлекательную киноповесть о бобрах.

Экран раскрыл перед нами одну из давних загадок природы, показал жизнь таинственных лесных строителей, недоступную человеческому глазу.

М. ПОЛЯНОВСКИЙ

Бобр под водой.

КАРТИННАЯ *галлерея* В ОДЕССЕ

Это надо делать систематически

Десятки музеев нашей страны хранят в своих залах шедевры изобразительного искусства. В любой галлерее, будь то в Одессе или Костроме, в Пензе или Днепропетровске, можно найти яркое свидетельство широты, разнообразия, талантливости русской школы. И если мы более всего знаем русское искусство по Третьяковской галлерее в Москве или Русскому музею в Ленинграде, то, побывав в ряде областных музеев, зачастую удивляешься, как много еще замечательных произведений не получило известности.

Вот Одесская галлерея. Пять обширных отделов. Восемнадцатый век. Первая половина XIX века. Передвижники. Советские мастера. Русская графика.

Русская портретная живопись XVIII века, прославленная кистью Рокотова, Левицкого, Боровиковского, дала удивительные образцы этого рода искусства. Работы всех названных мастеров мы видим в Одесской галлерее.

Крепостному художнику начала XIX века Тропинину, одному из тех выходцев из народа, которые ценой невероятных усилий завоевывали право заниматься искусством, заслуженно принадлежит почетное место в истории русской живописи. В Одессе экспонирован блестяще написанный им портрет — обаятельный образ русской женщины.

Широко представлены в галлерее передвижники. Картина Ярошенко «В пересыльной тюрьме» перекликается с такими его картинами, как «Всюду жизнь» и «Заключенный».

Трогательный женский портрет работы Чистякова помещен рядом с произведениями его гениального ученика Репина. Сколько удалой, неуемной силы в «Гайдамаках» Репина, сколько безнадежности в скорчившейся на парапете набережной фигуре босяка и сколько тупой лени в его вороватом товарище, которых вы видите в картине «Босяки»!

С редкой наблюдательностью писаны картины репинских современников: «Пряха» Журавлева, «Жена заводского рабочего» — превосходная вещь кисти Касаткина, «Брод» Пимоненко.

Чудесная картина Айвазовского «Прощай, свободная стихия...» изображает Пушкина на берегу Черного моря, которое взметает пенистые волны у ног великого русского поэта.

Многообразно показан Серов. Тут и автопортрет, и портреты Алафузовой и Мамонтова, и «Петр I в Монплезире», и другие.

1

4

2

3

5

1. И. Е. Репин. — Босяки. 2. Н. К. Пимоненко. — Брод. 3. Н. А. Касаткин. — Жена заводского рабочего. 4. И. К. Айвазовский. — «Прощай, свободная стихия...» 5. В. А. Тропинин. — Портрет женщины с собачкой.

С исчерпывающей полнотой собраны в галлерее полотна одесского мастера Костанди, отличного художника, из школы которого вышло немало талантливых живописцев.

В отделе советского искусства прежде всего надо назвать широко известный и любимый в народе портрет Иосифа Виссарионовича Сталина кисти И. Бродского.

В галлерее можно увидеть произведения А. Герасимова, Шовкуненко, Грабаря, Касияна.

Одесская художественная картинная галлерея отмечала недавно свое пятидесятилетие. В годы советской власти из маленького музея она выросла в подлинный культурный центр. Свыше пятидесяти тысяч человек посещают ежегодно ее залы.

Помимо постоянной экспозиции в галлерее организуются выставки, приуроченные к тем или иным юбилейным датам. Прошлым летом галлерея развернула выставку в машинно-тракторной станции имени Шевченко. Научные сотрудники галлереи систематически проводят на предприятиях и в колхозах Одесщины лекции по изобразительному искусству.

Рисунок Л. Бродаты

АМЕРИКАНСКИЕ КАННИБАЛЫ

Из писем Марка ТВЭНА

Недавно одному американскому библиографу удалось собрать письма Марка Твэна об американцах на Гавайских островах, печатавшиеся в провинциальных газетах в 60-х и 70-х годах прошлого столетия.

Марк Твэн посетил Гавайские острова в 1866 году. Уже тогда он увидел, что американцы прибирали этот «райский уголок» к рукам, заняли главные посты в королевском правительстве «независимого» островного государства и всяческими способами истребляли туземцев. Твэн понял, что американцы действуют на Гавайских островах, как грабители и захватчики, что они представляют собой моровую язву для гавайского народа.

Вот сценка из письма Твэна, нарисованная в характерном для писателя гротескном стиле во время пребывания его в Гонолулу:

«Если вам случится заговорить с незнакомым белым в Гонолулу и у вас возникнет естественное желание выяснить, с кем вы имеете дело, то, чтобы увереннее вести беседу, смело называйте незнакомца капитаном. Потом пристально поглядите в его лицо, и если оно вам скажет, что вы ошиблись, спросите тогда, в какой церкви незнакомец проповедует. Можно биться об заклад, что он либо миссионер либо капитан китобойного судна. Я лично уже знаком с семидесятью двумя капитанами и девяносто шестью миссионерами. Капитаны и миссионеры составляют половину всего здешнего населения, третья четверть состоит из простых гавайцев и приезжих негоциантов с семьями; остальные — крупные чиновники гавайского правительства. А кошек здесь так много, что на душу населения их приходится примерно по три.

Вчера в окрестностях города меня остановил туземец с серьезным лицом и сказал:

— Доброе утро, ваше преподобие. Вы проповедуете в каменной церкви вон там, правда?

— Нет. Я не проповедник.

— Да не может быть! Прошу прощения, капитан. Надеюсь, сезон был удачный. Сколько жира...

— Жира? Что вы, за кого вы меня принимаете? Я совсем не китобой.

— Тысяча извинений, ваше превосходительство. Генерал-майор придворных войск, так, что ли? Или, может, министр внутренних дел? Или военный министр? Знаю, знаю, первый камергер? Инспектор королевских...

— Чепуха, братец! Я, ведь, не официальное лицо и никак не связан с правительством.

— Какое счастье! Кто же вы, чорт побери? Чем, чорт побери, занимаетесь и какой попутный ветер вас сюда занес?

— Говорю вам, я частное лицо, скромный человек без всяких претензий. Прибыл недавно из Америки.

— Правда? Не миссионер?! Не китобой?! Не член кабинета его величества?! Даже не морской министр! Боже милостивый! Это так хорошо, что просто не верится. Увы, я сплю и вижу всё во сне! Но нет, это благородное, открытое лицо, этот чистосердечный взгляд, эта массивная голова, неспособная ни... на что. Руку, дайте пожать вашу руку, славный странник! Простите мои слезы. Шестнадцать долгих лет мечтал я о такой минуте. И наконец...

Тут от бурного взрыва чувств он упал в обморок. Всем сердцем я пожалел несчастного. Я был глубоко тронут. Я пролил над ним несколько слез и поцеловал его, как поцеловала бы мать. Засим я обобрал его дочиста и ретировался».

(Из газеты «Sacramento Union», март 1866 года).

* * *

Три года спустя Твэн подытожил свои впечатления от пребывания на Гавайях в следующих строках:

«В свое время было широко распространено суждение, что эти островитяне (гавайцы) — людоеды. Но каннибализм никогда там не существовал, если не считать одного случая... И людоедом оказался иностранец, который открыл там торговую контору и сожрал довольно много туземцев».

(Из газеты «Hartford Daily Times», ноябрь 1869 года).

* * *

К вопросу о положении на Гавайских островах Твэн вернулся в письмах, опубликованных в 1873 году. Вот отрывок из одного письма, напечатанного в газете «Brooklyn Eagle» 8 февраля 1873 года:

«Лет восемьдесят — девяносто тому назад коренное население островов составляло добрых четыреста тысяч душ, и людям жилось привольно, весело и безбедно. Но вот пришли белые люди и принесли с собой торговлю, и коммерцию, и просвещение, и мудреные болезни, цивилизацию и всяческие бедствия, вследствие чего несчастные туземцы стали вымирать с такой замечательной быстротой, что через сорок — пятьдесят лет вместо четырехсот тысяч осталось двести тысяч. Тогда белые удвоили блага просвещения, а это равносильно тому, как если бы в общину, никогда не подвергавшуюся противооспенной прививке, занесли черную оспу. Теперь достаточно будет только несколько новых рассадников знаний, чтобы уже наверняка доконать весь народ! Он обречен на гибель и в течение ближайшего полустолетия — можно не сомневаться — исчезнет с лица земли».

Так писал Твэн в прошлом веке. К 1940 году коренных гавайцев осталось только около 22 тысяч человек.

Примерно через четверть века после поездки Твэна на Гавайские острова американцы, переставшие удовлетворяться ролью негласных хозяев архипелага, организовали там «восстание» и поставили во главе гавайского правительства сына миссионера из США. В 1898 году на Гавайях был официально поднят американский флаг.

В результате империалистической войны против Испании монополистический капитал США стал хозяином и Филиппинских островов, расположенных в непосредственной близости от азиатского континента. Марк Твэн отозвался на захват Филиппин и зверское истребление филиппинского народа, который не желал мириться с господством американских империалистов, рядом гневных статей.

«Мы наложили руку на весь обширный архипелаг, — писал Твэн в одной из них, — как будто вся эта территория и вправду наша; мы «успокоили» тысячи жителей островов и похоронили их, уничтожили поля этих людей, сожгли их селения и лишили крова осиротевших вдов и детей, изгнали из страны и разбили сердца многих неугодных нам патриотов, а остальные десять миллионов филиппинцев поработили при помощи «добровольной ассимиляции» (так теперь лицемеры называют применение мушкета)...»

Перевела В. Лимановская.

АМЕРИКАНСКАЯ МУЗЫКА

Трумэн: — Приготовились! Начинаем «Симфонию мира».
(«Дейли компас» США)

В доме колхозников Ястребовых. Агитатор Валентина Митина (слева) беседует с избирателями.

Фото Б. Кузьмина

Добро пожаловать, гости дорогие!

В. ПУШКИН,
Мастер спорта

Бригадир окликнул Лиду в тот самый момент, когда она поровнялась с правлением колхоза. Лида только что отвезла удобрение в поле и лихо катила по улице на розвальнях с пустыми плетеными корзинками.

— Шишкова, распрягай, на сегодня будет!

Лида выпрягла коня из небольших, легких санок, отвела его на конюшню и неспеша направилась домой.

— Ну, вот она и сама! — сказала мать, едва Лида показалась на пороге.

— А мы уже хотели идти тебе на помощь, чтоб поскорее! — раздалось сразу несколько голосов.

— Переодевайся, — торопила розовощекая Маша Лобанова.

— Да что это вы на меня все сразу! — пошутила Лида.

Маша — ее лучший друг, испытанный товарищ. Вместе они работают в колхозе, обе учатся в вечерней школе. Лида в десятом классе, Маша — в девятом. И совсем ничего не значит, что они самые упорные соперницы на лыжне. Их отношения не портятся оттого, что Маша четыре года подряд на какие-то секунды раньше Лиды обрывала финишную ленточку на областных соревнованиях. Лида частенько говаривала подруге, что она еще возьмет свое. Была же она чемпионкой в 1944 году!

— Переодевайся, переодевайся! — повторила Маша. — В райком вызывают всех агитаторов!

В райком комсомола несколько девушек вошли разом. Секретарь отодвинул от себя кипу бумаг и сказал, поднимаясь со стула:

— Это хорошо, что сразу. Никого не оторвали от работы?

— Нет, — ответили девушки дружно.

— К вам можно? — раздалось за дверью, и в комнату вошли сначала высокий с обветренным лицом Платонов (две недели назад на «прикидке» сильнейших лыжников области в Рязани он занял первое место), затем председатель районного комитета физкультуры Ежкин, потом Другов, Чернов и другие лыжники Тумы. И в комнате стало тесно. Диван, стулья, два кресла были тотчас заняты.

— Есть такое предложение, товарищи, — сказал секретарь райкома, — завтра, в воскресенье, пойти всем в колхоз имени Молотова, побеседовать с избирателями, поделиться опытом с тамошними агитаторами и отвезти литературу!

— Во сколько? — спросил кто-то.

— Намечено в двенадцать часов. Сбор у Дворца культуры...

— А тренировка?

— Пройти как следует до колхоза имени Молотова, разве это не тренировка? — заметил Платонов. — Там такие спуски! А нам как раз пересеченная местность и нужна...

Агитатор Лида Шишкова.

— Так что получайте плакаты, литературу, газеты, — сказал секретарь, — и готовьтесь к первому агитпоходу. И пусть каждый из вас отнесется к этому с предельной ответственностью... А вам, молодым агитаторам, — обратился он к Лиде и Маше, — достался самый многолюдный участок... Не подведете? Справитесь?

Лида и Маша смущенно опустили головы: в самом деле справятся ли они?

Из райкома подруги направились к Лиде. Там они просмотрели еще раз все свои записи и конспекты, потом Маша принесла добавочные материалы, и чувство, похожее на то, которое бывает перед ответственными экзаменами, стало мало-помалу рассеиваться, уступая место уверенности.

Уверенность в своих силах не покидала их и на следующий день. Секретарь партийной организации колхоза имени Молотова, директор школы Андрей Иванович Абрамов, встретивший колонну прибывших агитаторов, сказал, что избиратели уже ждут их. Лида первой вошла в просторную избу Матрены Васильевны Колобаевой, где собрались избиратели.

— Добро пожаловать, гости дорогие! — сказала хозяйка, разводя руками, словно добавляя: «Уж не взыщите, коли что...»

Лида смущенно пробормотала слова приветствия, а Маша не знала, куда деть руки с газетами и брошюрами. Но это продолжалось всего несколько мгновений.

— А мы чуть было не прошли мимо вашей деревни! — улыбнулась Лида.

— Какой-нибудь год не были и не узнали! — добавила Маша.

И все поняли, что речь шла о новых избах, о протянувшихся ко всем домам колхозников проводах от построенной на Нарме колхозной электростанции.

Агитаторы — учительницы местной семилетней школы — уже были в этом доме два дня назад. Они рассказали о выборах, о порядке проведения их, и сейчас избиратели говорили больше сами. На вопрос, что у них произошло хорошего с прошлых выборов, седобородый старик с удовольствием сказал:

— Жить стали намного лучше...

А затем стали говорить о происках американцев на Западе, об образовании Китайской демократической республики; потом Лида рассказала о том, как весь мир борется против поджигателей войны, и все, словно сговорившись, вспомнили Поля Робсона и события во Вьетнаме. Пожилой колхозник с двумя рядами медалей на груди, степенно откашлявшись, сказал, что он прошел три войны, «трудно, слов нет, трудно», но он пойдет и в четвертый раз, если встанет вопрос о счастье его дочерей и внуков...

Когда в избу вошел директор школы, за окнами уже спускался вечер.

— Стучал к вам, стучал, ну, словно в пустой дом! — улыбнулся он.

— Заговорились, дорогой Андрей Иванович, извиняйте нас да присаживайтесь, потеснимся!

Андрей Иванович вытащил карманные часы:

— Вам и четырех часов, я вижу, мало!

— Сколько?! — Лида и Маша разом обернулись к окнам: — Темно уже?!

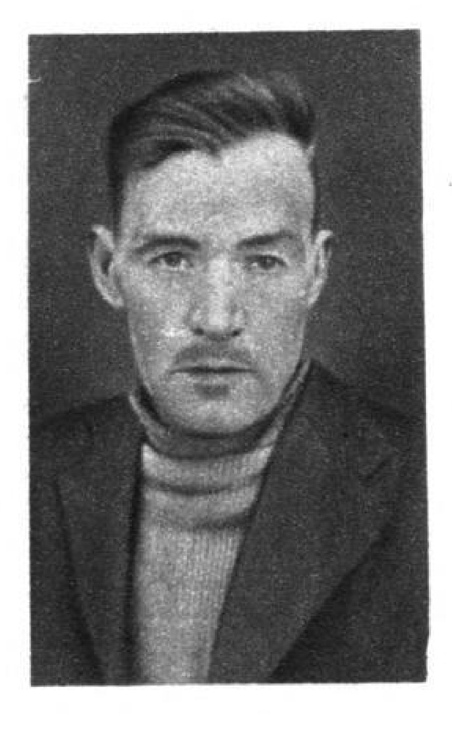
— Разумеется, темно... Но это ничего не значит. У нас скоро будет кино, и неплохо бы вам вместе с избирателями посетить наш новый кинозал! А уж домой мы вас на машине отправим.

г. Тума, Рязанской области.

ГОРОДОШНИКИ

Кто не знаком с этой игрой?

Наверное, почти каждому когда-либо довелось сыграть несколько партий в эту немудреную, но захватывающую игру, одинаково близкую миллионам советских людей различных профессий и возрастов.

Чемпион СССР по городкам слесарь С. Громов.

Каждому, хоть раз в жизни сражавшемуся в городки, известно, что удачно попасть битой по фигуре нелегко. Вот почему нельзя не восхищаться искусством мастеров: у них большинство бит начисто сметают из «города» сложные фигуры. Невольно аплодируешь сильному, меткому удару, вышибающему все пять городков, только что составлявших «пушку», «колодец», «рак» или «вилку».

Городки давно уже стали полноценной спортивной игрой. Недаром матчи «мастеров меткого удара», как по праву называют сильнейших городошников, собирают тысячи зрителей, столько же переживающих за своих любимцев, как и самые заядлые футбольные или хоккейные болельщики.

Так было, например, на последней встрече двух сильнейших городошников страны — слесаря С. Громова и инженера М. Федотова.

Несколько пробных ударов — и два игрока со столичной эмблемой «М» на груди заняли исходные позиции на дальнем кону перед бетонными площадками.

Забивает молодой, темпераментный Федотов. Быстрый, энергичный размах, бросок. Тяжелая бита пролетает в воздухе 13 метров, плешмя ложится и разбивает первую фигуру — «пушку».

— Пять городков, — объявляет судья.

Удачный почин! Секундант Федотова устремляется к пустому квадрату, чтобы быстро поставить вторую фигуру.

На площадке «звезда». Удар — и еще 5 городков веером взвиваются вверх над квадратом.

Теперь бьет Громов — высокий, хорошо развитый спортсмен старшего поколения.

Мастер неспеша выбирает наивыгоднейшую позицию, на мгновение как бы застывает, прицеливается, затем заносит биту далеко назад и сильной рукой направляет ее на фигуру. Бита приземляется изумительно точно. Первыми двумя бросками также выбиты 10 городков.

Мощные, меткие удары следуют один за другим. Каждая бита на счету. Ни одному из игроков не удается оторваться от другого более чем на 1—2 фигуры.

Первую партию в 15 фигур Громов закончил за 24 удара, а Федотов — за 26. Зато вторую партию Федотов проводит удачнее своего противника. Судья оглашает результат 1-го тура:

— На 30 фигур Громов и Федотов затратили по 53 биты.

Дальнейшая дуэль, в которой каждая бита имела решающее значение, закончилась победой С. Громова. Он сумел выбить 90 фигур 152 битами, опередив на 4 биты М. Федотова.

Новый чемпион страны, слесарь-стахановец Автозавода имени Сталина С. И. Громов, в награду за спортивные победы получил медаль и алую майку чемпиона СССР. Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта присвоил также Громову — первому среди городошников — звание заслуженного мастера спорта.

Городки развивают у играющих исключительную точность, глазомер, силу, ловкость, волю к победе. Чтобы быть хорошим городошником, надо неустанно тренироваться и совершенствоваться, как в любом другом виде спорта.

У городошного спорта есть еще одна замечательная особенность: им можно заниматься не только в молодом, но и в пожилом возрасте.

Старейшему городошнику, мастеру спорта, москвичу А. П. Леонову 61 год.

Как-то Алексея Петровича спросили: «Что вам нравится в городках?». Леонова удивил такой вопрос, но он ответил:

— Когда я бросаю играть, у меня появляется недомогание, начинаю полнеть. А вот выйду на площадку — и сразу молодею: чистый воздух, много сильных, точных движений.

Благодаря городкам не один десяток тысяч пожилых людей вовлечен в регулярные занятия спортом во все времена года.

В Москве на протяжении всей зимы проводятся на расчищенных от снега площадках общегородские соревнования по городкам. Отличной игрой мастеров меткого удара можно полюбоваться по вечерам, после работы, на многих московских стадионах, и особенно в субботний вечер.

В. КОЛЛЕГОРСКИЙ

Футболисты готовятся к сезону

Алексей Хомич с небольшим чемоданом в руках, торопясь, шагает по снежной аллее московского стадиона «Динамо».

— Только что из института,—говорит он, здороваясь,—опаздываю на футбольную тренировку...

Вот и большое здание крытых кортов. Издали оно похоже на ангар. Едва закрылась за нами массивная дверь, как зима уступила место лету: тепло, светло. В огромном манеже слышны негромкая команда и характерный звук бегущих по земляному грунту ног.

Это проводит зимнюю тренировку пятикратный чемпион СССР по футболу — команда мастеров московского «Динамо».

На тренировку собрался почти весь состав команды. Мы видим П. Иванова, Л. Петрова, М. Семичастного, Л. Соловьева, А. Малявкина, Н. Конова, В. Цветкова, А. Соколова и других.

...В центре манежа, заложив руки за спину, стоит высокий светловолосый человек в клетчатом свитере и синих тренировочных брюках. Он внимательно следит за каждым из занимающихся. Это М. И. Якушин — старший тренер команды.

Урок он ведет спокойно и непринужденно. На занятиях команды царят спортивная дисциплина и порядок.

Тренировочный урок развертывается во всей полноте. Шаг с ускорением, затем пробежка. На ходу динамовцы проделывают ряд движений, усложняющих бег. Когда организм разогрет, Якушин дает серию гимнастических упражнений для рук, ног, спины, брюшного пресса.

Скоро тысячи зрителей вновь увидят этих игроков на зеленых полях стадионов. К слову сказать, многие болельщики динамовской команды находятся здесь, расположившись на скамьях, в глубине зала. Они с интересом наблюдают за тренировкой. Тут же вспыхивают жаркие споры.

В руках у игроков обыкновенные скакалки. Спортсмены многих «специальностей» знают, каким замечательным средством для тренировки является простая веревочка. С этой веревочкой занимаются и футболисты

Затем начинаются занятия с футбольным мячом. Они разнообразны, проводятся индивидуально, в парах и группах.

Удары головой, передача — короткая и длинная,— остановка высоко или низко летящего мяча — все это мы увидели на уроке динамовцев. До ста ударов по мячу незаметно для себя сделал каждый игрок. Якушин хлопает в ладоши. Все собираются вокруг него. Игроки делятся на две партии. В одной мы видим Семичастного, Цветкова, Конова, Петрова, в другой—Малявкина, Хомича, Иванова, Аверьянова. Свисток. «Матч» начался. Воротами служит обыкновенный легкоатлетический барьер. Но вратарей нет. Хомич в нападении. И когда он забивает гол, то, смеясь, говорит товарищам:

— Забивать-то приятнее, чем пропускать...

Тренировка кончилась. Продолжалась она сто минут.

На площадку выходит следующая группа.

Политрук команды тов. Воронач предупреждает о дне и часе занятий, на которых будет проведена беседа о выборах в Верховный Совет СССР.

Л. Соколов на тренировке.

Ю. ВАНЬЯТ

Небо еще было усеяно звездами, когда мы вышли на охоту. Тайга окружала улус плотным кольцом. Мороз был больше тридцати градусов. Конные загонщики-буряты свернули вправо. Мы продолжаем свой путь. Идем километра два, и разводящий, шопотом отдавая распоряжения, расставляет цепь. Уже совсем рассвело, когда вдали послышался первый крик и его подхватили по всей линии загонщиков. Облава началась.

Охотники, участвовавшие в облавах на крупного зверя, знают, какие незабываемые ощущения испытывает стоящий на номере стрелок. Послышался шорох. Сердце начинает биться учащенно. Но оказывается, что это сойка перелетела с одного дерева на другое. Свист могучих крыльев — и над головой пронесся потревоженный глухарь. Охотник даже не пошевельнулся: на облаве нельзя стрелять птицу. Но вот крик усилился. Можно различить отдельные возгласы: «Карауль!». Рука сжимает шейку ружья: зверь на виду у загонщиков.

Далеко слева раздались два выстрела, затем третий. Я невольно вздрогнул: козы (так сибирские охотники называют косуль) вышли на дальние номера. Улавливаю слабый шум от поднявшегося ветра и от падения с деревьев смерзшегося в комья снега. Вдруг прямо передо мной послышался странный шорох, едва отличимый от общего шума тайги. Еще мгновенье—и на поляну выскочила рысь. Она большими прыжками пересекает полянку... Вот она на расстоянии верного выстрела. Вскидываю ружье, мушка на цели; щелкнул слабый выстрел бездымным порохом. Рысь с полного хода упала. Картечь сделала свое дело — хищник лежит неподвижно.

Загон окончился. Постепенно все собираются на мой фланг, оживленно обсуждая подробности охоты.

— Ну, товарищи, — сказал кто-то, глядя на мой трофей, — уговор дороже денег: шкура стрелку, а мясо на всех.

Это замечание вызвало шутки и смех: всем известен отвратительный запах мяса рыси.

Появились дальние номера, с трудом тащившие двух козлов.

...Солнце клонилось к горизонту. Я сидел на пне и любовался солнечными бликами на толстых, причудливой формы сукдх сосен, окрашенных в желто-золотистые тона. Чувствовался конец января. Отшумели страшные вьюги; в лучах солнца угадывалось приближение прекрасной поры — весны, когда природа с новой энергией пробудится к жизни.

...Одна из вершинок соснового молодняка передвинулась. Сразу же передвинулось еще несколько вершинок. До сосняка более ста шагов. Вновь шелохнулась первая вершинка, и тут я увидел, что это были острые уши скрытых от меня коз. Они входили в загон, двигаясь маленькими прыжками параллельно линии стрелков и останавливаясь через каждые два — три метра.

Сижу спокойно. Козы не замечают неподвижной фигуры, но всякий шорох слышат отлично. Ружье лежит на коленях — стрелять на такую дистанцию не имеет смысла. Наконец идущий впереди козел ленивыми прыжками вышел на пространство, свободное от подлеска; за ним цепочкой двигались четыре других крупных животных, строго соблюдая интервалы между собою. Они останавливались и через каждые два — три прыжка прислушивались к гону. Вожак легко перемахнул через упавшее дерево, остальные последовали за ним и скрылись в сосняке.

Однако гон все ближе и ближе.

Проходит минуты три. Вдруг из сосняка вновь появляется козел, делает эластичный прыжок через колоду и направляется прямо ко мне. Сижу неподвижно и жду развязки. Козел, сделав четыре — пять прыжков, остановился, вытянул шею и стал усиленно внюхиваться. Затем, собрав ноги вместе, повернулся и вновь проделал путь за колоду.

«Выходил на разведку», — думаю про себя. Было ясно, что разведчик дал остальным распоряжение оставаться на месте, но как? Никакого звука не было слышно.

Козы выжидали. Вдруг, сжимаясь и разжимаясь, точно серебристые пружины, всё стадо бросилось громадными прыжками в сторону загонщиков. Очевидно, вожак принял решение и умело вывел стадо из облавы.

В. НУВАРЬЕВ

Томск.

СРЕДИ ОХОТНИКОВ

— Что это наш управляющий так странно снарядился на охоту?

— Видишь ли, он человек предусмотрительный: дичь на всякий случай закупил в «Гастрономе». Но боится: дома не поверят, будто он сам столько набил, если поедет только с одним ружьем.

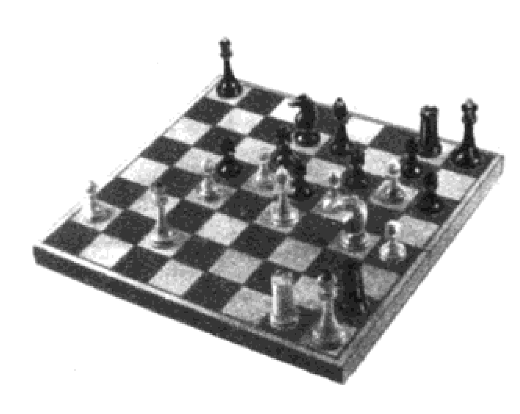
Рисунок И. Семенова

ШАХМАТЫ

Под редакцией чемпиона мира гросмейстера М. БОТВИННИКА

ИНТЕРЕСНОЕ ОКОНЧАНИЕ

Борьба за первое место на женском чемпионате мира была весьма упорной. Важнейшее значение в борьбе за первенство имела партия В. Белова (СССР) — Ш. Шоде де Силан (Франция). После 41-го хода черных партия была прервана в позиции, изображенной на снимке (белые — Белова: Крh1, Фc2, Лg1, Сe4, Кg4, П. a2, c4, d5, f5, g6 и h4; черные — де Силан: Крh8, Фa8, Лg8, h2, Сe7, Кd7, П.c5, d6, e5, f6, g7 и h6).

Белые записали ход —

42. Крh1 : h2 . . .

Как можно оценить получившуюся позицию? Безусловно, в пользу белых. Конечно, если бы черные могли перевести ладью на b8, а слона на f8, активизируя ладью и надежно прикрывая пункт h6, то они стояли бы неплохо. К несчастью черных, этот план невыполним, ибо на 42. . . . Лb8 следует 43. К : h6! gh 44. g7+Крh7 45. Фg2 Крg8 46. Фd2 Кf8 (иной защиты от Фd2 : h6 — h8+нет; на 46. . . Крh7 белые могут ответить 47. Лg6) 47. gfФ+ Кр:f8 48. Фg2! Крe8 49. Фg8+ Сf8 50. Фe6+Крd8 51. Фf7, и белые выигрывают фигуру.

Если же черные переходят в «глухую» оборону, защищая пешку h6 слоном с поля f8 при положении ладьи на g8, то это дает белым возможность весьма неожиданной и эффектной комбинационной атаки.

Так, например, в случае 42. . . Кb6 43. Фd2! Сf8 (или 43. . . К : c4 44. К : h6! Лb8 45. Кf7+Крg8 46. Фe2 Лb2 47. Сc2 Ф : a2 48. Лg2 Крf8 49. h5! с неотразимой угрозой h5—h6) 44. Лc1!—положение черных безрадостно, ибо, кроме пассивного положения фигур на королевском фланге, у них оказывается в матовой сети король. Далее может последовать 44. . . Фa 4 45. Лb1! К : c4 46. Лb7!! К:d2 47. К : h6! Фe8 (47. . . Кf1+48. Крh3 Фa3+ 49. Крg4 Фg3+ ведет к мату после 50. Крh 5) 48. Сc2!! (Изумительное положение — слона надо сохранить для эндшпиля) 48. . . Сe7 49. Кf7+Ф : f7 50. gf Лf8 51. Л : e7, и эндшпиль белые должны выиграть.

Нельзя не признать, что эти варианты весьма эффектны. Но как могут выиграть белые — вправе спросить любознательный читатель — если черные сделают (вместо 44 . . . Фa4) ход 44. . . Фa3, — вариант, также не лишенный смысла?

И в этом случае не может последовать 45. Лb1 ввиду 45. . . . К : c4 46. Лb7 К : d2 47. К : h6 Кf1 + 48. Крg2 Фg3 +— это ведет уже к проигрышу белых.

Можно не сомневаться, что у белых и в случае 42... Кb6 43. Фd2 Сf8 44. Лc1 Фa3 нашлись бы выгодные, хотя и более прозаические продолжения.

Черные, однако, недооценили этот метод защиты и избрали другой способ обороны: они идут на размен пешки h6 на белую пешку a2, что дает им некоторую контригру.

42. . . . Фa8—a5
43. Фc2—c1! Фa5 : a2+

Очевидный промах. В случае 43. . . Лa8! 44. К : h6 Ф : a2+ 45. Лg2 Фb3 черные без хлопот получали ту же позицию, что и в партии.

44. Лg1—g2 Фa2—b3
45. Кg4 : h6 . . . .

Проще было 45. Лb2 Фa4 46. К : h6 Лb8 47. Л : b8+К:b8 48. Кf7+Крg8 49. Фb2! Кd7 50. Фe2 Крf8 (иначе 51. Фh5) 51. h5 Фb4 52. h6 gh 53. К:h6! (пешку h6 надо устранить, чтобы расчистить белому ферзю путь в лагерь противника—Фe2—h5—h8x; уже грозит 54. g7+! Кр : g7 55. Фg2+ Кр : h6 56. Фg6x) Крg7 54. Кf7 Крf8 55. Фh5, и черные могут сложить оружие.

Теперь черные вводят в бой ладью и получают контригру.

45. . . . Лg8—a8
46. Кh6—f7+ . . . .

Этот ход, который кажется таким естественным, удивительным образом мог привести к вероятной ничьей.

Правильно было лишь сразу 46. Лg3! (нельзя допускать хода 46 . . . Лa3) Фa2+47. Крh Фe2 (сильнейший ход; как белые могут выиграть при ходе Фf2, читатель увидит из дальнейшего) 48. Лe3! Фf2 (48. . . Фh5 49. Кf7+Крg8 50. Фb1! Лb8 51. Фc2 ведет к выигрышу белыми ферзя, ввиду неотразимой угрозы 52. Сf3) 49. Кg4! (Вот почему шах на f7, который белые сделали на своем 46-м ходу, был ошибочным; конь участвует в ловле ферзя) 49. . . Фf4 50. Фe1 Лa2 51. Лf3 Фd2 52. Ф : d2 Л : d2 53. Лb3, и у черных безнадежный эндшпиль.

46. . . . Крh8—g8
47. Лg2—g3 Лa8—a2+

Новый промах, после которого дела черных совсем плохи. Ничья, повидимому, достигалась путем 47. . . Фa2+! 48. Крh3 Фe2! (Опасно 48. . . Фf2 49. Фd1! Крf8 50. Фh5 Крe8 5'. Фh8+Кf8 52. Ф : g7 Фf1+33. Крg4 Фf4+54. Крh5 Ф : g3 55. Кh6! Лa2 56. Фf7+ Крd7 57. g7 Лh2 58. gf К+! Крd8 59. Кe6+Крd7 60. К:c5+ dc 61. Фe6+Крe8 62. Фc6+Крf8 63. Фc8+и Фg8x или 52. . . Лa2 53. К:d6+ С:d6 54. Фf7+ Крd8 55. g7) 49. Сd3 Фh5 50. Фf1 Лa2 (защищаясь от угрозы 51. Сe2) 51. Лe3 Лa3! 52. Лg3 Лa2, и не видно, как белые могут усилить свое положение.

48. Крh2—h3 Фb3—a4

Увы! — после 48. . . Фb2 49. Ф:b2 Л:b2 50. h5 Сf8 51. Кd8 Лe2 52. Лb3! черные также погибают.

Теперь наступление белой пешки h должно решить партию.

49. h4—h5! Сe7—f8
50. h5—h6 g7 : h6
51. Кf7 : h6+ . . . .

Проще всего было здесь сразу 51. g7 С:g7 52. Ф:h6 Кр : f7 53. Л : g7+Крe8 54. Лg8+с неизбежным матом.

Испытывая недостаток во времени на обдумывание ходов, В. Белова не сразу находит это решающее продолжение, и партия вновь вступает в критическую фазу...

51. . . . Крg8—g7
52. Кh6—f7 Крg7—g8
53. Кf7—h6+ Крg8—g7
54. Кh6—g4 Крg7—g8
55. Кg4—h6+ . . . .

В пылу «сражения», рассчитывая повторением ходов выиграть время для обдумывания, белые допускают троекратное повторение позиции. Согласно шахматному кодексу, черные в этот момент имели право сделать заявление судейской коллегии о признании партии ничьей, однако они просматривают эту возможность.

55. . . . Крg8—g7
56. Кh6—f7 . . . .

А здесь черные потребовали признания ничейного исхода борьбы, но это требование было запоздалым. В полном соответствии с кодексом судьи отвергли это необоснованное требование—читатель легко может заметить, что белый конь оказался на поле f7 (при отсутствии пешки h6) всего лишь во второй раз!

56. . . . Крg7—g8

Здесь цейтнот кончился, и белые находят путь к победе.

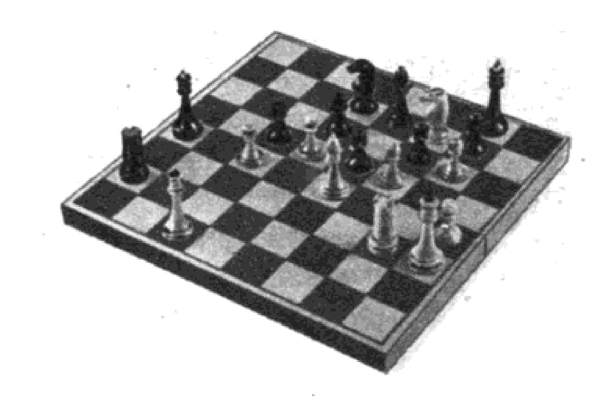
57. g6—g7! Сf8 : g7
58. Фc1—h6 Крg8—f8

Отчаяние.

59. Фh6 : g7+ Крf8—e7
60. Кf7:e5+ Крe7—d8
61. Кe5 : d7 Фa4 : d7
62. Фg7 : f6+ черные сдались.

Интересное, хотя и небезошибочное окончание. Позиция была, впрочем, столь сложна, что ошибиться не грешно было бы и гросмейстерам.

Нетрудно видеть, что изобилие красивых вариантов было далеко не случайным; позиция черных на королевском фланге имела столь стесненный характер, что наряду с материальным соотношением сил большое значение приобретала активность фигур. Это и явилось основанием для всех этих жертв и комбинаций.

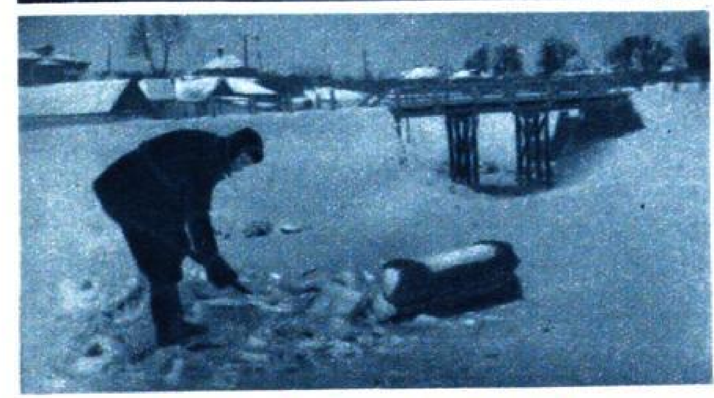

Положение после 48-го хода черных.

Сверху вниз: 1. На Каспии. 2. Осетры в аквариуме. 3. В лаборатории гидробиологии Московского университета Н. С. Строганов (справа) и С. Н. Скадовский рассматривают икру стерляди. 4. Пруд в колхозе села Ново-Рязаново. Здесь проводится опыт по зимовке осетровых рыб.

Из морей в колхозные пруды

Каждый год осетровые рыбы в период нереста плывут из Каспийского моря в пресные воды Волги и Куры метать икру. Из икринок выводятся личинки, и в тот же год молодые осетрята начинают свое первое самостоятельное путешествие в обратном направлении...

...Московский ордена Ленина государственный университет имени Ломоносова. На дверях одной из комнат скромная дощечка: «Кафедра гидробиологии». За микроскопами и приборами склонились люди в белых халатах. На стеллажах широкие, наполненные водой ванны. В сосудах зеленеют водоросли. Чуть слышно шуршит моторчик, нагнетая через резиновые трубочки пузырьки воздуха в миниатюрные водоемы. За зеркальными стеклами аквариумов снуют гибкие осетры. Иногда они становятся вертикально, высовывая из воды острые носы с двумя парами усиков.

— Это наши подопытные,— говорит доцент кафедры Н. С. Строганов. — В естественных условиях иногда можно наблюдать точно такую же картину, когда рыбы играют в реке.

В течение пяти лет доцент Н. С. Строганов и руководитель кафедры гидробиологии С. Н. Скадовский ведут опыты над осетровыми породами рыб.

...Весной 1945 года правительство дало указание начать опытные работы по акклиматизации осетровых пород рыб для широкого использования их в колхозном рыбоводстве. Советский Союз — обладатель 93% мировых запасов осетровых пород рыбы.

Большие работы по гидростроительству на Куре и Волге со временем превратят на определенных отрезках эти реки в систему проточных озер; прекратится доступ ценных осетровых пород рыб на нерестилища; в связи с этим особо остро стоит проблема сохранения осетровых.

Экспедиции научных сотрудников кафедры гидробиологии в течение ряда лет выезжали на Куру, Волгу, Каму и Каспий; весной 1947 года личинки осетров совершили путешествие с нерестилищ на Волге в районе Саратова в Москву, чтобы поселиться в лабораторных аквариумах и в прудах.

Опыты выращивания осетровых в пресноводных бассейнах дали положительные результаты. К концу третьего лета осетры достигли в них веса 650—750 граммов.

В настоящее время сотрудники кафедры гидробиологии ведут также опыты разведения родственной осетрам стерляди.

Н. С. Строганов показывает нам пробирку, наполненную черной стерляжьей икрой, полученной им в ноябре 1949 года в бассейнах Московского зоологического парка.

— Вскоре, — говорит Николай Сергеевич, — мы надеемся получить мальки стерляди.

...Толстый слой льда и сугробы снега покрывают пруды колхоза села Ново-Рязаново, Подольского района. Здесь проводятся опыты по зимовке осетровых. Осенью 1949 года в пруды выпустили около 800 годовалых и трехлетних осетров, двухлетних севрюг и стерлядей.

Январь 1950 года был исключительно холодным — это усиливало интерес к опытам зимовки ценнейшей красной рыбы в условиях Московской области. Наблюдения, произведенные в середине января, показали, что зимовка осетровых рыб проходит вполне удовлетворительно.

Недалеко время, когда в колхозных водоемах будут жить и размножаться первосортные осетры.

Текст и фото
Вл. МИНКЕВИЧА.

Подумай!

КУДА ИДТИ?

Ночью в степи мы заблудились. Стояла лютая стужа, и хотелось скорее найти какой-нибудь кров. Холмы закрывали горизонт — огней не увидишь. Тишина. Мы шли наугад. Но вот, наконец, смутно стали слышны какие-то звуки. Вскоре удалось различить справа паровозные гудки (где-то в этом районе была узловая станция), а слева — ржанье лошадей и лай собак. Мы быстро свернули...

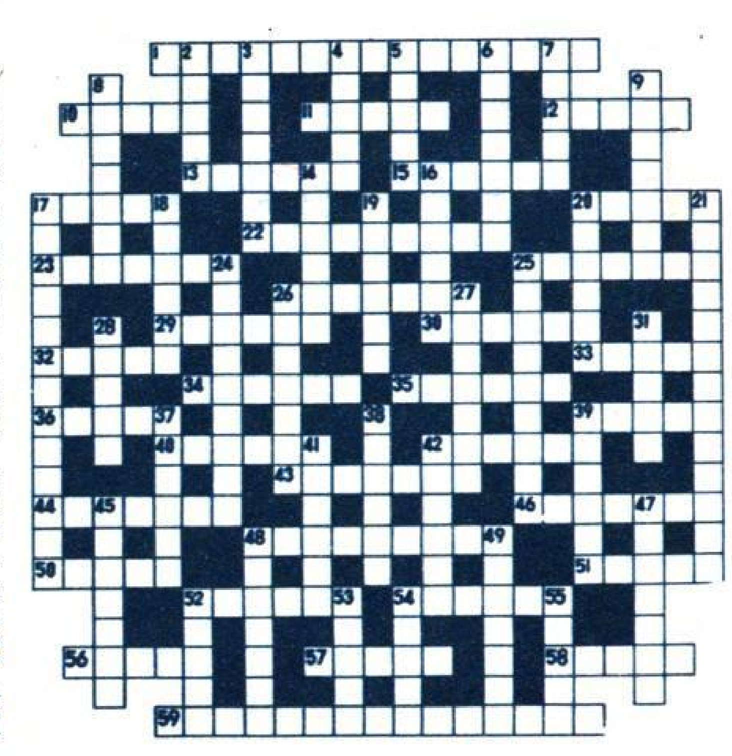
В какую сторону мы пошли?

БЕСЦВЕТНЫЕ ЧЕРНИЛА

Школьнику захотелось сделать чернила погуще и потемнее. Он всыпал в чернильницу черный порошок из хорошо измельченного древесного угля, взболтал, но когда начал писать, то вместо чернил у него оказалась почти бесцветная жидкость.

Как это могло получиться?

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Заметка в газете. 10. Шест с крюком. 11. Остров, где жил А. М. Горький. 12. Опера Рубинштейна. 13. Известная участница Отечественной войны 1812 года. 15. Пряность. 17. Химический элемент. 20. Горная порода. 22. Иносказание. 23. Народная республика. 25. Линия на географической карте. 26. Советский композитор. 29. Знатный шахтер. 30. Планета. 32. Птица. 33. Вертикальный склон. 34. Название озера. 35. Сюжетная схема литературного произведения. 36. Водяное растение. 39. Внешние очертания предмета. 40. Оборотная сторона медали. 42. Опросный лист. 43. Рассказ. 44. Проход под землей. 46. Город в Сибири. 48. Известковый нарост в пещере. 50. Музыкальный инструмент. 51. Культурно-просветительное учреждение. 52. Цветная полоса на брюках. 54. Отпечаток. 56. Атака. 57. Способ печатания. 58. Заменитель кожи. 59. Стихотворение Маяковского.

По вертикали:

2. Группа войск. 3. Пояснение автора к тексту пьесы. 4. Столица народно-демократической республики. 5. Советская поэтесса. 6. Нравоучение. 7. Государство. 8. Мера. 9. Опера Серова. 14. Основатель русского театра. 16. Платформа. 17. Электрический прибор. 18. Город в Китае. 19. Камень для высекания огня. 20. Город в Белорусской ССР. 21. Выдающийся театральный деятель. 24. Старинный русский город. 25. Ум. 26. Музыкальная пьеса. 27. Декоративное растение. 28. Птица. 31. Река в СССР. 37. Товарищество. 38. Народный танец. 39. Причудливое явление. 41. Музыкальное произведение. 42. Персонаж романа Т. Семушкина. 45. Род больших сов. 47. Конная разведка. 48. Сожительство нескольких организмов. 49. Столица советской республики. 52. Полуобезьяна. 53. Кондитерское изделие. 54. Декоративный кустарник. 55. Орех.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

4. Число. 5. Эскалатор. 9. Отдых. 11. Пласт. 12. Шутка. 13. Гроза. 15. Кадры. 16. Узбек. 17. Орган. 18. Китай. 22. Радиомаяк. 24. Президиум. 26. Звено. 28. Металлист. 29. Кумач. 31. Ферма. 32. Самоучитель. 33. Утеря. 36. Чаква. 37. Спиртовка. 39. Кожан. 40. Кручинина. 42. Артельщик. 44. Степь. 46. Поход. 48. Фураж. 50. Слово. 55. Хинин. 56. Букет. 57. Аймак. 58. Режим. 59. Коростель. 60. Рифма.

По вертикали:

1. Комар. 2. Клеть. 3. Мороз. 4. «Чайка». 5. Энтузиазм. 6. Кашне. 7. Театр. 8. Регламент. 10. Халва. 11. Парад. 14. Алиби. 19. Город. 20. Выключатель. 21. Бирка. 22. Разведчик. 23. Котловина. 24. Приставка. 25. Мичуринск. 27. Ермак. 30. «Мятеж». 34. Парик. 35. Скула. 37. Сливочник. 38. Астрахань. 41. Успех. 43. Щелок. 45. Тимур. 47. Отбор. 49. Устье. 51. Вирта. 52. Знамя. 53. Окись. 54. Умбра.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ Ю. ЧЕКУЛАЕВА (№ 8).

1. h4 — g5 f6 : h4. (A); 2. h8 : e5 h6 — g5; 3. b4 — a5 g5 — f4; 4. g3 — h2 f4 : d2; 5. c1 : e3 a7 : c5; 6. e3 — d4 c5 : g1; 7. b8 — g3 h4 : f2 8. a5 — e1 X (A) 1. . . . h6 : h2; 2. c3 — e5 f6 : d4; 3. c5 : e3 a7 : a3; 4. h8 : b2 h2 — g1; 5. b8 — h2 X.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Н. Уразова.

А — 00848. Подписано к печати 21/II—50 г. Изд. № 141. 5½ печ. л. Тираж 381 000. Заказ 394. Рукописи не возвращаются

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24

реклама наглядная
лучше всего номера.

МОЖНО ВЫИГРАТЬ

ПО ОБЛИГАЦИЯМ

Государственного 3% внутреннего выигрышного займа

ПРИОБРЕТАЙТЕ ОБЛИГАЦИИ!

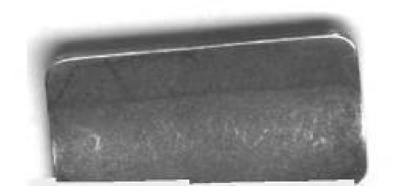
ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДИТСЯ шесть основных тиражей выигрышей — 30 января, 30 марта, 30 мая, 30 июля, 30 сентября и 30 ноября и один дополнительный тираж выигрышей 30 сентября.

В основных тиражах участвуют все облигации, независимо от срока их приобретения. В дополнительных тиражах участвуют облигации, приобретенные не менее чем за 9 месяцев до срока тиража.

В каждом тираже на один разряд займа в один миллиард рублей разыгрывается следующее количество выигрышей:

Размер выигрыша	В основном тираже	В дополнительном тираже
100.000 рублей	—	1
50.000 рублей	2	5
25.000 рублей	5	25
10.000 рублей	25	80
5.000 рублей	80	800
1.000 рублей	700	2.300
400 рублей	7.688	8.289
ВСЕГО	8.500	11.500

Облигации продаются и покупаются сберегательными кассами.

Цена 3 руб.